

КОСТЁР

1
январь

1982

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года.

© «Костер» 1982 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Ударная комсомольская Фоторепортаж А. Введенской	4
Трава-мурава рассказы Ф. Абрамова	6
Путь на Чару очерк Г. Балуева, А. Гостомыслова	10
Барaban	14
Кем стать!	
Беседа с Председателем Государственного комитета СССР по профессионально- техническому образованию А. А. Булгаковым	18
Пионерская ферма	20
Врагу не сдаётся историческая повесть Л. Богачука	22
Строки из летописи Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина	29
На Кавказе стихи Дж. Чуюко	32
Конопущкина зимовка рассказ З. Пироговой	34
Мальчик Ой стихи А. Старикова	35
Страничка для малышей	36
Арчбек	37
Они пишут для вас	38
Морская газета	40
Школа будущих командиров	42
Спортклуб «Кузнечик»	46

На обложке рисунок А. Ивашенцовой

К 60-летию СССР

КАК

Эта встреча произошла в Соединенных Штатах Америки, в пригороде Сан-Франциско — Окленде, там, где некогда жил и работал знаменитый Джек Лондон.

Мы, группа московских и ленинградских литераторов, приехали сюда, чтобы отдать дань памяти и уважения великому американскому писателю. Мы посетили скромный, содержащийся, как нам объяснили, лишь на частные пожертвования, музей Джека Лондона, познакомились с дочерью писателя. Она, волнуясь, говорила, что всегда рада увидиться с советскими людьми, потому что хорошо знает, как любят и ценят книги ее отца в Советской России.

Прямо из комнаты, где размещался этот маленький музей, боковая дверь вела в помещение городской библиотеки, и нас пригласили осмотреть залы, в которых хранились книги.

Заведующая библиотекой, пожилая, очень привлекательная женщина, повела нас мимо книжных шкафов, мимо полок, уставленных бесконечными рядами книг.

Она много и охотно рассказывала о редких изданиях, которые находятся здесь, об истории создания библиотеки, об автоматических контрольных устройствах, которые поднимут тревогу, если кто-то попытается тайно вынести из библиотеки ценную книгу, о постоянных посетителях библиотеки... А когда мы проходили через читальный зал, вдруг понизив голос, сказала почти шепотом:

— Вон там, за крайним столиком... только не оборачивайтесь, пожалуйста, все сразу... сидит индеец... настоящий ин-

ДНА СЕМЬЯ

деец... Он часто приходит сюда. Только прошу вас, не обращайтесь сразу, он очень не любит, когда его разглядывают... когда его показывают...

Что скрывать, конечно же, мне очень хотелось взглянуть на настоящего, взаправдашнего индейца. Да и кому бы на моем месте не хотелось!

И все-таки я не стал оборачиваться. Зачем смущать человека! Разве приятно чувствовать себя редкой диковинкой, занятным экспонатом, на который устремлены любопытные взгляды посетителей?..

И все же так случилось, что я увидел этого человека. Я увидел его, когда мы возвращались обратно через тот же читальный зал. Молодой, худощавый, он был одет в обычный европейский костюм, но смуглое лицо, резко очерченный профиль и прямые черные волосы выдавали его происхождение. Он сидел, сосредоточенный, склонившись над книгой, словно бы не замечая ничего вокруг, и только излишне напряженные мускулы лица говорили о том, что он чутко улавливает обращенные на него взгляды.

Случайный, казалось бы, эпизод, короткая, мимолетная встреча...

А вот никак не могу я забыть этого человека. В моих ушах с прежней отчетливостью звучит торопливый, извиняющийся голос нашей хозяйки: «Только прошу вас, не обращайтесь, он очень не любит, когда его разглядывают...»

Нет, конечно же, я ни в чем не хочу упрекнуть эту гостеприимную, приветливую женщину. И ее гордость оттого, что индеец — пусть один-единственный! — но все же приходит постоянно в библиотеку,

и ее деликатность по отношению к нему можно и понять и оценить. Разве ее вина в том, что в стране, которая так любит именовать себя «лидером свободного мира», в стране, чьи президенты так много говорят о «правах человека», представитель коренного населения выглядит диковинкой, едва ли не музейной фигурой? Разве ее вина в том, что сам по себе факт появления американского индейца в читальном зале библиотеки воспринимается как событие исключительное, из ряда вон выходящее?..

Случайный, казалось бы, эпизод, но за ним трагическая судьба целого народа.

«Он не любит, когда его разглядывают...» Во время поездки по Соединенным Штатам мне еще не раз пришлось услышать почти такую же фразу — только сказана она была совсем другим тоном. И было это уже не в Окленде, а в Гарлеме — негритянском районе Нью-Йорка.

Наш туристский автобус медленно двигался по узким улицам, мимо мрачноватых, тесно прижатых один к другому домов, мимо небольших баров и магазинов, возле которых толпились чернокожие граждане Америки. Подростки и старики, женщины и мужчины... Одни из них сидели прямо на ступеньках у дверей, другие стояли небольшими группами, провожая взглядами наш автобус. Нет, не любопытство, скорее скрытая враждебность угадывалась в их взглядах. Конечно же, эти люди не знали, кто едет в автобусе, мы были для них в тот момент белыми туристами — и только...

— Постарайтесь воздер-

жаться от фотографирования, — обеспокоенно предупредила женщина-гид, сопровождавшая нас. — И не прижимайтесь к окнам. Они очень не любят, когда их разглядывают. Вы можете получить камень в стекло...

«Они» — это слово было произнесено так, будто речь шла о людях другой, враждебной страны или даже другой, враждебной и, разумеется, более низкой цивилизации. «Они...»

И правда, казалось, здесь, в этом районе, идет какая-то своя, особая жизнь, совсем непохожая на ту, которую мы видели в соседних кварталах города — словно, въехав сюда, мы на самом деле пересекли границу иного государства.

В тот момент, мне почудилось, я отчетливо ощутил атмосферу вражды, ненависти и страха, витавшую над Нью-Йорком. И уже потом у себя дома, в Ленинграде, читая в газетах о негритянском восстании в Майами, о расправах над неграми в Атланте, я не раз вспоминал это ощущение, испытанное в Нью-Йорке, в негритянском Гарлеме...

Но почему теперь я опять вспоминаю эти эпизоды, почему именно с них решил начать свой рассказ?

Да потому, что, только побывав за рубежом, начинаешь как бы новыми глазами смотреть на все то, что стало для нас привычным, повседневным, и с особой гордостью думаешь о том, какое это великое завоевание, какая это великая человеческая ценность — дружба народов нашей страны! Дружба, которая закреплена не только законами нашего государства, его Конституцией, но и самим образом нашей жизни, закреплена в наших душах, в наших сердцах.

Мне не раз приходилось бывать в различных республиках нашей страны — и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке, и повсюду, в какую бы республику я ни приезжал, я встречал людей, живущих яркой, полнокровной, интересной жизнью.

Разве можно, например, забыть выставку работ юных художников, которую я увидел однажды в отдаленном якутском поселке, куда и добраться-то чаще всего можно лишь на самолете! Отличная это была выставка! Жизнерадостная, солнечная, многоцветная. Уже немало лет прошло с тех пор, как побывал я в том далеком поселке, а до сих пор помню чувство, которое ощущал, переходя от одной картины к другой, от одного рисунка к другому. Эти рисунки лучше всяких слов рассказывали о своих авторах. Так жизнерадостно, ярко могли рисовать только ребята, с самого раннего детства живущие в атмосфере человеческого братства, чувствующие себя полноправными гражданами Страны Советов. Это чувство приходит к ним естественно и просто вместе с первыми песенками, которые напевают им матери, вместе с первыми строчками якутского букваря, вместе с первыми строками пушкинского стихотворения, вместе с именем Ленина.

А ведь не свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция — и многим народностям России угрожала бы та же участь, которая постигла американских индейцев. И это не фантазия, не вымысел, не досужее предположение. Об этом свидетельствуют факты, об этом рассказывают документы.

Однажды, когда я собирал материал для своей книги «На кого работает время», мне в руки попал старый томик, изданный еще до революции. На обложке стояло название: «Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране».

Автор этой книги, Николай Ремезов, рассказывал о том, как некий купец Уткин с помощью обмана и угроз скупил у башкир землю. И не просто какой-нибудь клочок земли, а землю, по территории почти равную Бельгии! Сколько же заплатил он за эту землю? Оказывается, всего восемь тысяч рублей...

Как же могла совершиться

такая сделка? А вот как: «Он выпоил башкирам несколько бочек вина, так что они подписывали пьяные, сами не зная что; дарил или, вернее, подкупал «горлохватов»-мироедов деньгами, чаем, сахаром, вином и т. п.» «При проверке подписей господин Фок (а господин Фок был посредником между башкирами и купцом Уткиным — Б. Н.) на башкир кричал, топал ногами, грозил засадить под арест, в тюрьму, а старшина Давлетбаев до того разошелся, что грозил прямо сослать несогласных на Амур!» И дальше: «Политики внушили и пустили в обращение «гениальную» идею, что земли для башкир составляют бремя, от которого нужно их избавить, чем и облагодетельствовать дикарей...»

Разве эта история не напоминает почти буквально, как обходились в Америке с индейцами белые поселенцы и земельные спекулянты, когда захватывали их земли? Почерк алчных любителей наживы, что в царской России, что в Соединенных Штатах, оказывается одинаковым. Но какой не одинаковой оказалась судьба двух народов!

Мне довелось бывать в Советской Башкирии. Я сам, своими глазами видел высокоразвитую, процветающую республику. Внуки и правнуки тех, кого некогда, подобно американским индейцам, обманывали, спаивали, унижали, грабили, сгоняли с собственных земель, теперь стали нефтяниками и учителями, инженерами и учеными, механизаторами и врачами, стали полноправными гражданами Союза Советских Социалистических Республик.

И, кстати, даже тот повод, который привел меня в Башкирию, сам по себе тоже говорит о многом. В то время я работал в журнале «Костер» и приехал в столицу Башкирии Уфу, чтобы встретиться с известным башкирским писателем Анвером Бикчентаевым и договориться о публикации его новой повести на страницах нашего журнала. Повесть эта называлась «Дочь посла», в ней

рассказывалось о том, как башкирские нефтяники помогли индийцам отыскать нефть, рассказывалось о дружбе между советскими и индийскими ребятами. В переводе на русский язык повесть Анвера Бикчен-таева была напечатана в ленинградском пионерском журнале, и ее с увлечением читали ребята всей нашей страны.

Такова судьба не только Башкирии. Такова судьба всех некогда отсталых окраин царской России. Новая жизнь пришла сюда вместе с советской властью.

На страницах той же книжки «На кого работает время» я рассказал еще одну заинтересовавшую меня историю, которую узнал тогда из газет.

История эта произошла в узбекском колхозе, на орошаемых целинных землях Голодной степи.

И раньше, еще до революции, люди пытались орошать бесплодные пространства Голодной степи. Только селиться на этих землях узбекам царское правительство не разрешало. Как орошат землю, отвоюют крошечный кусок у пустыни, так и заселят эту землю привилегированными переселенцами, и только из русских.

Иное дело теперь. Теперь новые каналы пролегли через Голодную степь. Раскинулись поля хлопка. В колхозах рука об руку работают и узбеки и русские.

И вот как-то в один такой колхоз приехал турист-иностранец. Побывал он в гостях у знатного тракториста.

— Я слышал, вы в Советском Союзе, — сказал иностранец, — очень часто любите говорить, что живете единой братской семьей. Что все ваши народы поддерживают друг друга, помогают друг другу. Но ведь все это общие слова, общие рассуждения. А если говорить конкретно, как лично вы представляете себе эту помощь, эту поддержку? Как вы ее ощущаете?

Тракторист засмеялся.

— Вам на этот вопрос лучше меня ответит мой сынишка, — сказал он. — Он настоящий специалист в этом деле. Ну-ка,

сын, покажи нашему гостю свою карту.

Сын тракториста, школьник, и правда принес карту. Это была обыкновенная географическая карта Советского Союза. Только вся она оказалась разукрашена какими-то стрелками, линейками, пунктирами, маленькими рисунками. И все эти стрелки и линейки сходились в одном месте — в Голодной степи. Оказывается, мальчишка надумал отмечать на карте, что и откуда получает их поселок, как связан их колхоз со всей Советской страной.

Привезли, например, тракторы из Белоруссии — протянулась ниточка к Минску. И на рисунке — крошечный трактор.

Отправился парень из колхоза учиться в Ленинград, в институт — и побежала линейка к Балтийскому морю. А по линейке весело шагает человек с толстым портфелем.

Поступили учебники из Ташкента — еще одна стрелка на карте.

Приехали артисты из Москвы, выступили с концертами в колхозном Доме культуры — еще одна линейка протянулась на карте.

Очень выразительная получилась карта! Во всяком случае, иностранному гостю она очень понравилась.

Когда на страницах своей книжки я рассказывал про этот случай, то еще не знал, что пройдут годы — и я сам побываю в Голодной степи, сам буду гостем в целинных колхозах. Но мне посчастливилось — и вот уже совсем недавно я попал в эти удивительные края.

Повсюду, где некогда простиралась безжизненная степь, я увидел уходящие к горизонту поля, покрытые нежной весенней зеленью, я услышал журчанье воды, принесшей жизнь на эти прежде пустынные земли, увидел новые красивые поселки, выросшие там, где раньше жались друг к другу глинобитные строения нищих кишлаков...

А как красив оказался поднявшийся среди степи город Джизак! Он совсем еще мо-

лод, этот город, он еще строится, но уже угадываются выразительные очертания его центральной площади, уже создан архитекторами прекрасный театр и сказочный детский городок, и дом книги, и мемориал, посвященный жителям Джизакской области, погибшим в боях за нашу Родину...

Среди тех, кто в мартовский солнечный день вместе со мной приехал в Джизак, был человек, который всякий раз ступает на эту землю с особым волнением. Высокий, грузный мужчина, он стоял, в глубокой задумчивости глядя на окрестные, подступающие к Джизаку горы, и слабый ветер шевелил его седеющие волосы. Здесь он родился, здесь бегал маленьким мальчишкой, здесь в 1916 году стал свидетелем знаменитого Джизакского восстания. Тогда бедняки-дехкане не вынесли притеснений царских чиновников и местных баев и подняли восстание. С кетменями, кирками и палками сражались они против вооруженных солдат. Восстание было жестоко подавлено, его вожаки казнены. Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла подлинную свободу народам Средней Азии. Октябрьская революция определила и судьбу мальчишки из бедной узбекской семьи. Ныне имя его — имя народного писателя Узбекской ССР Назира Сафарова — известно всей республике, известно и далеко за ее пределами.

Да, навсегда ушли в прошлое времена, когда царские правители и местные богатеи всячески раздували национальную рознь, натравливали одни народности на другие. Ныне нет, пожалуй, в нашей стране другого такого края, где бы рука об руку, плечом к плечу трудилось столько представителей различных национальностей, как в Голодной степи. «Судите сами, — сказал нам председатель колхоза «Октябрь», — среди тех, кто руководит нашим колхозом, есть узбек, русский, азербайджанец, казах... А всего в нашем

колхозе работают люди девятнадцати национальностей! И все мы как одна семья...»

Очень точно сказано — одна семья!

Так неожиданно получил свое продолжение рассказ, начатый мной на страницах книги «На кого работает время».

В столице Узбекистана, в Ташкенте, я увидел уникальный, если не ошибаюсь, единственный в мире, музей — музей Дружбы народов. Не случайно музей этот создан именно в Ташкенте. Ташкент хорошо знает истинную цену дружбы наших народов, истинное ее значение.

В годы Великой Отечественной войны гостеприимный Ташкент под крышами своих домов приютил детей Ленинграда, да и не только Ленинграда, накормил и обогрел их, спас им жизнь. Зато в тяжкие дни ташкентского землетрясения, когда в столицу Узбекистана пришла беда, ташкентских детей приняли города России, все республики нашей страны протянули руку помощи Ташкенту. Иначе и быть не могло в советском государстве.

Я видел Ташкент вскоре после землетрясения.

Я видел Ташкент теперь, в наши дни.

Там, где лежали развалины, выросли новые, многоэтажные, прекрасные здания.

Там, где землю рассекали трещины, бегут по подземным тоннелям поезда метро.

Там, где стояли старые, неказистые дома, нынче тянутся вверх стрелы кранов. Ташкент продолжает строиться.

Имя той силе, которая помогла Ташкенту выстоять в схватке с подземной стихией, которая помогла этому городу стать еще прекраснее — дружба народов.

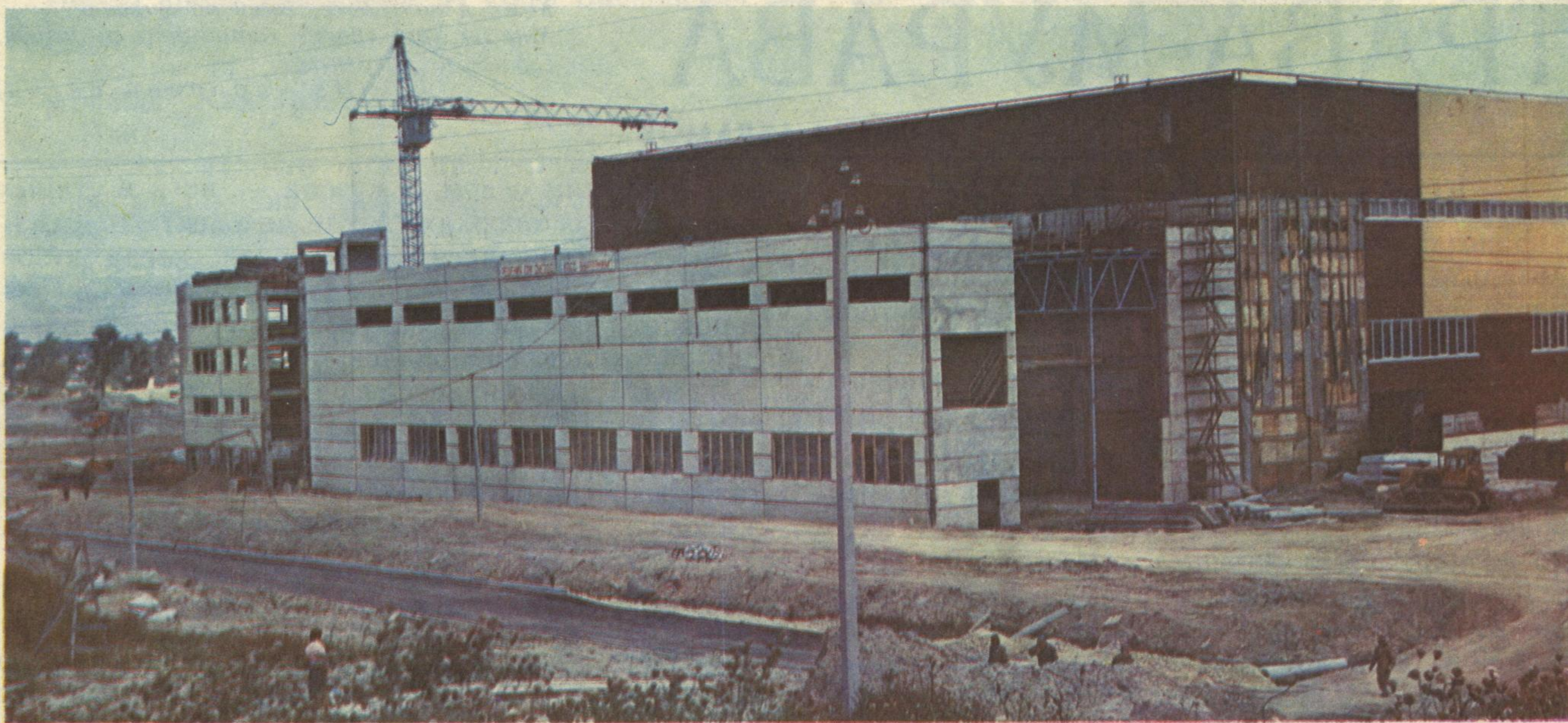
Издавна лучшие люди земли мечтали о мире без национальной вражды, о братстве и равенстве всех народов. Мечта эта осуществилась в нашей стране, живущей и работающей под руководством ленинской партии, в стране, носящей гордое имя — Союз Советских Социалистических Республик.

НАВСТРЕЧУ XIX СЪЕЗДУ ВЛКСМ

УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

Лучшая бригада комсомольцев ударной стройки — бригада Михаила Лахина.

Здание картонной фабрики. Здесь будут размещены машины, перерабатывающие собранную пионерами макулатуру.

От Павловска двадцать минут на автобусе — и взгляду открылась огромная, разрытая экскаваторами территория, контуры зданий необычайной архитектуры.

Забравшись по винтовой лестнице на крышу, преодолевая купол за куполом как бы бегущей волнами крыши, подошла к молодым строителям, которые принимали бетон. Оказалось: в этих вот зданиях разместится крупнейшая в стране картонная фабрика. Но больше всего поразила даже не гигантский размах стройки, не необычность архитектуры, а то, что фабрика эта будет работать на собранном ребятами-школьниками сырье. И делать из него отличный мелованный картон.

Стройка эта ударная, комсомольская. Здесь собрались комсомольцы с разных предприятий и учебных заведений Ленинграда, чтобы помочь своей стройке.

К концу этого года, года съезда комсомола, строительство фабрики будет завершено.

А. ВВЕДЕНСКАЯ
Фото автора

Михаил Лажин занят бетонированием перекрытий склада.

ТРАВА-МУРАВА

Хожу я по травке, хожу по муравке,
Мне по этой травке ходить не находится,
Гулять не нагуляться.

(Из народной песни)

Федор АБРАМОВ

КОМУ-ТО И РОБИТЬ НАДО

Запоздалая весна, запоздалый сев. С радостью вглядываюсь в свежевспаханное, лоснящееся от влаги поле, в березовый перелесок, в который скатывается пашня.

Вдруг оттуда со стороны перелеска доносится тонюсенький веселый голосок, который так не вяжется с содержанием песни:

Сижу на карточки гадаю,
сама себя я веселю...

Проходит каких-то две-три минуты, и из низины из-за гребня подымается рыжая лошадка с бороной, а на лошадке белобрысенькая девчушка. Босиком. С березовой вицей в руке.

— Здравствуй, — машу ей рукой.

— Здравствуй.

— Кто же тебя выучил петь такие песни?

— Никто. Сама научилась. Мама говорит: пой, Анка, веселее будет.

— А ты учишься?

— Отучилась. Восемь классов выходила.

— И больше не будешь?

— Не. Все братья ученые, мама говорит: кому-то и робить надо.

И тут девчушка огрела лошадку вицей и поехала дальше, затянув какую-то новую, незнакомую мне песню.

ВО КРЕСТЬЯНСТВЕ ВЫРОСЛА

По тихой вечерней улице, поскрипывая и покачиваясь, плывет огромный кузов, с верхом на-

битый свежим сеном, у кузова — ноги в старых растоптанных опорках. А где человек?

Человек объявился лишь тогда, когда кузов вошел в закоулок к Вороницыным. Настасья Степановна, ветошная голубоглазая старушонка. Вся задохлась, запарилась — еле на ногах стоит.

— Чего так убиваешься? В твои ли годы с сеном возиться? Дети-то куда смотрят?

— Звали. И Артем звал, и Иван звал. Не отталкивают, не отталкивают от себя мать, грех жаловаться. И деньгами не обижена — посылают.

— Так в чем дело?

— Робить хочу.

— Робить-то и у сыновей можно.

— Нет, не та работа. Бескоровники. А я во крестьянстве выросла, мне первым делом коровушку натъ. С коровушкой-то мне и жить весело. Вечером ложишься с думой о ней и утром всташь — опять она на уме. А ночью-то проснешься, тоже первым делом: где у меня Лусонька-то? А у их, у детей, о чем думаешь? Все думано-передумано без меня.

Нет, нет, я люблю работать. Мне не в тягость корова. С коровой-то я только и человек.

СЛУГА НАРОДА

Петр Васильевич торговал в потребиловке еще до войны, а старушонки, завидев кого-либо с покупками, еще и поныне говорят: «Где была? Не у Петра Васильевича?».

В тридцатых годах селяне не часто ходили в лавку (какие деньги у колхозника!), а если уж выходили, то это было для них целым событием,

Рисунки В. Топкова

чем-то вроде праздника. И Петр Васильевич хорошо понимал это.

— Заходи, заходи, Захар Павлович. Как здоровьице? Как дела?

Или:

— Ах, ах, кто пожаловал-то к нам сегодня! Анна Федоровна! Долгонько, долгонько не видели тебя, матушка.

Кому какой товар надо Петр Васильевич угадывал с полуслова, а то и просто так. А с какой ловкостью, с какой красотой колдовал на обычных весах-тарелках! А когда дело доходило до мануфактуры, самого дефицитного товара по тем временам, он тут и вовсе преображался. Самый дешевенький ситчик умел развернуть, да так, что все ахали.

Петру Васильевичу несколько раз предлагали перебраться в район — талант же у человека! Но Петр Васильевич на это неизменно отвечал:

— Нет, нет, всю жизнь был слугой своей деревни, в этом звании и умру.

И он, действительно, умер на посту продавца маленькой деревенской лавчонки.

АФАНАСИЙ, СОВРИ-КО!

Летний вечер. Деревенская завалинка. Старухи.

Мимо, бойко приплясывая, торит пыльную улицу Афанасий, известный деревенский враль.

— Афанасий, соври-ко, — кричат ему вдогонку старухи.

— Некогда. В магазин бегу — рыбу свежую дают.

— Чего-чего он сказал? — спохватились старухи, когда Афанасий скрылся за соседним домом. — Кабыть рыбу свежую, говорят, привезли. Ну-ко побежали.

В магазин прибежали — отдышаться не могут.

— Мы за свежей рыбой, Таисья.

— За свежей рыбой? — удивилась продавщи-

ца. — Да откуда я вам свежую рыбу-то возьму?

— Афоня сказал... О, лешак проклятый! Дак он ведь это соврал.

УМНЫЕ ЛЕЩИ

— Что у вас сегодня?

— Лещи жареные.

— Лещи! Ну дак мне голову. Поумнеть хочу.

— А разве лещи умные?

— Что ты! Умнее нас с тобой. Знаешь, как они сети проходят. Хитрющая рыба. Впереди вышлют самых опытных, так сказать, разведчиков. Те к сети подошли, на бок легли, потом встали на ребро, веревку нижнюю у сети спиной приподняли: пожалуйста, проходите, путь свободен. Ну, рыбаки и остались с приветом. Весь косяк пройдет.

МАКСИМОВ ПУТИК

Широкий холм. Замшелые ельники, ягодные болота, травинки, сухие веретейки-грядки, высланные веселым курчавым беломошником. Все места, все урочища, которые любит дичь. А самой дичи нет — за весь день ни единого пера не видел.

И вспомнилось мне, что именно через этот Широкий холм пролегал когда-то охотничий путик Максима Матвеевича.

Максим Матвеевич с малых лет кормился охотой, и его путик, его охотничьи угодья не имели себе равных. Осенью пойдет силки проверять — глухарей да рябов столько напоедает, что из лесу вынести не может. На лошади иной раз приходилось ездить.

Задичали, захирели знаменитые угодья Максима Матвеевича.

В ОТВЕТ НА ДОВЕРИЕ

У Глашевых на Слуде три гнезда уток в озере под окнами.

Великая радость!

Утром встаешь, первым делом — где они?

В прошлом году Васька Малый убил одну утку — люди едва не забили мужика.

— Не тронь беззащитную тварь! Птица тебе доверилась, а ты как на доверие отвечаешь?

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Идем с подружкой моего детства задворьем возле болота, мимо тех мест, где когда-то стояли гумна, овины, черные бани.

Вдруг признается:

— Я, бывало, страсть боялась одна ходить этой дорогой. Все бегом, все с сердцем у горла. Что ты, ведь тут видимо-невидимо всякой нечистой силы жило: в каждом гумне гуменник, в каждом овине овинник. А байницы-то, волосатки эти страшные с кошачьими глазищами? Так и кажется — на тебя из каждого окошка раскаленным глазом зырит.

Да мне и теперь по темни одной идти не пройти этими местами. Сробею.

СКОЛЬКО НА ПИНЕГЕ СКАЗОК

Еще до войны, студентом, записывал я сказки на своем Пинежье. Раз попалась старуха — день записываю, два записываю, три — все сказывает.

— Много ли еще, бабушка? — спрашиваю.

— А кто зна. Не считала. Тут, который год внучок заболел, фершалица приказала на улицу не пущать, дак я три недели сказками его удерживала. С утра до темени сказывала. Ну, всю-то себя не опорожнила. Много ведь людей-то на Пинеге жило. Сколько их, сказок-то за века насказывали!

АВАГОР И ШАВАГОР

— Мелкий пошел народишко. Морошка. А какие раньше богатыри на Пинеге жили! Слышал про Авагора-то и про Шавагора? Два брата были. Один на Авой горе жил — километра два по-выше Верколы. Там и доселе борозды полей видать. А другой — у Шавой — ниже деревни два километра.

И вот Авагор все к брату на лодке ездил в бане мыться. Раз шестом толкнется — лодка на сто метров вперед летит. А то опять хватится который — топора под рукой нету.

— Брат, кинь ко мне топорик!

И кидали. С горы на гору кидали. За четыре версты.

Вот какие на нашей земле люди-то в старину жили!

ОТКУДА МЕДВЕДИ

— У нас в роду все охотники были — и тата, и брат Иван, и дедушко. А моды не было медвежатины исть. Шкуру только сымали. Нельзя, грех великий, из людской породы медведь-то. Шкуру-то когда сымут, как человек лежит. Дедушко все,

бывало, сказывал: рано худо, говорит, было жить людям. Били, тиранили, ремни из спины вырезали. Вот люди и перевертывались в медведей. Те, которые отвертывались обратно, те снова человеками стали. А один мужик с женой перевернулись через ножи, да ножи-то и потеряли. Медведи, говорят, от них зародились. Вот и ногти и пальцы, как у человека, только голова собачья.

РОДНИЧОК

Кто сегодня поет старинные русские песни? Старые деревенские старухи, да участники всевозможных самодеятельных коллективов.

А тут на сцену — был смотр художественной самодеятельности Северо-Запада — вышел нестеровский отрок, ясноглазый, светлоголовый, в белой расшитой рубашке, с вязаным пояском, и давай петь одну за другой полузабытые старинные песни.

Голос у Васи Назымова — так звали полюбившегося всем паренька — несильный, но чистоты удивительной — казалось, полевой жаворонок вдруг запел под высокими сводами зала.

В перерыв Васю Назымова обступили со всех сторон. Кто? Откуда? Как пришел к народной песне? У кого учился?

И так же просто, как пел, Вася Назымов отвечал: киномеханик с Мезени. Живу в родной деревне. Петь научился у бабушки, возле которой рос с братом.

Васю Назымова пригласили петь сразу три известных народных хора. Но он отказался.

— Не, — сказал Вася, — к себе на Мезень поеду. Я Мезень люблю.

И уехал.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАДА

Кузьма Иванович в самые трудные годы держал корову. Один.

Но когда старику перевалило на восьмой десяток, пришлось и ему подводить черту под домашней живностью: его ли старыми ногами, вырванными работой, месить сыролесье, да собирать сено по глухим ручьям?

На счастье Кузьмы Ивановича, когда он со старухой вел на вязке свою Жданю в госзакуп, дорогу ему пересек председатель. Посмотрел сверху вниз — на лошади верхом ехал, все понял, сразу и дал команду поворачивать назад.

— Ты же с тоски помрешь без своей скотины! Чем жить-то будешь? О чем заботиться? А что касается сена, то вот тебе за труды твои колхозные — бережина ниже перевоза, как раз напротив твоего дома. Правда, пожня малость подзаросла кустом, но это уж твоя забота — при желании за одну весну расчистить можно.

Кузьма Иванович так и сделал — еще по снегу вырубил ольшаник да ивняк, а снег чуть согнало, каждый пень, каждый пенешек выдрал — откуда только и силы взялись.

С тех пор пятнадцать раз выходил с косою Кузьма Иванович к реке. И не работа была, а праздник. Сыновья, дочери, зятя понаедут из города — целая бригада, только успевай распоряжения давать.

В последнюю страду, шестнадцатую по счету, сам Кузьма Иванович выйти на пожню уже не мог — ноги отказали напрочь еще весной, да и худоба какая-то напала, весь высох, как щепка, но ум у него был по-прежнему ясный и он по-прежнему руководил сенокосными работами. Утром наказывал: сделать то-то и то-то и так-то. А вечером выпрашивал, что сделано и как сделано. И отдавал новые распоряжения.

Однажды Кузьма Иванович попросил:

— Вывезите меня сегодня на пожню. Я сегодня помирать буду.

— Папа...

— Вывезите.

Не привыкшие возражать отцу, дети запрягли лошадь, уложили отца на телегу — сидеть он уже не мог.

На покосе Кузьма Иванович сказал:

— Снимите меня с телеги, да положите на угорышек, чтобы я реку, и вас, и весь белый свет видел.

Положили.

— А теперь идите. Возьмите грабли, да работайте и пойте.

— Папа, но как же тебя одного оставить?

— Делайте, как я сказал.

Дети послушались. Взяли грабли, рассыпались по лугу и начали загребать сено. И петь любимую песню отца:

Хожу я по травке, хожу по муравке.
Мне по этой траве ходить не находиться,
Гулять не нагуляться...

Через час, когда работающие сделали перекур и подошли к старику, он был мертв.

ПУТЬ НА ЧАРУ

НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

ПЕРЕВАЛ

Григорий Запорожец проснулся уже усталым.

На соседней койке, сдвинув брови, спал Володя, молодой шофер.

Запорожец потряс его за плечо:

— Пора.

Володя открыл один глаз, посмотрел на черный квадрат окна, буркнул: «Ночь еще» и укрылся одеялом с головой.

Володя попал в бригаду к Запорожцу недавно и еще не знал, что бригадир не повторяет приказаний дважды.

Широкогрудый, крепкий, как хорошо сколоченный бочонок, Запорожец принес из-за дверей ведро, разбил ледок, умылся, царапая льдинками лицо, скатал матрац, вынес. Затем вынес койку, поставил на снег.

Подъехал автокран, вытянул гусиную шею.

Сквозь сон Володя слышал, как что-то со страшным скрипом оторвалось, почувствовал — кровать взмыла в воздух и поплыла, вскинул голову и увидел небо с гаснущими звездами. Он с кроватью летел куда-то, а внизу бегали возбужденные собаки.

Схватив зачем-то в охапку подушку, Володя вывалился из койки и упал в снег. А кран понес кровать дальше и поставил в кузов машины. Володя прыгнул в разгромленный, со снятой крышей, вагончик, где лежала его одежда. Никогда в жизни он так быстро не одевался. К тому же пришлось бороться с собакой, которая пыталась утащить валенок.

— Проснулся? — без улыбки спросил Запорожец, когда Володя был готов.

«Хороши шуточки!» — подумал Володя. Однако вслух бодро ответил:

— Вполне!

Он огляделся. Поселок было не узнать. Вернее сказать, поселка уже не было. Где дома? Где столовая?.. Поселок неправдоподобно быстро таял, превратился в штабеля панелей.

— Тогда вот что, — сказал Запорожец. — Гони машину в карьер, нагрузись песком.

Володя удивился.

— За полтыщи километров повезем песок в Чару? Там своего целая, говорят, пустыня.

Запорожец устало посмотрел на него и пошел туда, где грузили панели.

Через два часа три десятка тяжело груженных машин, набирая скорость, пошли на запад по слепящей глаза снежной дороге.

Путь был новым, незнакомым, только недавно продавленным вездеходами. Каждый поворот, подъем и спуск таил в себе неизвестность. Надо быть готовым ко всему. Запорожец невольно поежился, когда увидел в конце длинного подъема свою громоздкую колонну — с торчащими из кузовов бревнами, с восседающим на платформе трайлера экскаватором.

Колонна набрала скорость.

Запорожец бездумно смотрел перед собой. Он все острее чувствовал, как накапливается в нем усталость.

Бригада Запорожца была первой, кому предстояло пробиться с техникой в Чарскую долину, обнесенную кольцом горных хребтов.

На вторые сутки пути резче и длиннее стали тени от вершин, четко обозначая розовые

гребни хребта, подступающего все ближе. Казалось, колонна нырнула вниз, но это поднялись горы.

Между острыми зубцами опускалась угловатая седловина. По ней извивалась дорога — путь, найденный, как говорили, лихим вездеходчиком Семеном Бобровым.

Запорожец остановил машину, немного прошелся — пощупал колею унтами. Перевал был покрыт скользким снежком. Будь здесь дорожная служба, перевал бы просто закрыли. Но тут закрывать было некому. Тут, в основном, открывали.

— Настоящий Чертов перевал, — глядя вверх, на дымящиеся зубья гор, вслух подумал Запорожец, еще не зная, что название Чертов с этого дня прилипнет к перевалу навсегда.

Облако причудливой формы, похожее на мотоцикл, прокатилось по перевалу и исчезло за седловиной. Запорожец вглядывался в спящую белизну горного седла — высота пугала, дразнила, притягивала. Запорожец почувствовал, как усталость уходит, как растет в нем хмельная упорная сила, кружит голову, тянет схватиться с перевалом.

Вперед он пустил машину с песком. В кузов забрались трое самых выносливых парней. Один широким махом через кабину кидал песок под передние колеса. Два других, перегнувшись через борт, сыпали под задние.

Надрывно воя, машина поползла в гору. За ней оставалась песчаная колея.

По свежему следу Запорожец направил автомобиль поваров, и они, помахав черпа-

ком, вместе с дымящей кухней уползли наверх.

— Кто хочет обедать — придется подниматься за ними, — сказал Запорожец.

Завывая, машины полезли одна за другой к перевалу.

Володя буксировал трайлер, на котором высился именной экскаватор Запорожца. На особенно крутом подъеме колеса тягача провернулись, с воем начали шлифовать дорогу. Тяжелый трайлер потянул машину вниз.

Володя нажал на тормоза, но и это не помогло.

Автомобили, что застыли ниже, тревожно загудели, начали пятиться, сползать, опасаясь, что у тягача не выдержат тормоза и вся эта махина пойдет вниз и сомнет их.

Запорожец добежал до места происшествия, когда трайлер уже скатывался с дороги. Экскаватор накренился, еще немного — и свалится с трайлера, сомнет себя собственной тяжестью. Высунувшись из кабины, Володя беспомощно посмотрел на бригадира.

Запорожец прыгнул на трайлер, бросился в кабину экскаватора, который перевозили с работающим мотором. Взявшись за рычаги, бросил вперед стрелу, вонзил острые зубья ковша в дорогу.

Движение трайлера и тягача прекратилось.

Запорожец вытер со лба пот. Выбив колодки, он свел экскаватор на снег.

Володя рванул тягач и скрылся в снежном вихре.

Медленно ползет экскаватор, пешком можно обогнать. Широкие гладкие гусеницы пробуксовывают на снежной глади. Запорожец кидает стрелу вперед, хватается зубьями ковша за землю, тросы напрягаются, машина сама себя подтягивает. И снова — стрелу вперед и на себя. И снова, и снова...

Но вот — ледяной ветер, и клубящийся поземкой перевал. А внизу за хребтом видны леса и похожие на белые поляны засыпанные снегом болота Чарской долины. А за ними — белая стена другого, Кодарского, хребта.

Пообедали. Колонна начала спуск.

Мрачно трещал лед на реке Чаре. Мороз выжимал из земли воду. Она растекалась на льду половодьем. Над рекой стоял пар. Похоже — она кипела.

С воем, словно катера, разбрызгивая воду и лед, прорывались сквозь этот пар машины, выносились на берег.

— Считай, доехали, — улыбнулся наконец Запорожец. Каким молодым, собранным чувствовал он себя во время подъема, а сказал: «Доехали» и сразу сгорбился, ощутил, как возвращается усталость.

Охватывая горизонт, вздымались хребты с алыми зубцами. Трудный день уходил. В Чарскую долину вползала ночь...

РЯДОВОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Догнать Григория Запорожца мы смогли лишь через две недели. Среди вековых деревьев увидели поселок, окруженный желтым штакетником.

Поселок был пуст. Лишь собаки встретили нас. Мы походили между пустых домиков, заглянули в столовую и узнали, что надо ехать в карьер — и сам Запорожец, и вся его бригада там.

Поехали, протряслись свежеотсыпанной песчаной дорогой. И вот карьер — поросший соснами холм со вскрытым экскаватором песчаным склоном. Отсюда Запорожец черпает своим экскаватором желтый песок, грузит на машины, а те увозят, отсыпают автомобильную дорогу.

Запорожец нам понравился — степенный, хоть и молодой, но много повидавший человек. Один из его принципов: строитель всегда должен жить с семьей. Сам он вместе с женой уехал из Одесской области строить дорогу для КамАЗа, а уже оттуда на БАМ. В его поселке живет шестнадцать семей. Он рад, что их единственную улицу оживляют детские голоса. От этого жизнь прочнее, крепче.

На лето возил ребят домой.

У матери свой дом с огородом. За огородом — Черное море. Мать посмотрела, какие внучата бледные, сказала: «Ну, вот что, сын. Хватит и с них, и с тебя этой Сибири. Ты всю молодость ей отдал. Теперь очередь за другими»...

Мы попытались сосчитать обязанности бригадира: насыпь для дороги делать; наряды шоферам закрыть, чтобы заработок был; запчасти машинам доставать, за ними иногда на самолете летать приходится; воспитывать шоферов, чтобы дисциплина была и производительность росла; следить, чтобы вкусно кормили в столовой и кино новое привозили; чтобы дети вовремя в школу попадали и учились хорошо, чтобы... Эти «чтобы» всплывали один за другим. Когда человек всерьез занимается одной — своей собственной — семьей, и то забот у него полон рот, а тут столько народу! Он им и начальник, и снабженец, и механик, и старший брат...

Словом, вернувшись из отпуска, Запорожец заявил начальнику мехколонны: хватит, устал он от бригадирских обязанностей, от мороза и от северного опыта, которые не дают ему спокойно спать по ночам.

— Сначала вам был нужен БАМ, а теперь?

— Что «теперь»? — не понял Григорий.

— Теперь вы нужны БАМу, — жестко сказал начальник. — Ваш опыт нужен, — и указал на парней-новичков, которые скромно сидели у дверей. — Вот комсомольцы, пополнение прибыло. Условия у нас суровые, они нам жизни свои, можно сказать, доверили. Так что же мы теперь им скажем? Устали, мол? Ну вас? Живите и работайте, как хотите... Так, что ли?

— Нет, — сказал Запорожец.

— Я тоже думаю, что нет, — с удовлетворением закончил разговор начальник мехколонны.

— Но я, честное слово, так устал...

— Я тоже устал, — устало

прервал начальник мехколонны.

— Кто из вас в Сибири бывал? — спросил Запорожец у вновь прибывших.

Парни молчали.

Запорожец крикнул, пошел на почту, послал телеграмму жене на берег Черного моря: «Приезжай, привози детей. Остаемся».

Прибыла машина с большими термосами, в которых был обед.

Тяжелые самосвалы железным стадом окружили вагончик-обогревалку. На лавках по обе стороны длинного стола шоферы сели обедать. Пригласили и нас.

Только раздали миски, у вагончика резко затормозил самосвал.

Дверь настезь, ворвался Володя:

— Бульдозер утопили!

Запорожец, не мигая, смотрел на вестника.

— А бульдозерист?

— У меня в кабине сидит, — поспешно обрадовался Володя. — Живой.

Бригадир снял с гвоздя шапку, молча пошел на выход. Усталость как будто вымыло из его глаз. Только что перед нами сидел тяжелый, опустивший плечи дядька, а теперь к дверям шагал, весь полный внутреннего напряжения, резкий молодой человек.

Мы двинулись за ним, прыгали в кабину второй тронувшейся к мосту происшествия машины.

За рулем первой сидел Запорожец. И хотя наш шофер гнал вовсю (дорога была еще плохо укатана, и мы безостановочно подпрыгивали на сидении, касаясь шапками верха кабины), первая машина быстро уходила от нас.

— Отстаем! — забеспокоились мы.

Шофер покачал головой:

— Он же мастер спорта, гонщик.

— Кто?

— Запорожец. Попробуй-ка его догони!

Мы безнадежно отстали, и, когда проскочили кочковатую марь и перелесок за ней, шофер совсем сбавил скорость. Начинались озерца с протоками и наледями. Коричневая вода текла по льду. И вдруг мы увидели: река, парящая наледь, а посреди наледи, провалившись по самую кабину, стоит оранжевый бульдозер.

На берегу, разводя руками, объясняя что-то мрачному, неподвижно стоящему бригадир, топтался молодой бульдозерист.

— Откуда я знал, что лед бывает жидким? — услышали мы его то возмущенный, то плачущий голос. — Ну, утонул! Ну, спишут! БАМ — стройка века. Что нам, новую машину не дадут?

Запорожец сгреб его завороты полушубка.

— За шестеренкой для этого бульдозера я на самолете летал! Ты меня понял?

Молодой бульдозерист что-то сдавленно крикнул в ответ, словно булькнул.

Мороз все сильнее выжимал воду, и она прибывала с каждой минутой, растекаясь по льду густым коричневым слоем. Лед под бульдозером гулко треснул — машина осела еще глубже. Но могучий двигатель еще работал.

— Иди, садись за рычаги, — бросил Запорожец.

У бульдозериста помертвели глаза.

— А если он сейчас совсем... туда... — с ужасом глядя на пульсирующую наледь, залепетал он.

Бригадир внимательно, молча окинул с ног до головы взглядом парня, будто только увидел.

Хлюпая унтами по воде, Запорожец враскачку пошел к бульдозеру. Парень, как во сне, двинулся вслед за бригадиром. Но тут лед снова с пущечным гулом лопнул, и парень остановился.

Запорожец забрался в ка-

бину. Нож бульдозера опустился на лед и приподнял машину. Бульдозер взревел, рванулся, разбрызгивая гусеницами воду, обрызгивая ледовую стенку. Корма машины быстро оседала.

— Выпрыгивай! — завопил парень. Он сделал несколько судорожных шагов к тонущей машине и вновь остановился.

А бульдозер, подняв нож, подался назад и снова бросился на ледовую стенку. И опять безрезультатно.

Запорожец выскочил на гусеницу, замахал руками. Мы, стоя на берегу, оглянулись. С треском давя кусты, на реку съехал груженный песком самосвал. И мы вспомнили, что, садясь в машину, Запорожец успел распорядиться: «Давай песок!» И вот он, песок, прибыл.

Запорожец приподнял бульдозер на ноже и торчащем сзади стальном клыке, самосвал точно под гусеницы бульдозера спустил песок. И уже через минуту стальная оранжевая машина, взревев, выскочила на поверхность, рванула к берегу и полезла по крутизне.

Молодой бульдозерист, опустив голову, побрел к берегу.

— А ну-ка, живо переобуваться! — выпрыгивая из кабины бульдозера, крикнул ему бригадир.

Мы подошли к Запорожцу, чтобы высказать свое восхищение его поступком.

— Рядовое происшествие! — буркнул он и махнул рукой.

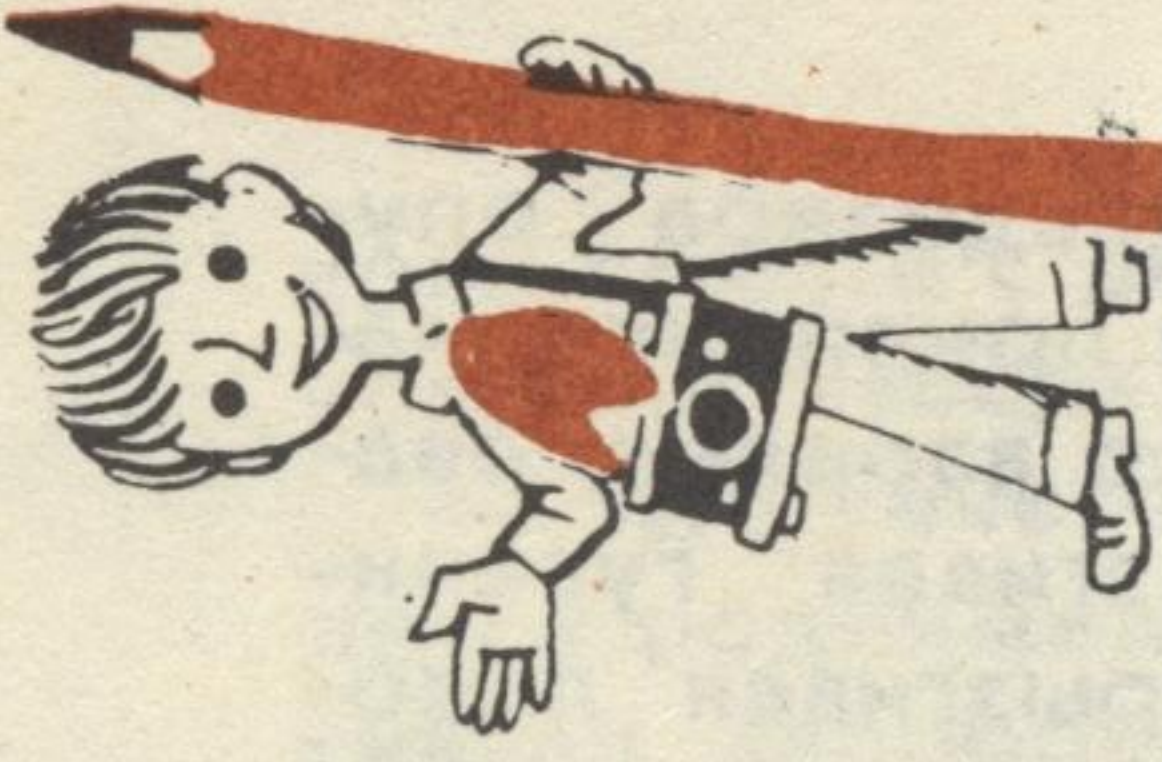
Обратно мы ехали не торопясь. День еще не кончился, но уже был виден прозрачный ломтик луны. Насыпанная бригадой Запорожца высокая дорога, пересекающая марь — болото на вечной мерзлоте, твердо желтела перед нами. Она соединила со всем остальным огромным миром Чарскую долину — сказочно красивый и богатый край.

Герман БАЛУЕВ,
Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунок О. Пономаренко

МАРШАЛЫ!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

В мае этого года начнет работу XIX съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Это — огромное событие для всей советской молодежи. Комсомольцы рапортуют съезду о трудовых делах и свершениях на важнейших стройках единственной пятилетки, на фабриках и заводах, на колхозных полях.

Готовятся к съезду и наши юные комсомольцы, которые сегодня еще учатся в школе. Они уже расстались с пионерским галстуком, и гордо носят на груди значки с профилем Ильича. Они придут на смену героям последних пятилеток: возьмут в свои руки штурвалы комбайнов, встанут к станкам, полетят в космос и отправятся на разведку недр.

Им слово.

★ Готовишься в комсомол

Я учусь в седьмом классе, и Кирстен — в седьмом. Правда, живем мы далеко друг от друга. Я в Ленинграде, а она в Берлине.

С Кирстен Хемпель мы переписываемся давно. Я получаю от нее веселые, интересные письма. Она — фантазерка. Очень любит свое плавание. И в письме она как-то написала, что было бы здорово, если бы школьные занятия перенести в бассейн. Смешная.

Но вы не думайте, что Кирстен легкомысленно относится к учебе. Она получает только единицы и двойки, что соответствует нашим пятеркам и четверкам. У нас с ней много общего. Нас почти одновременно приняли в пионеры. В

письме Кирстен рассказала, как ее отряд готовился к встрече X съезда Социалистической единой партии Германии, а я ей написал, как мой отряд готовился к встрече XXVI съезда КПСС.

Мы оба готовимся к вступлению в комсомол. В ГДР он называется — Союз свободной немецкой молодежи. Я обязательно поздравлю ее, когда это случится. Уверен, что Кирстен тоже пришлет мне письмо, которое будет начинаться так: «Я очень рада за тебя, Виктор!»

Витя Завьялов,
7 класс, школа № 44,
Ленинград

ПРИРОДА — ЭТО БОГАТСТВО

Наша школа славится тем, что принимает активное участие в операции «Зеленый наряд Отчизны». Например, шестиклассники работают в Эльбрусском лесничестве. За два года они собрали 160 килограммов лекарственных трав и ягод: брусники, барбариса, облепихи. Семиклассники посеяли семена сосны в Азау, на первом и третьем квадрате. Самый большой для нас праздник — День работника леса. В этот день мы проводим праздничный «Огонек», приглашаем в гости лесников. Провели несколько трудовых десантов под девизом «Каждой улице, каждому дому — пионерскую заботу!». Лучшим был отряд имени Павлика Морозова.

Оксана Чередниченко,
Натasha Алмаева,
Дима Батов,
Тырныауз

★ Моя мечта

Когда я читаю о новых комсомольских стройках, мне везде хочется побывать. Моя мечта — стать шофером и работать на стройке. Дело в том, что мой папа — водитель четырёхрядной машины «КАМАЗ». Это могучий грузовик. Я часто ездить с папой в рейсы и видел, что управлять этой машиной не так-то легко...

И все же это очень заманчиво — быть шофером. Представьте себе: вот привезу я на стройку кирпичи, бетон, доски, оконные рамы. А строители быстро построят красивый дом. Приедут новоселы и радостно заживут в нем. И я буду счастлив — ведь это и я принес людям радость.

Мне кажется — моя мечта осуществится. Вот окончу школу и поеду строить новые города. А возьмут меня обязательно. Ведь я теперь комсомолец!

Коля Боярский,
7 класс,
Кириши

★ МЫ ЖИВЕМ У МАГАДАНА

На Крайнем Севере трудно вырастить овощи: капусту, помидоры или огурцы. Кормовые травы тоже нелегко вырастить. Эта работа требует знаний, выдержки и любви к сельской работе. Мы учимся земледельческому труду. В нашей школе организована производственная бригада, ее руководителем назначили Марину Макарову. Марина любит и умеет трудиться. Наверное, это передалось ей от мамы, Екатерины Васильевны — она награждена орденом «Знак Почета». Конечно, нам приходится нелегко. Но в работе нам помогает песня. Мы очень любим петь и поем во время работы и отдыха. Даем полторы — две нормы! За хорошую работу колхоз «Красный богатырь» награждает нас поездкой на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку Колымской ГЭС...

**Саша Николаев,
Андрей Голомидов,
Лена Фролова,
Ира Потапова,**
село Мылга,
Магаданская область

★ Мы с АВМ

Знаете, что такое «медвежий угол»?

Так в шутку говорят про самые отдаленные уголки нашей страны, про таежные поселки. Только медведи здесь не при чем. Правда, однажды Витя Бабурганов видел, как медведь не торопясь поднимался по гребню мыска в гору. Это у нас иногда бывает. Наш «медвежий угол» называется Верхний Уймон. Рядом с нашим поселком шумит река Катунь. Добрався к нам сейчас трудно, но когда построят через Катунь мост, до аэропорта будет рукой подать. Но это ничего, что мы живем далеко. Так же, как и все ребята нашей страны, мы участвуем в «Пятилетке трудовых пионерских дел».

АВМ — это агрегат витаминной муки. Подвезжает к нему грузовик, а в нем изрубленная зеленая трава — сечка. Ее засыпают в цилиндр, и грузовик уезжает. А грохочущий цилиндр

эту зелень быстро превращает в сухую муку. Обслуживают АВМ ребята из нашей восьмилетней школы. Здесь только один взрослый — дежурный пульта. Четверо мальчиков-старшеклассников дежурят по двое через сутки. Дежурство долгое — с 5 утра до 12 ночи. Но иначе нельзя. Лето короткое, а животноводческому хозяйству нужно очень много кормов — на всю долгую зиму.

На упаковке мешков работают девочки. Они и мешки сами шьют — из плотной бумаги. Мука очень нравится животным. У нас на АВМ живет щенок, так он обожает лизать муку. А однажды сюда забрался два больших поросенка, свалили мешок и так наелись, что чуть не подохли.

Мы с удовольствием работаем на АВМ. Радостно знать, что наш труд очень важен и нужен совхозу.

**Таня Огнева,
Володя Попов,
Гена Питков,**
Верхний Уймон,
Алтайский край

★ Буду такой, как дедушка

...В стране только зарождались колхозы. Сообща выходили крестьяне обрабатывать землю, собирать урожай. Мой дедушка Василий был бригадиром полеводческой бригады. Его ненавидели кулаки, потому что дедушка был комсомольцем. Однажды они подстерегли его на поле, когда дедушка проверял, как взойшла озимая пшеница. И убили его. Долго ждали его дома. Только под вечер прискакал дедушкин конь. Кто-то из односельчан слышал выстрелы...

Дедушкин портрет висит у нас на стене. Дедушке там двадцать. Он был мужественным человеком. Я знаю — дедушка не стал просить пощады. Он всегда стоял за правду, он был комсомольцем.

Когда меня принимали в комсомол, я поняла, что тоже причастна к тем замечательным делам и свершениям, за которые отдавали свои жизни советские комсомольцы. Домой я пришла гордая и счастливая. Посмотрела на дедушкин портрет. И мне показалось, что дедушка радуется вместе со мной.

Лена Жукова,
7 класс,
школа № 26,
Ленинград

★ МЫ ЖИВЕМ НА ТАЙМЫРЕ

Зимой у нас белые-белые снега. И бывает северное сияние. А летом тундра расцветает. Он очень красивый, наш Север. Поэтому и люди, которые живут на Таймыре, — ненцы, долганы — стараются рассказать об этой красоте вышивкой. У долган — расшитая бисером одежда, у ненцев, а ненцы шьют красивые сувениры из меха. Наши мамы и бабушки работают в мастерских, шьют национальную одежду, вышивают бисером. И мы мечтаем стать такими же искусными мастерицами. А пока мы занимаемся при Доме пионеров в кружке «Бисеринка». Нами руководит Евдокия Степановна Бетту. Мы вышиваем бисером северные орнаменты для унтов, шапок, шьем забавные сувениры из кусочков меха. Фантазируем...

**Инна Чукачар,
Надя Будная,
Оля Щеголева,
Света Верхогурова,**
Дудинка

МЫ ЖИВЕМ В ЭСТОНИИ

Мы учимся в четвертом классе и очень любим рисовать. Обычно мы рисуем родной поселок, морские пейзажи, сценки из прочитанных книг. А однажды наша учительница рисования предложила: «Давайте сделаем рисунки не к одной любимой книге, а ко всей вашей библиотеке!» Мы удивились. А она объяснила: «Каждый книголюб имеет свой знак, который ставит на книги своей библиотеки. Называется этот знак — экслибрис». И мы попробовали нарисовать экслибрисы — каждый к своей библиотеке.

*Марика Кург,
рыболовецкий колхоз им. С. М. Кирова,
Эстонская ССР*

Рикка Хорн. Иллюстрация к книге Эно Рауда «Накситраллид» и сказке «Какую» («Колобок»).

Экслибрис Катрин Юллас.

Экслибрис Мати Ныммана.

Экслибрис Марики Кург.

Экслибрис Тийта Кюбарсенна.

Экскурсия по земному шару

Кирилл Федорович Седых — наш учитель биологии. Это замечательный человек. Каждый его урок — это экскурсия по земному шару. Мы узнаем, какие растения растут в разных странах, узнаем о великих ученых, посвятивших свою жизнь изучению животного и растительного мира. Под руководством Кирилла Федоровича в нашей школе создан музей, где собрана богатая коллекция бабочек. С ним мы были на Хибинах и собрали богатую коллекцию минералов. Однажды мне удалось возле поселка Шудеяг найти раковину, и Кирилл Федорович сказал, что мне страшно повезло — я нашла древнейшую раковину девонского периода, ей триста пятьдесят миллионов лет! Кирилл Федорович — кандидат наук, председатель Ухтинского отделения Географического общества СССР. Он написал четыре книги, одна вышла в Ленинграде в издательстве «Детская литература», называется «Тигры у нас не водятся». Четыре научных статьи

Кирилл Федорович написал совместно с французскими, голландскими и чешскими энтомологами.

Вот какой человек нас учит!

Лека Альт,
Ухта, Коми АССР
Фото В. Того

Я ЛЮБЛЮ МУЗЫКУ

Я пришел в духовой оркестр четыре года назад. Меня прослушали и ска-зали: «Годен».

В оркестре мне дали альт. Стал учиться. Александр Иванович Цыганков, наш руководитель, очень мне помог. Освоился я с инструментом, с нотами. Сейчас наш оркестр много выступает. Мы стали лауреатами республиканского конкурса духовых оркестров. Даже в Одесском оперном театре выступали, а прошлым летом ездили в Артек. Не только отдыхать, но и играть.

Я решил посвятить музыке всю жизнь, это мое дело. Закончу восемь классов — буду поступать в музыкальное училище.

Владик Мордкович,
Ворошиловград

Учитель:
— Чем в основном занимаются жители Канады?
Ученик:
— Хоккеем!

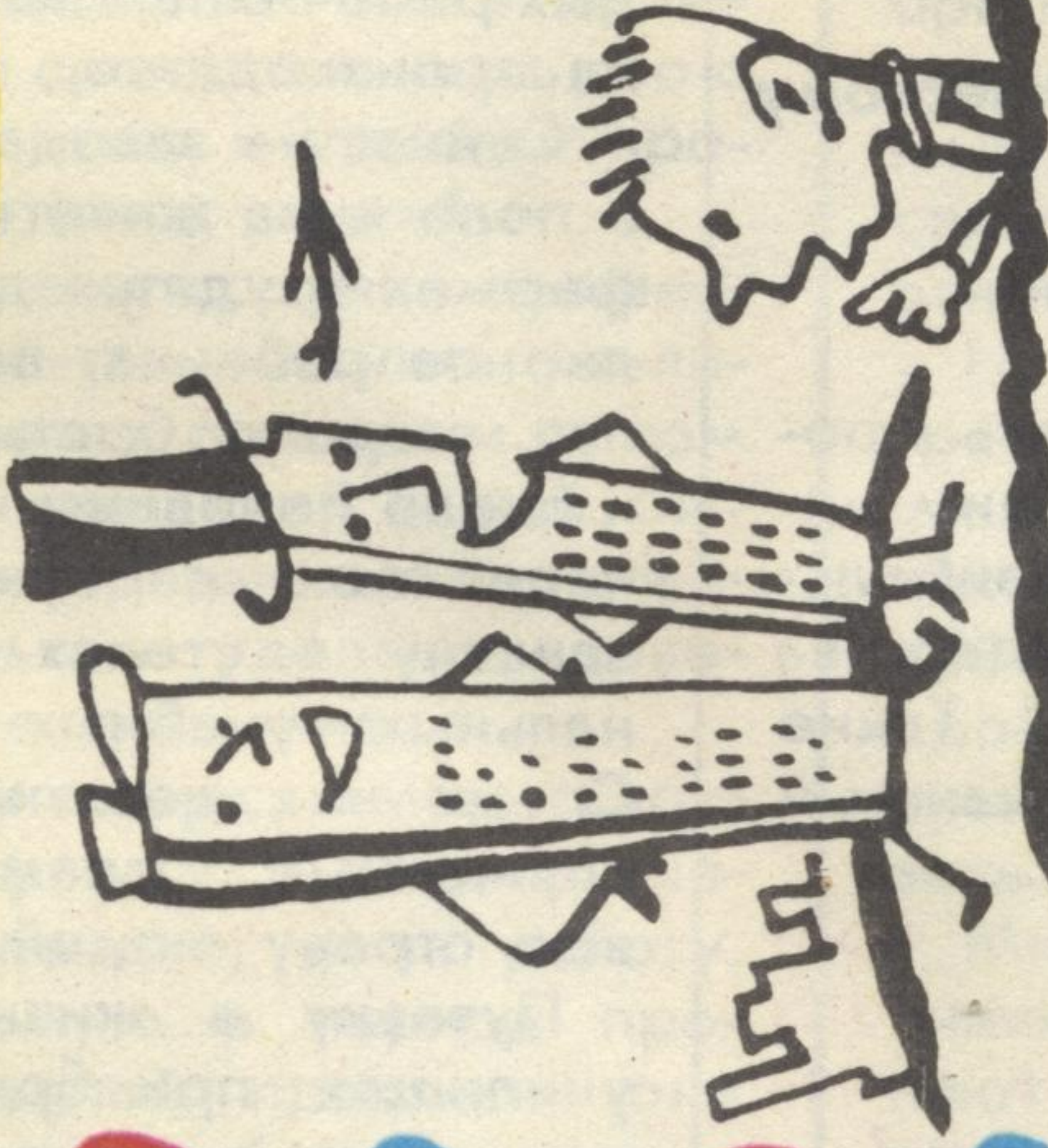
Прислал
Сергея Шляпин,
Газырь,
Краснодарский край

Учительница написала на доске
2:2 и спросила первоклассников:
— Что получится?
— Ничья! — радостно воскликнул
Сергея.

Прислала
Тамара Нестерова,
Гиссар, Таджикская ССР

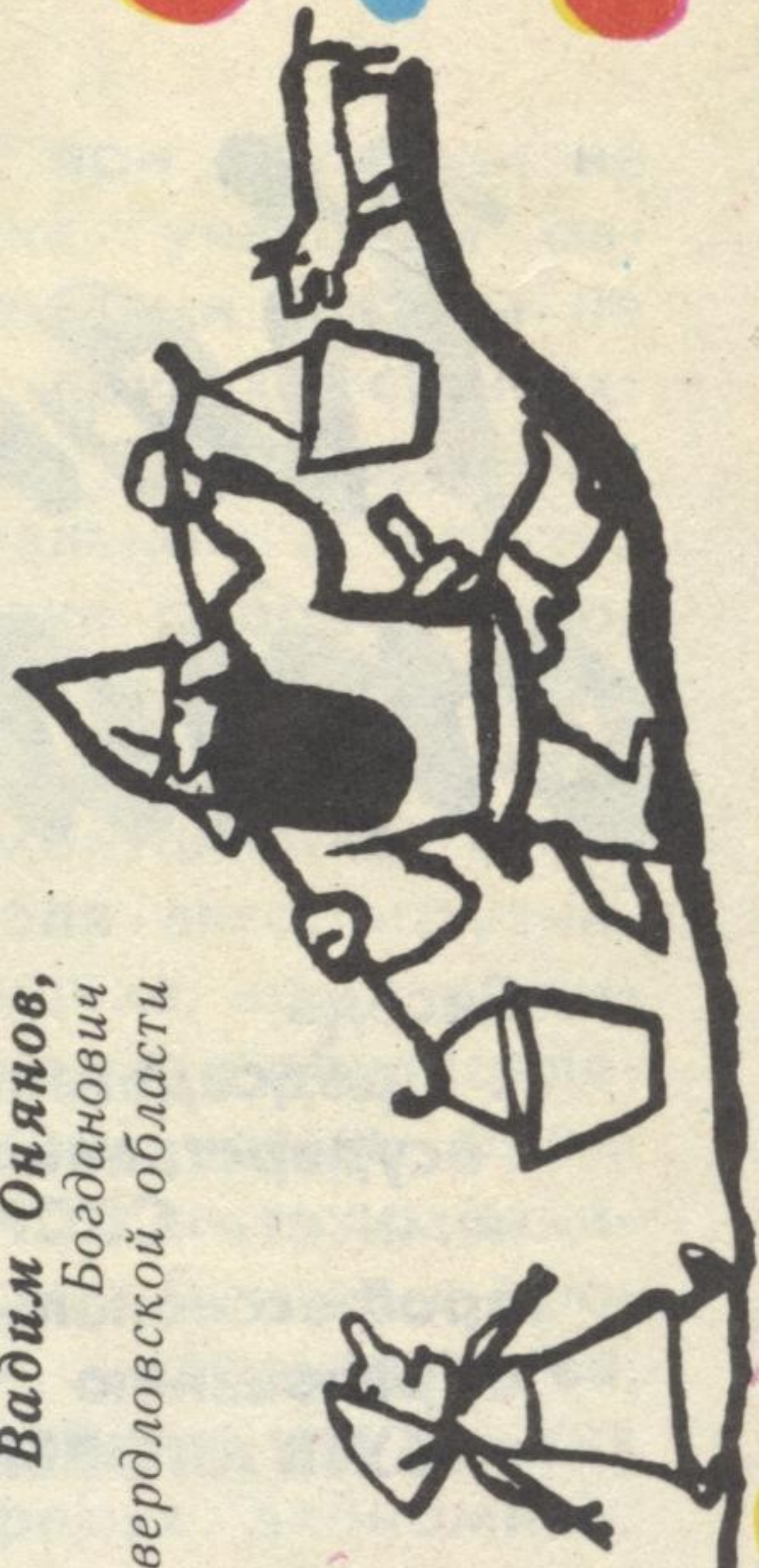

Учитель:
— Что такое небоскребы?
Ученик:
— Это жители Нью-Йорка!
Прислал
Сергея Капустин,
Георгиев-Деж

Трехлетний Сергей, увидев в книге Илью Муромца, обрадовался: «Смотрите, Илья Тимуровец!»

Прислал
Вадим Онянов,
Богданович
Свердловской области

НАШ
ДЕТСКИЙ
САД

Кем стать

Беседа
с Председателем
Государственного
комитета СССР по
профессионально-техническому
образованию
Т. БУЛГАКОВЫМ А. А.

Кем стать, как выбрать профессию, где с наибольшим интересом для себя и с наибольшей пользой для государства приложить свои силы? Такие вопросы задает себе каждый школьник.

— Что дает система профессионально-технического образования молодому человеку, вступающему в жизнь? — с таким вопросом обратился наш корреспондент к Александру Александровичу Булгакову.

— Пользуясь предоставленной мне возможностью выступить перед многомиллионной аудиторией читателей журнала «Костер», постараюсь как можно подробнее рассказать о системе профессионального образования и ответить на вопросы редакции журнала.

Свою главную цель мы видим прежде всего в создании наиболее благоприятных условий выбора и овладения юношами и девушками рабочей специальностью, мы стремимся подготовить их к сознательному творческому труду, воспитать достойных преемников славных революционных, боевых и трудовых традиций советского рабочего класса.

Благодаря отеческой заботе партии и правительства о молодежи, система профессионально-технического образования в семидесятые годы, да и в настоящий период, переживает процесс глубоких качественных преобразований.

Коренным образом изме-

нился процесс обучения и воспитания учащихся ПТУ. Ускоренными темпами шло развитие сети профессиональных учебных заведений и в первую очередь средних училищ. За последние годы значительно возросло количество желающих обрести специальность в профтехучилище. Только в десятой пятилетке рабочий класс страны пополнили 12,5 миллиона наших выпускников, что составило две трети всех молодых рабочих, вновь пришедших на производство.

Сейчас на заводах, стройках, в поле и на животноводческих фермах трудятся десятки миллионов рабочих, ваших мам и пап, старших братьев и сестер и около половины из них получили свою первую трудовую закалку в стенах профессиональных учебных заведений. Среди них десятки тысяч заслуженных, знаменитых на всю страну людей.

Путевку в жизнь в наших училищах приобрели первый в мире космонавт Юрий Гагарин, выдающийся конструктор — создатель космических кораблей Сергей Королев, народная артистка СССР Евгения Мирошниченко, многие ученые, партийные и государственные деятели.

Профессиональная школа дает своим выпускникам не только рабочую специальность, она учит юношей и девушек познавать и любить окружающий мир, свою Родину, быть сознательным борцом за дело коммунизма, создавать самим и беречь все то, что создано трудом советского народа, завоевано и защищено в суровых революционных битвах и на полях военных сражений.

— Люди очень уважают человека умелого, то есть человека, у которого умелые руки. Вот в этом смысле что дает ПТУ?

— В период учебы учащиеся своими руками изготавливают сложные станки и приборы, наглядные пособия и инструмент, тренажеры и другие средства технического обучения, которые используются ими во время теоретических и

практических занятий. Многие изделия направляются на промышленные предприятия и в другие училища.

Воспитанники сельских училищ производственные навыки приобретают в процессе работы на животноводческих фермах и в полеводческих хозяйствах, имеющих почти в каждом таком учебном заведении. В мастерских, лабораториях и учебных хозяйствах имеется современная техника и оборудование.

Юноши и девушки, овладевающие строительными специальностями, уже с первых дней практических занятий участвуют в сооружении жилых зданий, промышленных и культурно-бытовых объектов.

Надо сказать, что качество изделий учащихся, урожайность в сельских учебных хозяйствах, как правило, не уступают лучшим показателям в промышленности и сельском хозяйстве.

— А чем занято свободное время учащегося ПТУ? И еще один, очень существенный для многих ребят, вопрос: есть ли в ПТУ возможность заниматься спортом?

— В свободное от учебы и работы время наши воспитанники с увлечением занимаются в многочисленных кружках художественной самодеятельности и научно-технического творчества, в спортивных коллективах. Наиболее интересные работы юных кружковцев участвуют в различных конкурсах и экспонируются на выставках. Художественные ансамбли профтехобразования знают и по достоинству оценили миллионы советских и зарубежных зрителей из многих стран мира.

Спортсмены общества «Трудовые резервы» на XXII Олимпийских играх 1980 года в Москве завоевали 5 золотых, 2 серебряных и 3 бронзовых медали. В церемониях открытия и закрытия Олимпиады участвовало 2 тысячи учащихся профессиональных училищ Москвы, и за свое выступление они получили высокую оценку Оргкомитета «Олимпиада-80», всех зрителей.

Однако самое главное для учащихся — это глубокое овладение основами многих наук, необходимых современному рабочему, познание секретов мастерства, передовых форм, приемов и методов организации труда в народном хозяйстве.

— **А что получает выпускник ПТУ, кроме профессиональных, рабочих навыков?**

— Поступая в наши училища после окончания восьми классов, юноши и девушки по общеобразовательным предметам получают знания в полном объеме средней школы. Вместе с тем преподавание этих предметов позволяет сочетать их с предметами общетехнического и специального курсов, с особенностями избранной специальности. Учебные программы средних профессиональных училищ много времени отводят производственной практике учащихся. Такая постановка обучения в средних ПТУ позволяет ребятам добиваться достаточно высокой квалификации и овладеть широкими теоретическими знаниями.

Учащиеся, оканчивающие средние и технические училища, сдают выпускные квалификационные экзамены и с учетом успеваемости в период обучения им присваивается второй или третий разряд. Отличники учебы получают повышенный — четвертый разряд. Это высшая оценка знаний и мастерства выпускника ПТУ. Диплом с отличием дает нашим воспитанникам ряд льгот при распределении на работу и при поступлении в вуз или техникум.

— **Но можно ведь получить специальность прямо на производстве. Или же ПТУ открывает перед молодым человеком более широкие перспективы?**

— Мы с удовлетворением отмечаем, что социологические исследования последнего времени показывают целый ряд преимуществ выпускников профессиональной школы, особенно окончивших средние училища, перед молодыми рабочими, приобретшими спе-

циальность иным путем. Так наши воспитанники быстрее и с меньшими психологическими нагрузками входят в трудовой ритм коллектива, перевыполняют нормы выработки с более высоким качеством производимых работ. Они активнее участвуют в общественной жизни, рационализаторской и изобретательской деятельности, а, следовательно, имеют и больший заработок. Широкий объем политехнических знаний позволяет им в более короткие сроки повышать свою квалификацию и уровень профессиональных знаний.

Вот почему средние профессионально-технические училища являются основным типом учебных заведений нашей системы и их развитию партия и правительство уделяют первостепенное внимание.

Наши учащиеся имеют свою особую форму, им выплачивается стипендия, а за работу, выполняемую в период производственной практики, они получают заработную плату. С момента зачисления в училище все ребята как бы принимаются в рабочий класс — поскольку с этого времени у них начинается трудовой стаж.

Юношам и девушкам, прибывшим из других городов или отдаленных населенных пунктов, предоставляются комфортабельные общежития.

Училища профтехобразования дают молодежи возможность выбора и овладения любой из 1400 профессий, причем этот перечень постоянно обновляется и дополняется.

— **А не скучно ли для молодого человека замкнуться в одной узкой специальности?**

— Исходя из указаний XXVI съезда партии о всемерном развитии новых форм организации труда в народном хозяйстве в одиннадцатой пятилетке нами значительно увеличивается выпуск специалистов широкого профиля и совмещенных профессий. При такой подготовке молодой рабочий овладевает, наряду с одной основной, несколькими дополнительными профессиями, родственными с основной.

Например, при обучении на фрезеровщика, учащийся овладевает навыками работы на нескольких других станках: строгальном, зуборезном или шлифовальном и других. При подготовке рабочих строительных специальностей различным образом сочетаются профессии монтажника, сварщика, водителя автопогрузчика или бетонщика, арматурщика, каменщика. Это обусловлено внедрением новых форм организации труда и созданием комплексных бригад в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и в других основных сферах экономики.

Научно-технический прогресс требует, чтобы подготовка квалифицированных рабочих опережала внедрение новой техники и технологии в производстве. Соответствующим образом планируется и весь учебный процесс.

Многие выпускники наших училищ в дальнейшем поступают в дневные институты и техникумы, либо сочетают работу по избранной специальности с вечерним или заочным обучением.

Профессионально-техническое образование, полученное в наших училищах, приобретает все большую популярность и уважение молодежи и их родителей. Увеличивается число предприятий и организаций, которые пополняют свои кадры квалифицированных рабочих только за счет выпускников профессиональной школы. Многие училища при наборе учащихся вынуждены бывают ограничить прием, так как желающих приобрести понравившуюся специальность оказывается больше, чем ученических мест.

Нас радует, что все больше юношей и девушек связывают начало своего трудового пути с учебой в учебных заведениях профтехобразования, стремятся внести свой вклад в созидательную работу советского общества и своими руками создавать станки и приборы, товары народного потребления, работать на стройках и в сельском хозяйстве.

Пионерская ферма

Дорогая редакция! Я решил разводить кроликов. Расскажите, пожалуйста, как смастерить клетку и ухаживать за животными.

Куат Шаудиров,
поселок Макат Казахской ССР.

На Вырицкой агробиостанции Ленинградской области есть крольчатник. Здесь находится одна из уникальных коллекций в СССР. Кролики редких пород содержатся в просторных клетках. На каждой клетке висит опознавательная табличка: советская шиншилла, белый великан, советский мардер, венский голубой кролик, серебристый, горностаевый, чернобурый, калифорнийский... Все и не перечислишь. Заведует этим хозяйством кандидат сельскохозяйственных наук Изабелла Львовна Скворцова.

Я вспомнил об этом, когда прочитал письмо Куата. «Вот кто сможет ответить на него!» — подумал я и поехал в Вырицу.

Подхожу к агробиостанции и вижу: целый пионерский отряд толпится у входа в крольчатник. Каждый держит в руках пучок травы.

— Что это? — спросил я.

— Это входной билет, — объяснила пионервожатая.

В этот день экскурсию для старших проводила Изабелла Львовна, для самых маленьких — ее внучка Маша.

Изабелла Львовна сказала: — Ребята! Многие из вас думают, что разводить кроликов легко. Построил клетку, купил животных, заготовил корм — и все. Я уже двадцать шесть лет занимаюсь кролиководством и должна сказать, что это — целая наука.

Хозяйка открыла клетку.

— Перед вами два кролика. У одного уши прямые, крупные, а другой — вислоухий. Кого из двух вы возьмете?

Большинство считало, что нужно брать вислоухого. Когда его гладили, он не боялся.

— У этого кролика, — возразила Изабелла Львовна, — организм ослабленный. Опытный кроликовод возьмет сильного. А клетка! Она должна быть просторной. Реечный пол настилается не вдоль или поперек, а по диагонали. Чтобы у животного не болели лапки.

Зимой на реечный пол кладут доски. Подстилка не убирается, но постоянно освежается. Летом клетку чистят ежедневно. Недавно ленинградский кроликовод Игорь Николаевич Михайлов придумал оригинальную конструкцию. Под реечным полом он пристроил большую воронку из рубе-

ройда. Нечистоты сливаются прямо в ведро.

Над клеткой должен быть козырек. Иначе в нее попадут дождь, снег. И еще одна маленькая тайна: кролики любят солнце.

— А как их кормить?

— У животных корм должен быть всегда. Ведь кроличий желудок устроен так, что без поступления новой порции прежняя не усваивается.

— Ой, какие обжоры! Все время жуют, — сказала Валя Зайцева из второго отряда.

— Зимой мы даем им зерно: овес, ячмень, горох, — продолжала Изабелла Львовна. — Еще — сено, картофель, свеклу, капусту, морковь. Летом кормим свежей травой, зерном, огородной ботвой, ветками деревьев. Кстати, вы принесли зелень. Посмотрите, нет ли в пучках ядовитого лютика?

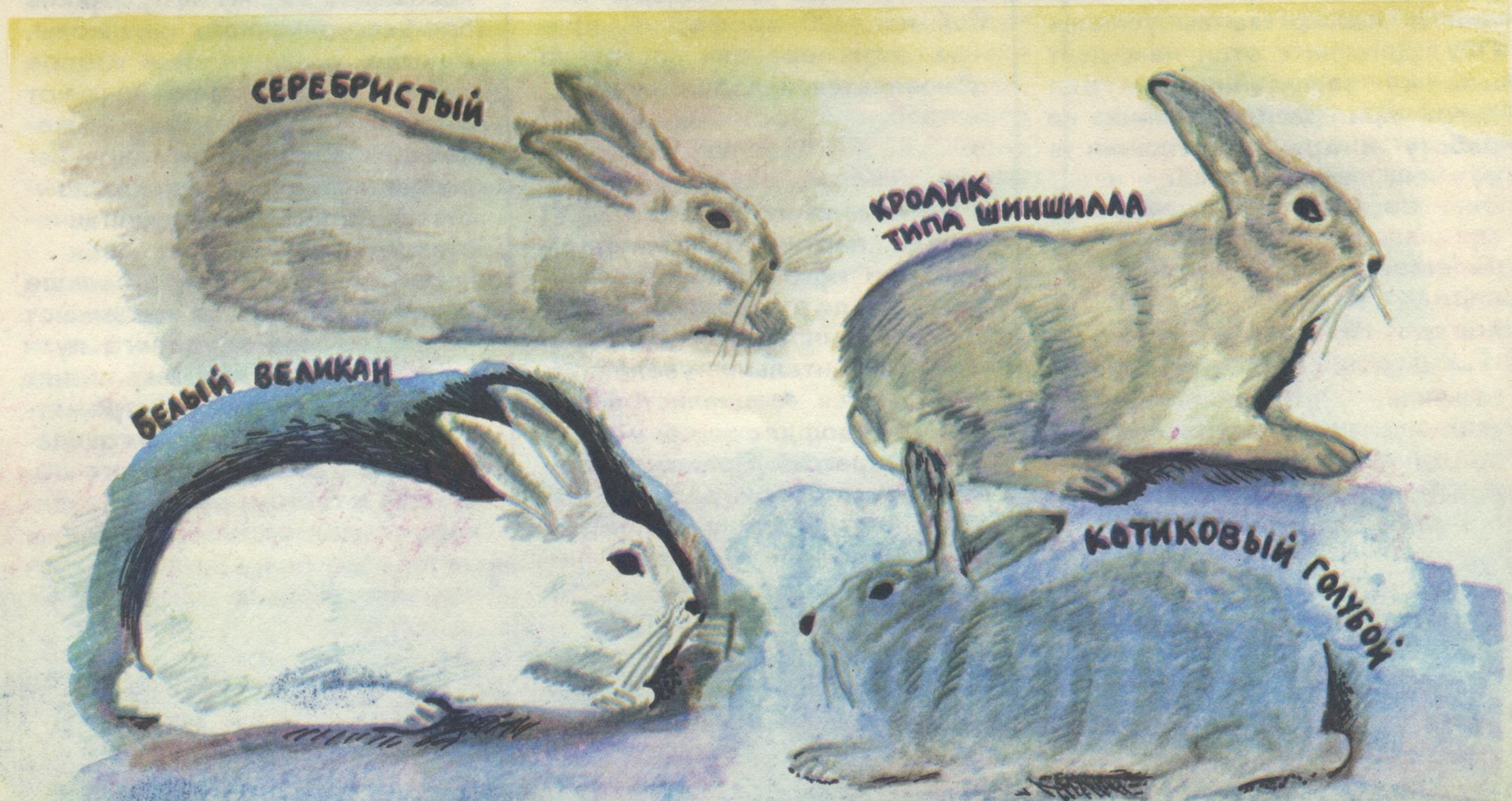
К счастью, ядовитого лютика в пучках не оказалось. Ребята разошлись вдоль клеток и принялись угощать питомцев.

А Маша привела малышей к своему любимому кролику Яше.

— Я его сама кормлю и очень-очень люблю.

Перед отъездом я узнал, что серый великан Яша на днях получил грамоту Всероссийского общества кролиководов за красоту.

См. чертежи на 4-й стр. обложки.

В НАШЕМ классе была своя красавица, три отличницы, скрипачка, девочка, которая хорошо танцевала, и другая — которая на всех вечерах читала стихи и даже изображала Татьяну Ларину в инсценировке «Письмо Онегину».

Света Воробьева не была красавицей, отличницей и скрипачкой, на вечерах она не танцевала, не пела, стихов не читала. Но почему-то именно на нее и хотелось смотреть Славе Никитину.

Волосы у Светы Воробьевой светлые, пушистые. Смеется она негромко и очень хорошо, будто колокольчики звенят.

Слава на нее смотрел на географии, на немецком, на истории, на алгебре — на всех уроках.

Когда на сцене Тоня Савицкая в длинной ночной рубашке писала гусиным пером письмо Онегину, Никитин опять пялился на Светин затылок. А когда Тоня прочла: «Другой! Нет, никому на свете не отдала бы сердца я!..» — Воробьева вдруг обернулась к Славе и, встретившись с ним взглядом, покраснела и опустила глаза.

Он провожал ее до дома. Правда, она не знала об этом, потому что он шел позади, только чтобы видеть красную Светину куртку.

Хорошо бы позвать ее в кино или вместе погулять по весеннему Ботаническому саду.

Его мечты оборвались на уроке физики, когда учительница сказала:

— Никитин! Советую тебе смотреть на доску, потому что формулу я написала не на Воробьевой!

И пошло-поехало. На перемене Витька изрек:

— На Воробьевой формула не записана!

Подлая Тонька Савицкая в очереди в буфет прошептала за спиной: «Теперь я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать».

Когда Слава шел из школы со своим лучшим другом Димой, тот спросил:

— Зачем мы идем по улице, если нам ближе через двор? Чтобы держать в поле зрения Воробьеву?

Девочка В красной куртке

На другой день Слава запустил Воробьевой в волосы шарик прошлогоднего репейника. Она обернулась, посмотрела на Славу прямо и удивленно.

Теперь Слава постоянно думал о том, как бы защитить свою честь. Дать Витьке в ухо? Тогда уж точно все скажут: «Никитин влюбился в Воробьеву». И посыпятся новые издевательские шутки.

В Ботаническом, в круглом пруду, проснулись и голосили лягушки. Слава поймал лягушку, показал ее мальчишкам, а потом сунул в портфель Воробьевой. На уроке класс вздрогнул от визга. Даже предположить трудно, что так могла визжать девочка, у которой смех похож на тихий перезвон колокольчиков.

Витька стал с интересом поглядывать на Славу, Дима больше не вспоминал Воробьеву, потому что домой они ходили как обычно — через двор. А в кино опять показывали приключенческий фильм, и хорошо бы пригласить на него Свету. Последнее время у нее были очень печальные глаза.

В гардеробе Слава толкнул Свету. Зачем? Наверное, затем, чтобы Витька видел, чтобы Тонька видела... Совсем легонько толкнул, а она заплакала. Тогда к Славе подошел Боря Машурин и сказал:

— Еще раз тронешь Воробьеву — не поздоровится!

Слава онемел, но не от стра-

ха, а от наглости. Боря был небольшого роста, худенький паренек. А Слава занимался самбо.

Света торопливо надела красную куртку, схватила портфель, но Боря ее окликнул: — Подожди, пойдем вместе!

Воробьева стояла на виду у всех и ждала, пока оденется Боря. Он открыл перед ней дверь, и они ушли. И никто почему-то ничего не сказал.

Слава чувствовал себя скверно. Хотел написать Свете письмо, все объяснить, но не мог найти слов. Думал подраться с Машуриным, но честной драки здесь не вышло бы: либо бить его, либо не защищаться. Первое — подло, второе — глупо.

Очень грустный бродил Слава по Ботаническому саду, где живут цветы и птицы, которых нет в других садах города. Слава разговаривал с Воробьевой, будто бы она шла рядом, объяснял, что всегда относился к ней хорошо, просто очень хорошо. И когда репейником бросался, и когда лягушку подсовывал в портфель. Но тут он услышал нежный перезвон колокольчиков и сразу же заметил впереди красную куртку.

Света и Боря обошли круглый пруд и поднялись в беседку. Они о чем-то разговаривали, и Света снова смеялась. А Слава пробирался кустами, стараясь уйти незамеченным.

Е. МАТВЕЕВА

ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ

Л. БОГАЧУК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Шевченко

Крейсер пришел в Порт-Артур в полночь. Его сигнальный прожектор коротко промигал посту наблюдения на Электрическом утесе: «Я — „Варяг“. К рассвету прошу прислать лоцмана».

А на заре вахтенный принял с берега семафор: «Фарватер обозначен четко. Лоцмана не будет. К подъему флага прошу встать в трехстах саженях по корме «Пересвета». Руднев».

«Самостоятельно входить в гавань не рискую. Бэр», — сухо отщелкал корабельный прожектор.

Об отказе командира крейсера войти в порт немедленно доложили командующему эскадрой адмиралу Старку. Адмирал завтракал. Он желчно поинтересовался, кто же это вздумал школить любимца царского двора? Адьютант ответил, что в штабе дежурил помощник начальника крепости, капитан первого ранга Руднев.

— Передайте Всеволоду Федоровичу, — Старк пожал плечами, — что я прошу его самого ввести крейсер в западный бассейн.

Корабли Порт-Артурской эскадры предпочитали входить в гавань во время высшей точки прилива. В эти часы устанавливалось недолгое равновесие уровней воды в бухте и океане.

«Варяг» густо дымил на внешнем рейде, когда к нему подошел паровой катер штаба крепости. Руднев легко взбежал по трапу и поднялся на мостик.

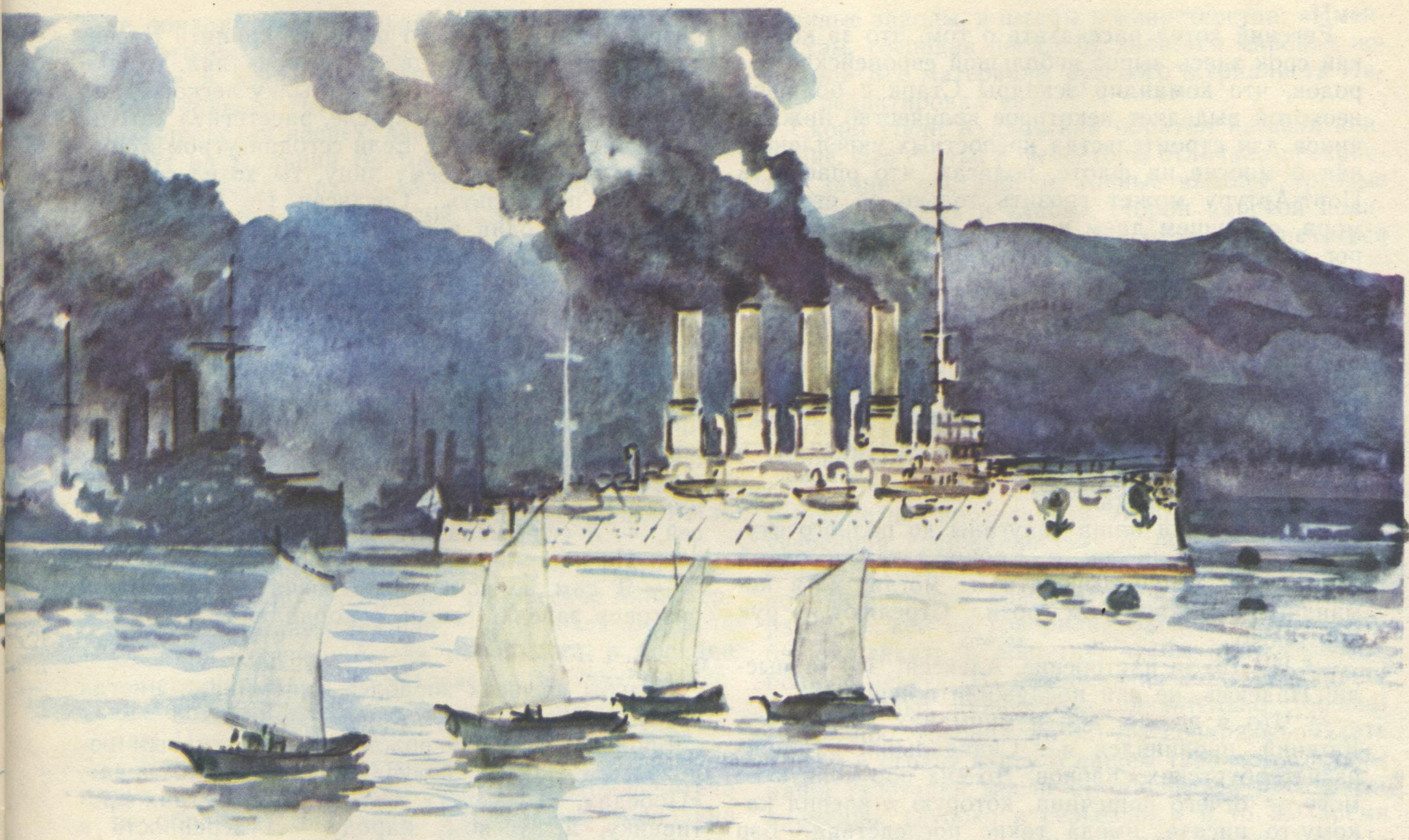
— Лоцман с вами? — спросил Бэр.

— Корабль поведу я, — ответил Всеволод Федорович и положил ладони на рукоятки машинного телеграфа.

Ходовой флаг взвился на стеньге. Крейсер поднял якоря. Сразу за бонами, борясь с сильным отливным течением, Руднев дал полный ход. «Варяг» прошел мимо мыса Тигровый хвост, крепясь, повернул влево. Примерно на середине крутой дуги поворота обе машины заработали «самый полный назад». Корма корабля резко осела. Высокий пенный бурун облил палубу водой до самых кормовых орудий, оставляя на чистых досках обшивки мутные потеки. Здесь было так мелко, что в отлив броненосцы садились днищем на ил.

Машины «стоп»! Отдан якорь. Крейсер замер в кабельтове от броненосца «Пересвет».

Криво усмехаясь, Бэр поблагодарил Руднева за помощь.

«Варяг» стоял в неглубоком западном бассейне бухты Порт-Артура как на параде. Все взгляды были обращены к нему — новичку эскадры. Прилив слегка поворачивал его на якоре: белый, как у яхты, корпус, легкие мачты, палуба, набранная из канадской сосны...

— Да-с!.. — протянул кто-то за спиной лейтенанта Беренса, стоящего на катерной пристани в ожидании шлюпки с броненосца «Цесаревич». — Столичная штука!..

Вид крейсера вызывал воспоминания о гранитных набережных Кронштадта, о казавшейся теперь Беренсу такой далекой учебе в Морском корпусе.

Подошла шлюпка. Рослый матрос помог сойти на пристань загорелому мичману. Тот шагнул к Беренсу, широко улыбнулся:

— Евгений! Ты ли? Вот уж совершенное везение — первая минута на Порт-Артурской земле — и такая встреча!

— Алешка!

Алексей Нирод, друг детства, неизменный заводила всех рискованных гардемаринских проказ!

Они обнялись.

Только теперь Беренс обратил внимание на мичманские погоны Нирода. Интересно, какое же приключение помешало графу быть в срок произведенным в лейтенанты? Евгений рассмеялся, предвкушая рассказ об очередной проделке своего друга...

— Алексей! Чертовски рад тебя видеть!

— Здравствуй! Ты временем располагаешь? Проводи-ка меня к штабу. Надобно для родного парохода воды, провианту испросить да доложить о готовности любого врага расколоть.

— Считаешь, возможна война?

— Война всегда возможна, Евгений!

— Послушай, братец, — обратился Беренс к матросу с «Варяга», — придет катер с «Цесаревича» за лейтенантом Беренсом, скажи, что буду через час.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Они поднимались узкой, плохо вымощенной улочкой к штабу флота.

— Ах, Женя! — старательно обходя лужи, говорил граф. — Знал бы ты, сколько матросских зубов выбито за этот поход офицерскими кулаками! Вот этого, шепелявого, сам старший боцман благословил. Большой мастер! Одним ударом меньше двух зубов не выколачивает! Пришлось всей кают-компанией просить старшего офицера воздействовать на боцманюгу, чтобы не калечил моряков. А наш командир — его высокоблагородие господин капитан первого ранга Бэр считает мордобой единственным средством поддерживать дисциплину. Жесток!..

— Этак ты скоро в анархисты запишешься!

— Фамильная честь не позволит.

Уступая дорогу колонне моряков с кирками и лопатами, они остановились у небольшой китайской лавочки.

Евгений хотел рассказать о том, что за короткий срок здесь вырос небольшой европейский городок, что командир эскадры Старк с большой неохотой выделяет некоторое количество нижних чинов для строительства крепостных укреплений, как и многие на флоте, полагая, что опасность Порт-Артуру может грозить только со стороны моря, о идущем днем и ночью строительстве дорог и укреплений, но какая-то непривычная, не виданная им никогда раньше тоска в глазах мичмана остановила его.

Мимо них, скользя и оступаясь в дорожной грязи и гальке, шли бесконечной колонной моряки. Алексей вглядывался в лица проходящих матросов. Лица их были усталы и хмуры. Но в каждом из идущих угадывалась какая-то особая стать хорошо поработавшего мастерового человека.

Алексей продолжал:

— Матросики наши запуганы до полного отупения. Поверишь ли: в Кронштадте ни одной шлюпочной гонки выиграть не могли, хотя командир даже карцером грозил. Стреляют из рук вон плохо.

— Ну что за настроение, Алексей! Что за мысли! Надеюсь, не они послужили причиной...

— Что я до сих пор в мичманах хожу? Нет, Евгений, провинился я... Скандальчик в одном из петербургских салонов. До сих пор понять не могу — отчего пощечина, которую я влепил какому-то писаке, имела такие последствия? Бэр кричал так, будто я оскорбил самого министра!.. Свободен у тебя вечер? — вдруг спросил Нирод.

Беренс кивнул. Он понял, что сейчас Алексей хочет остаться один.

— Вот и отлично, — сказал мичман. Он заторопился. — Будь сегодня моим гостем. Расскажешь об этом таинственном Востоке...

Граф повернулся на каблуках и твердой походкой направился к штабу.

Весь день Беренс размышлял о перемене, которая произошла с его другом. Он решил, что Нирода огорчает неудача в самом начале военной карьеры, и отправился на «Варяг» с твердым намерением помочь Алексею вновь обрести его былую уверенность. Как флаг-офицер штаба эскадры он мог бы посодействовать переводу мичмана на другой корабль или в крепость...

Но едва ступив на палубу крейсера, Евгений забыл о своем решении.

По долгу службы Беренсу приходилось бывать на всех кораблях эскадры, но «Варяг» поразил его удивительно гармоничным сочетанием мощи вооружения, изящества надстроек и обводов корпуса. «Вот он — флот двадцатого века!» — думал лейтенант, обходя палубу, на которой с разумным, как ему казалось, расчетом были расположены орудия, механизмы, спасательные шлюпки. Он пробовал маховики наводки пушек, спускался к машинам, глядел в окуляры дальномеров. Он не скрывал восхищения.

По неписаным законам флотского гостеприимства гость любого из господ офицеров становится гостем кают-компания. Нирод же испросил

разрешения у старшего офицера принять Беренса у себя. Тот поморщился, но позволил. В каюту Нирода подали закуски, бутылку легкого вина

Мичман откинулся в кресле, расстегнул китель:

— Садись, Евгений. Если сегодня утром я правильно понял по твоему лицу, ты хотел со мной серьезно поговорить... Согласен. Но сначала ответь мне на один вопрос: почему ты так восхищаешься военным кораблем? Разве почтовый пароходишко менее прекрасен?

— Алексей! Всякое государство обязано защищаться! — лейтенант был ошарашен. Он ожидал любого поворота в разговоре, но услышать такое! И от кого? От графа Алексея Нирода, все предки которого со времен Петра Первого служили на Российском флоте?!

— Ты говоришь «государство обязано защищаться». Согласен, — спокойно продолжал Алексей. — А если нападать?

— Не понимаю твоего настроения!

— Я сам не понимаю. Давеча о матросиках разговор завел... Теперь о кораблях...

Судьбы военных кораблей напоминают иногда послужной список офицеров...

Броненосцы сразу рождаются с солидным положением. Имена получают звучные: «Слава», «Победа», «Пересвет». Они внушают страх противнику, а русскому народу — уверенность в незыблемости самодержавия. Броненосец может подолгу нести вымпел командующего. Бой он принимает на центральной позиции, поддержанный всеми силами флота.

Крейсеру надлежит быть всегда «на ходу и готову к делу». И названия им подбирают благородные, выразительные: «Изумруд», «Богатырь», «Рюрик». Он создан для головокружительных рейдов на морских путях противника, для борьбы против десантов врага.

Но новейший крейсер русского флота «Варяг», едва вступив в строй, уже был безнадежно болен.

Его строительство было заказано американской фирме, которая в погоне за дополнительной премией добивалась от крейсера скорости в 24 узла вместо 23 по контракту. Но фирма оговорила, что таким ходом «Варяг» может двигаться не более двенадцати часов.

Брат русского царя, великий князь Алексей, который был шефом флота, однажды приказал держать такую скорость почти сутки. Несколько раз шеф флота поднимался на мостик, чтобы насладиться удивительным ощущением — корабль несся по волнам быстрее курьерского поезда!

У котлов, где работали кочегары, температура поднялась до пятидесяти градусов. Матросы падали от теплового удара.

Только известие, что при таком ходе может не хватить угля на возвращение в Петербург, остановило великого князя. Не скрывая своего разочарования, он позволил сбавить скорость.

О том, что почти два десятка кочегаров были унесены с вахты прямо в лазарет, шефу флота

не докладывали: великий князь не любил, когда его отвлекали по пустякам!

Уже в Кронштадте обнаружили, что подшипники правого гребного вала оплавилась. Ремонт был проведен наспех: через неделю предстоял переход на Дальний Восток.

Так боевой корабль загнали, как загоняет скакового коня глупый и злой хозяин.

От Невы через Дворцовую площадь дул резкий пронизывающий ветер, хлестал колючим холодным снегом. Не спасали ни плотно закрытая дверь кареты, ни медвежья доха, в которую был укутан чрезвычайный посланник императора Японии господин Курино.

Посол уже несколько дней чувствовал недомогание, но последние депеши из Токио не позволяли лечь в постель. Судя по всему, дело шло к разрыву с Россией.

Дипломатическая работа в Петербурге убедила чрезвычайного посла, что русское министерство иностранных дел ничего не решает. Все дела Японии, Кореи и Китая находились в ведении наместника царя по Дальнему Востоку Алексева, который имел право личного доклада Николаю II.

Курино поерзал, устраиваясь поудобнее, взглянул на сидящего рядом советника: этот недотепа не обращает внимания, что с плеча господина посланника сползла доха. Курино, недовольно сопя, поплотнее укутался. Жаль, что в эту минуту нет рядом прежнего советника Наиты. Умный и ловкий был помощник! Дело не только в том, что Наита непременно заметил бы, что господин посланник мерзнет. В это трудное время он бы наверняка устроил так, что содержание почты наместника Алексева было бы известно японской миссии.

Ведь сумел он завести нужные знакомства среди дипломатов, промышленников и офицеров. Сумел подкупить несколько чиновников, которые доставляли ему копии секретнейших писем и документов!

Да как красиво это обставил! Все были убеждены, что Наита — владелец нескольких текстильных фабрик и озабочен только тем, как выгоднее сбыть с рук свое полотно. Его хорошо оплачиваемое любопытство к русской политике, к строительству железной дороги на Порт-Артур, к портам Дальнего Востока было как бы лишь интересом делового человека, заботой о прямом пути своих товаров в Европу!

Курино улыбнулся. Он вспомнил, как однажды личный секретарь почтительно доложил ему, что господин советник Наита слишком занят собственными делами. Откуда было знать личному секретарю, что капитан второго ранга Наита оставил службу на флоте ради карьеры разведчика, а не из-за какой-то жалкой фабрики!

Но истинной находкой для разведчика Наиты стала дружба с журналистом Кудловским. Наита не жалел времени. Он часами рассказывал газетчику о тайнах мировой политики на Дальнем Востоке. Он отправлял Кудловского на морские и

военные заводы, в штабы и министерства: «Именно там, господин писатель, делается мировая история!» Все материалы русского журналиста Наита редактировал сам.

Скоро Иван Кудловский обратил на себя внимание. Его статьи и фельетоны отличало прекрасное знание обстановки, точные выводы, трезвые оценки сильных и слабых сторон царской политики в Азии. С ним стали охотно встречаться министры, генералы, сенаторы.

А Наита по-прежнему оставался первым редактором и ценителем творчества Ивана Егоровича Кудловского: «Не следует так откровенно призывать свое правительство к усилению войск и флота на Дальнем Востоке. Кого вам бояться? Япония — карлик. Англия по уши увязла в старых колониях. Китай никак не может оправиться после Боксерского восстания. В этом районе мира у России нет противников. А потому ей подобает уверенная сдержанность». А потом, словно невзначай, спрашивал: «Вот вы рассуждаете о малой численности войск русской пограничной охраны... С кем вы говорили? Военные, знаете, любят поплакать в жилетку, чтобы выпросить побольше денег». И, наконец, переходил к главному: «Однако пишете вы удивительно хорошо! Не помню, говорил ли я, что собираюсь издать у себя в стране книгу о вашем творчестве, чтобы наши газетчики могли бы научиться писать современно: глубоко и серьезно, и в то же время просто и доступно. Какое у вас чувство слова!»

Не торгуясь, разведчик скупал и записные книжки журналиста. Он действительно читал их очень внимательно. Особенно Наиту интересовали те страницы, где речь шла о русском флоте...

Все дело испортил досадный случай. На одном из официальных приемов какой-то русский мичман отхлестал Кудловского по щекам. Вышел скандал. Да еще в присутствии японского дипломата! Советник Наита, правда, потом уверял посла, что это была обычная русская пьяная драка, но внимание к посольству было ни к чему. Наиту срочно отправили в Японию.

Курино, решив проверить, не является ли эта странная история тонким ходом русской военной контрразведки, сделал официальное заявление министру иностранных дел России об оскорблении японского дипломата. Против ожидания это сработало. Мичмана наказали. Посол успокоился.

А Кудловский сообразил, что без своего негласного редактора и наставника ему уже не сделать журналистской карьеры. Кроме того, по Петербургу поползли неясные слухи о его тесных отношениях с представителями страны, которая прямо заинтересована в ослаблении России.

Журналист поспешил воспользоваться своей краткой, но шумной славой знатока азиатской политики и без труда получил место вице-консула в заштатном корейском городке Чемульпо...

Карету посла тряхнуло на ухабе. Курино подумал, что, быть может, следовало бы обзавестись русским экипажем на полозьях, которые обладали изумительно ровным ходом по снегу. Чрезвычайный посол попытался вспомнить, как называется такой экипаж... Кажется, сани. Впрочем,

не следует попусту тратить деньги. Переговоры протянутся еще от силы месяц, а потом... Потом должна разразиться война.

А пока он будет по-прежнему добиваться переговоров, которые уже никому не нужны.

Карету вновь резко тряхнуло. Курино вспомнил заседание кабинета министров летом в Токио, на котором было принято решение атаковать русские корабли и высадить десант в удобное для его страны время.

«Готовь сани летом», — усмехнулся посол.

Он не зря гордился своей отличной памятью.

Старший помощник командира Артурской крепости Всеволод Федорович Руднев стоял на палубе небольшого парового катера. Катер бежал навстречу лохматым волнам, которые толклись в узком проливе. Низко над головой бесшумно и ровно неслись грязно-серые облака, едва не задевая изодранными в клочья брюхами вершину Электрического утеса.

Открылся внешний рейд. Суевливая бестолковая волна сменилась ровной зыбью. Катер скатывался по спинам зеленовато-серых валов, покрытых разводами пены, зарывался тупым носом в воду. Потом, дрожа от усилий своей почти игрушечной паровой машины, взбирался на водяную горку, чтобы через минуту опять окунуться. Ветер нес в лицо соленые брызги.

— Обойди-ка, братец, крейсер по корме, — обратился Всеволод Федорович к рулевому.

Миновал уж год, как «Варяг» вошел в состав Порт-Артурской эскадры, но его командир упорно отказывался перекрасить корабль в защитные цвета. Взгляд Руднева скользил по алой ватерлинии, ослепительно белому корпусу, золотой росписи на форштевне. «Красиво, — подумал он, — но в бою такая раскраска будет отлично видна в артиллерийских прицелах противника».

С наветренной стороны катер подошел к трапу.

— Ваше высокоблагородие, — громко доложил рулевой, — волна большая! Подходить опасно!

Крюковые, обязанностью которых было удерживать катер у трапа, неподвижно стояли на носу.

— Руль прямо. Крюковым вниз! — скомандовал Руднев.

Матросы прошли в корму катера. Лица их были невозмутимы, в глазах плясала насмешка: «Это тебе, высокоблагородие, не в штабе штаны протирать!»

— Как тебя зовут? — спросил Всеволод Федорович.

Рулевой вздрогнул. «Опять фитиля получу, — с тоской подумал он. — А за что? Я не виноват, что на этакой волне не подойти... А по штормтрапу их высокоблагородие лазить, небось, не приучены...»

— Матрос первой статьи Чибисов!

— Слушай меня внимательно, Чибисов. Сейчас развернешься, пойдешь к трапу, подгадай так, чтобы быть на волне. Ход не сбавляй!

Матрос побледнел, крепче перехватил рукоятки штурвала. Маневр он выполнил безукоризненно—

катер подошел к борту именно в ту секунду, когда волна, поднявшись, на мгновение замерла.

Руднев легко перепрыгнул на трап крейсера. И тут же вода ушла вниз, стремительно обнажая обшивку с облупившейся кое-где краской. Катерок прибавил ход, чтобы следующий вал не бросил его на борт, и торопливо затарахтел в крепость.

Руднева не встречали. Вахтенный офицер решил, что он вернулся с катером в Порт-Артур. Всеволод Федорович поднялся на палубу, почти у самой двери командира встретил мичмана Нирода. Тот остолбенел.

— Всеволод Федорович, — растерянно начал он, — простите, право, не думал, что сумеете подняться на борт...

— Ничего, мичман, ваша оплошность простибельна. Не могли же вы знать, что на катере отменный рулевой...

Руднев вошел в каюту командира.

Оставшись один, мичман присвистнул, щелчком передвинул фуражку на затылок. В том-то и дело, что рулевого Тихона Чибисова он хорошо знал: не раз видел, как тот терялся от одного взгляда фон Бэра или старшего офицера. Да не просто терялся — почти переставал соображать. Вначале командир хотел сменить его, списав Чибисова на берег, а потом махнул рукой — матросы, мол, все одинаковы!

Но не только это смутило и озадачило Нирода. На корабле уже знали, что фон Бэра отзывают в Петербург, а командиром «Варяга» будет Руднев. Мичман заторопился. Он решил пройти еще раз по палубе: нет ли какого беспорядка, который может быть замечен строгим взглядом нового командира. О том, что Руднев придирчив до чрезвычайности, Нирод знал от своего приятеля, служившего в штабе. Тот однажды с удовольствием рассказывал, что Всеволод Федорович не принял отлично построенную береговую батарею только потому, что не были закончены помещения для отдыха артиллерийской прислуги!..

Тем временем в отделанной красным деревом каюте командира шел неторопливый разговор. Фон Бэр и Руднев сидели в глубоких кожаных креслах. На низком столике остывал кофе.

— Должен со стыдом заметить, Всеволод Федорович, что сдаю вам не лучший корабль флота, — говорил фон Бэр. — То есть крейсер как раз один из лучших... В нем воплощено все, что могла дать изобретательная человеческая мысль, но команда! Скажите, что случилось с русским матросом? Моряки разучились служить! Я думаю, что вся эта современная техника — котлы, дальномеры — для них такое же непонятное явление, как каравеллы Колумба для индейцев.

Руднев задумчиво вертел в руках платиновую пепельницу, сделанную в виде старинной испанской галеры — подарок офицерского собрания Кронштадта.

— Вы знаете, что означает по-испански слово «платина»? — вдруг спросил он. — Говорят, что оно родилось на рудниках Южной Америки. Шахтерам серебряных рудников иногда попадался какой-то тусклый тяжелый металл. Они отбрасы-

вали его в сторону: «Платина!» — «серебришко!» — говорили шахтеры... Не ведали они, что это «серебришко» дороже золота! Быть может, мы не всегда способны понять истинную ценность того, чем владеем? Я считаю, что русский матрос храбр, сообразителен и ловок.

— Говорю, что думаю, — ответил Бэр. — Даже если это кое-кому не нравится.

— Ну что ж. Это качество вам очень пригодится в дальнейшей службе.

Бэр побагровел. Его отзывали в Петербург в свиту великого князя Алексея, где полагалось говорить только то, что могло понравиться шефу флота.

— Прикажете подать отчет по корабельной кассе? — хрипло спросил фон Бэр.

Это уже было почти оскорблением: обычно корабельную кассу принимали не проверяя.

— Ну что вы! — мягко проговорил Руднев. — Давеча я уже подписался в приказе о вступлении в командование кораблем. Я поставил свою подпись только потому, что знаю: ваши дела находятся в идеальном порядке! Прошу вас только об одном — представьте меня господам офицерам.

Фон Бэр с трудом сохранял остатки самообладания:

— Среди бумаг найдете мой рапорт об очередном звании мичману Нироду. Ему давно пора в лейтенантах ходить, да уж больно независим и дерзок. Впрочем, это уже ваши заботы. Рапорт я до времени задержал. Остальные офицеры — выше всяких похвал!

В кают-компании фон Бэр коротко представил нового командира «Варяга», сказал, что вся пол-

нота власти над кораблем перешла к Рудневу сегодня с полудня. Потом отступил на шаг, словно говоря: с этой минуты я здесь гость!

Руднев повернулся: офицеры смотрели на своего нового командира с любопытством и ожиданием.

— Едва вступив на борт крейсера, — начал Руднев, — я столкнулся с непростительным нарушением.

— Кажется, будет показывать строгость! — прошептал Нирод. — Начнет с меня — прошляпил приезд нового командира!

— Мичман Нирод!

Граф вышел вперед.

— Мичман, почему как вахтенный офицер не доложили об отказе повиноваться со стороны нижнего чина, которое имело место сегодня в 12 часов 30 минут?

В кают-компании повисла тягостная тишина. Еще бы — бунт на корабле!

— Я не знаю о таком случае на крейсере, — побледнев, ответил мичман.

— Проходя по палубе в означенное время, я заметил, как старший боцман ударил матроса. Такое обращение с нижними чинами допустимо только в случае открытого неповиновения! Если же была проявлена нерасторопность, наказывать следует унтер-офицера, который не сумел научить матроса спору делать свое дело. Наказывать также следует командира роты, который не смог подобрать толковых унтеров! Предупреждаю: впредь только так и будет!

Через полчаса команду «Варяга» выстроили на шканцах.

Руднев неторопливо обошел шеренгу моряков,

встал лицом к строю, заговорил. В его голосе не было обычного в таких случаях надсадного «строевого» крика, который словно кнут дрессировщика превращает одетых в форму людей в послушные автоматы. Всеволод Федорович говорил спокойно и просто. Он обращался к матросам в полной уверенности, что слова его встретят понимание.

— Сегодня я принял командование крейсером. Судьба свела нас с вами на одном корабле. Хочу, чтобы вы запомнили: каждый из вас служит не мне или кому-то из господ офицеров. Мы все служим отечеству, России! Честь велика! Потому я никогда и никому не прощу поступка, марящего эту честь! Не прощу плохой службы! Уж если стрелять, то с первого снаряда — в цель. А коли в поход, то не оповещать весь Тихий океан об этом. Взгляните: у нас два котла под парами, а дымим как целая эскадра! Кочегары должны топить так, чтобы только горячий воздух дрожал над трубами! Ведь мы — боевой корабль, а не плавучая баня!

Без всякой команды экипаж вдруг грянул «ура!»

Руднев повернулся и, сопровождаемый офицерами, направился в кают-компанию. Последним плелся корабельный священник. Он никак не мог взять в толк — каким образом новому командиру удалось вызвать такое воодушевление в матросиках, ни разу не помянув православную веру и государя императора?

В кают-компании командир огласил второй приказ: отпуска на берег в ближайший месяц запрещены, по кораблю объявлена учеба всех служб, особо — артиллеристов и механиков.

В первые дни общекорабельных учений несколько офицеров подали рапорты о списании с «Варяга». Руднев их не задерживал.

Узнав об открывшихся на крейсере вакансиях, лейтенант Беренс тотчас явился к адъютанту командующего эскадрой, с которым был в дружеских отношениях.

— Виктор, на «Варяге» есть место старшего штурмана. Я хотел бы его занять.

— Тут, милый Евгений, даже адмирал Старк тебе помочь не сможет. Руднев договорился с ним, что назначения тот подписывает только с согласия нового командира! Каков Всеволод Федорович? И потом, зачем тебе, флаг-офицеру флота, туда идти? Там, говорят, сейчас такое творится! Офицеры не имеют возможности провести вечеров на берегу, отдохнуть от запаха матросских кубриков. Выбери себе корабль поспокойнее. Вот «Ретвизан» в Нагасаки скоро отправляется...

— И все же я хотел бы служить на «Варяге»!

— Вольному — воля. Поезжай к Рудневу. Если понравишься — адмирал подпишет приказ.

Через три дня кают-компании был представлен новый старший штурман крейсера лейтенант Беренс.

Корабль напоминал муравейник, проснувшийся от зимней спячки. Заново окрашивались в серозеленые защитные цвета надстройки и корпус. Проводились аварийные и шлюпочные учения. По несколько раз в день объявлялись (несмотря на идущие работы) минные тревоги. По такой тревоге следовало срочно опустить с бортов противоминные сети. Руднев требовал, чтобы эту работу могли выполнять все матросы корабля, а не только специально выделенные люди боцманской команды. Непривычные к столь длительному авралу офицеры едва не валились с ног от усталости. Однако к ужину являлись подтянутые, в безупречных парадных кителях. Но даже эта традиционная парадность вечерней кают-компании не навевала, как раньше, темы для бесед, не относящейся к службе.

Беренс и граф Нирод так и не сумели толком поговорить. Времени у каждого было в обрез. Только однажды, когда офицеры еще не садились за стол, лейтенант отвел Нирода в сторону:

— Алексей, я занял место старшего штурмана, которое по праву принадлежит тебе. Я знаю также, что рапорт командира о присвоении тебе звания уже пришел к заместителю... Скоро ты получишь звездочку. Но если желаешь после этого остаться на «Варяге» — я уйду...

— Звание меня не заботит, — спокойно ответил Нирод, — поверь, я искренне рад, что мы опять вместе. Ты мне лучше вот что скажи: отчето это морячки наши потеют на авралах и тревогах вдвое больше прежнего, а все-таки словно на крыльях летают по кораблю? Веселы, беззаботны... А о рапорте я знаю. Фон Бэр его давно должен был отправить, но в Нагасаки я случайно какого-то японского фабриканта в канал бросил...

— Случайно?

— Вот именно, — ухмыльнулся мичман. — Совершенно ненароком!

В Нагасаки русская эскадра проводила порою долгие месяцы. Делали мелкий ремонт, пополняли запасы угля, продовольствия, воды. Николай II полагал, что таким образом Россия запугает Японию мощью своего военно-морского флота.

Однако эффект получился обратный. На это время офицеры японского флота становились торговцами, грузчиками, уборщиками. Они не только знали в лицо всех русских морских офицеров, но досконально изучали возможности каждого корабля, каждого механизма, орудия.

Чины японской разведки дотошно опрашивали по вечерам рабочих, занятых на ремонте кораблей. В своих отчетах они могли указать даже номера броневых листов с ослабленными заклепками.

Рассказывают, что генерал-лейтенант японского корпуса корабельных инженеров, который впоследствии руководил подъемом крейсера «Варяг», выдавал водолазам подробнейшие чертежи крепления орудий, мачт, вентиляторов, труб, которые они снимали, чтобы облегчить подъем.

1922

Мы начинаем печатать страницы летописи истории пионерской организации. Это и сухие строки документов и живые воспоминания тех, кто в двадцатых, тридцатых годах и позже носил на груди алый галстук, был участником славных дел пионерии, верным сыном Родины, помощником коммунистов в те годы труда и войны.

Твой отец и мать, бабушка и дедушка, соседи по квартире, по этажу тоже были пионерами, участниками этих событий.

Обратись к ним, запиши их воспоминания, пришли нам.

1932

СТРОКИ ИЗ ЛЕТОПИСИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Помню, как в понедельник 13 февраля 1922 года я бежал по Большой Садовой к дому № 23, в котором до революции размещалась типография. В этом-то здании, на месте которого в настоящее время высится многоэтажная столичная гостиница «Пекин», и состоялся первый сбор первого пионерского отряда...

К назначенному сроку в одном из типографских цехов собралось около семидесяти ребят... Помещение давно не отапливалось и поэтому в нем было сыро, холодно и неуютно...

Но вот на середину цеха вышел Миша Стремяков. Он расстегнул шинель, снял с головы шапку-буденовку... Ребята притихли. С большим вниманием слушали они яркую и образную речь о завоеваниях Октября, о великом Ленине и партии, ведущей трудовой народ к новой, светлой жизни, о задачах, которые ставит комсомол перед вновь организуемым отрядом...

После Стремякова выступил секретарь комсомольской ячейки Оверечкин, а затем посыпались вопросы:

— Можно ли будет в отряде курить?

— Как быть, если не согласятся родители?

— Что делать, если родители будут посылать в церковь?

Наконец вопросы закончились, и на обращение Стремякова, кто хочет вступить в отряд, поднялся сначала лес рук, а потом страшный шум,

которым ребята выражали свои чувства.

Из воспоминаний
Бориса Федосеевича КУДИНОВА —
одного из первых пионеров Москвы

19 мая 1922 года вторая Всероссийская конференция комсомола одобрила опыт московских комсомольцев по созданию отрядов юных пионеров и предложила распространить его на другие организации РКСМ. Этот день считается днем рождения советской пионерии.

Пионеры первого отряда города Вятки (ныне город Киров) завязали дружбу с рабочими фабрики металлических изделий. Помогали восстанавливать фабричные цеха, участвовали в коммунистических субботниках, дежурили в красных уголках. Юные художники писали лозунги, рисовали плакаты.

В первомайской демонстрации трудящихся Москвы в 1923 году участвовало 52 пионерских отряда. Они шли впереди рабочих колонн своих предприятий.

Пленум Центрального Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи в январе 1924 года постановил: переименовать коммунистические детские организации СССР в коммунистические

детские группы юных пионеров имени Ленина.

Пионеры Верхнекамского сельсовета Зюздинского района под руководством комсомольца Ивана Кораблева зимой 1929 года отсортировали 1000 пудов зерна.

Не боясь кулацкой мести, они указывали, куда кулаки прячут хлеб, разоблачали врагов колхозного строя.

Из воспоминаний
А. БУРОВА,
ветерана пионерского движения

Первый Всесоюзный слет пионеров... показал огромную политическую активность и сознательность пионерской организации, активное участие детей в социалистическом строительстве и выполнении пятилетнего плана развития СССР.

Из постановления ЦК ВКП (б)
от 2 сентября 1929 года
«Об итогах пионерского слета».

Мы обучили грамоте свыше 1 000 000 неграмотных.

Мы отправили в подшефные села 20 000 радиоприемников.

Мы послали пионерам деревни свыше 500 000 книг.

Мы внесли на заем индустриализации 1 500 000 рублей.

Мы с радостью рапортуем, что на средства, полученные от реализации утиля, куплено для колхозов 4500 тракторов.

Из рапорта юных пионеров
XVI съезду партии (1930 г.)

В 1922 году пионеров в нашей стране было 4000,
а в 1932 году уже 6 000 000!

БЛОКАДНАЯ КОРОВА

А. ЛЕОНОВ

РАССКАЗ

Рисунок В. Лебедева

В одном дачном поселке под Ленинградом стоит двухэтажный дом. Он ничем не выделяется среди других домов, даже вид его не вызывает интереса у прохожих, разве что заглядится кто на высокие толстые березы, которые растут вместо сада, и подумает: «Чудак, видно, тут какой-то живет. Сада не имеет. От сада какая выгода была бы». Дом этот не блещет новизной. Стены его давно не красились. За оградой растут малоухоженные кусты, нет цветов и ягодных грядок. Но всегда полна водой между берез яма-пруд, в которой водятся караси.

Случайно мне довелось познакомиться с хозяином этого дома и многое услышать из его рассказов как о доме, так и о цветах, росших когда-то вокруг, о березах и давних обитателях этого дома.

Хозяин дома уже пожилой человек. Я с интересом слушал его собственные песни, которые он поет под гитару на собственный мотив. А еще этот человек прекрасный рассказчик. Не одну историю услышал я от него, вместе с которыми была и история про блокадную корову.

— Мой отец был человеком с некоторыми странностями. Когда у него были деньги, то он покупал вещи и различные предметы, совершенно не нужные дома. Так он накупил штук двадцать пил, с две дюжины топоров, множество настольных принадлежностей: чернильных приборов, ламп, пепельниц, статуэток, часов и много прочей всячины. И сейчас еще в сарае валяются кирки, заступы, кувалды, безмены, как в лавке древностей. Не посвященному в эти дела трудно разгадать причину скупки барахла. Тут можно подумать, что этот дом держал разные артели: пильщиков дров, досок, каменотесов, мостильщиков мостовых, тут же находилась бронзовая мастерская и часовых дел мастер работал. А все объясняется проще простого.

Отец мой был добрым человеком. Просили у него денег в долг, он не отказывал. Но мастеровой люд не любил отдавать из своих рук деньги. Один сделал одну вещицу, другой другую, уговорил отца принять, хоть она и стоила дороже тех денег, навязывали как бы за доброту. Один так-то оплатил, второй. Слава прошла, что этому человеку можно за деньги и вещь отплатить, ну и потекло к нему: и черный металл, и цветной, и мрамор, и дерево редких пород. У него долго стоял даже револьверный станочек. Бывало встретит отца человек с пилой или топором, тот умоляет купить за бесценок, плачется, что у него несчастье случилось, нужны деньги, а взять негде, вот и продает пилу, а то косу или другой какой инструмент. Отец дает денег и уходит, не принимая вещи. Продавец идет следом до дома, вешает или кладет эту вещь за калитку и уходит с чистой совестью.

В сороковом году он приобрел совсем негодную ни на что покупку: привел корову. Пришел он с ней и говорит: «Кос много, трава растет кругом— без коровы жить стыдно». Посмотреть на эту скотинку и не рассмеяться или заплакать, надо было иметь крепкое сердце. Если рисовать эту животину с хвоста, как делают иногда опытные художники-анималисты, то на хвост краски тратить не пришлось бы, хвоста почти не было; однорогая и хромая. Ну, а взглянуть на бока, костречцы, то это ни с чем, кроме, не сравнишь, как с козлами для пилки дров. Помню, как заплакала мать и запричитала бабушка. На что кому такая корова годится? У отца было оправдание, что корову он купил не для молока и не на мясо, а на употребление сена. Никто так и не узнал, где купил отец этот живой коровий скелет, сколько заплатил и как ему навязали его, но можно было догадываться, что упрощил его кто-нибудь выручить— он выручил. Нам ничего не оставалось, как готовить сено. Тогда-то и пошли в ход косы, вилы, грабли, в которых по известной уже причине недостатка не было. На зиму мы наготовили столько сена, что все наша животины и не поела. Если сказать, что не одолела она сготовленное сено по случаю беззубия, жевать нечем было, то это было бы неверно. К весне, считали все в поселке, мы сволокем ее собакам, а она вышла на траву такой справной, что, как говорят, воды взлей — скатится и не намочит шерсти. Ну, и представь себе, еще и теленка она нам принесла. Теленка, правда, держать не стали, быстро сбыли его. Выпросил кто-то продать. Порода хорошая открывалась в нем. Тут дело знатоков по коровам. Они не промахнутся, что зря не возьмут, как мой батюшка, как казалось сперва...

Рассказчик замолчал.

— А что дальше? — спросил я.

— Дальше то. Сейчас сообразим чайку, а потом будет дальше, — ответил он.

Мне не терпелось узнать до конца эту коровью историю, и я заставил-таки продолжать его за чаем.

— В этой истории главное то, что я живу пока благодаря этой корове. Сам знаешь, что в следующее лето началась война. Фашист попер к Ленинграду. Отец ушел на войну. Но нам он наказал беречь корову, не жалеть сил, потому что она, как он сказал, может в трудную минуту очень пригодиться. Так оно и вышло. Ленинград оказался в блокадном кольце. Начался голод. У нас, должен сказать, были грядочки с овощами, кое-какой запас сложился. Но дом наш заполнили родственники. Я тогда не знал, что они были у нас, а тут вдруг столько объявилось, съехались жить сообща, потому что так, решили они, легче выжить. В доме делилось все на всех.

Делилось прежде всего наше: лучок, морковка, свеколка — и молоко. Каждый получал в день свою чашку молока. Голодно было, но жили.

Можно представить, что значила тогда чашка парного молока. Корову мы охраняли, словно военный склад, каждую ночь дежурили посменно. Я усердствовал больше всех. Исполнял наказ отца. Но родственнички наши стали лениться ухаживать, вернее-то, караулить корову. Молоко поддерживало жизнь, но в брюхе не чувствовалось. Голодом подводило животы, есть хотелось постоянно. Стали подговаривать — зарезать корову на мясо, — отказались от дежурства. Я и

фронт да побоялся бросить бабку, остался. Праздник длился недолго, прошел быстро, начался настоящий голод. Мясо прошло быстро. Овощишки были съедены давно. Оставалось, как говорят, положить зубы на полку, вытянуть ноги да закрыть глаза. Но тут снова пришел отец. Когда он узнал, что корова съедена, он чуть ли не перестрелял всех родственников. Помню его слова: «Вы сами себя приговорили к смерти. Капля молока спасла бы вас. Первобытный человек приручил тура, чтобы жить молоком, а вы, цивилизованные граждане, уничтожили его достижение и теперь поплатитесь за это».

простудился тогда, слег. Мать добыла за молоко у военных лекарства, убавила от взрослых долю молока, кипятила мне и давала горячее, да с пенками. Выкарабкался я из болезни. Отец тогда заехал, пайком своим поддержал. А вскоре несчастье случилось. Мать отправилась хлеб добывать и не вернулась, попала под бомбежку. На меня легли все заботы. Бабка уже соображать плохо стала. Родственники наши стали меня отстранять потихоньку от дел, за хозяев вступали в разные дела.

Однажды я проснулся от какого-то знакомого запаха. Давно не вдыхал такой аромат. Продрал глаза и понял: жарится мясо! Раздетый, слетел я вниз, а там на плите жарится и парится, за столом сидят все объедаются жарким. Какая-то тетушка бросилась ко мне, залепетала, что кто-то залез ночью в стойло и прирезал корову, но не унес, помешали ему...

Я не поверил. Выскочил босиком на улицу, заглянул в сарай, а там пусто. Рассказать, как я ревел, как хотел сбежать из дома куда-нибудь на

Меня он отправил на Большую землю, эвакуировал. Многие пришлось мне там хлебнуть. И все время я вспоминал ту блокадную корову, часто плакал о ней. Я боялся возвращаться домой. А вернулся — узнал, что отец погиб при прорыве блокады, бабушка умерла. Меня тогда скоро взяли в армию добивать фашистов. На фронте был ранен. По ранению вернулся домой, стал налаживать хозяйство. Наладил — живу, как видишь. Вот и вся история. Задумывал я когда-то тоже купить корову, но такой не нашлось красавицы, а нормальную покупать не захотел...

— Не сказал, а что же с родней стало? — спросил я.

— Родня не выжила. Все! Не будем продолжать разговор дальше. Давай пройдемся. Скоро ужин наступит. Надо что-нибудь прикупить.

— Да, печальная история, — сказал я.

— Сколько печальная, столько и поучительная, — заключил хозяин. — Если сможешь написать об этом, то пожалуйста. Может быть, кому и пригодится.

НА КАВКАЗЕ

Джафар ЧУЯКО

Если хочешь закалиться,
Ледяной воды напиться,
Сил набраться про запас, —
Нужно ехать на Кавказ!

Вот гора. По склонам горным
Подберись к вершинам гордым.
Пусть потрогает рука
Кружевные облака.

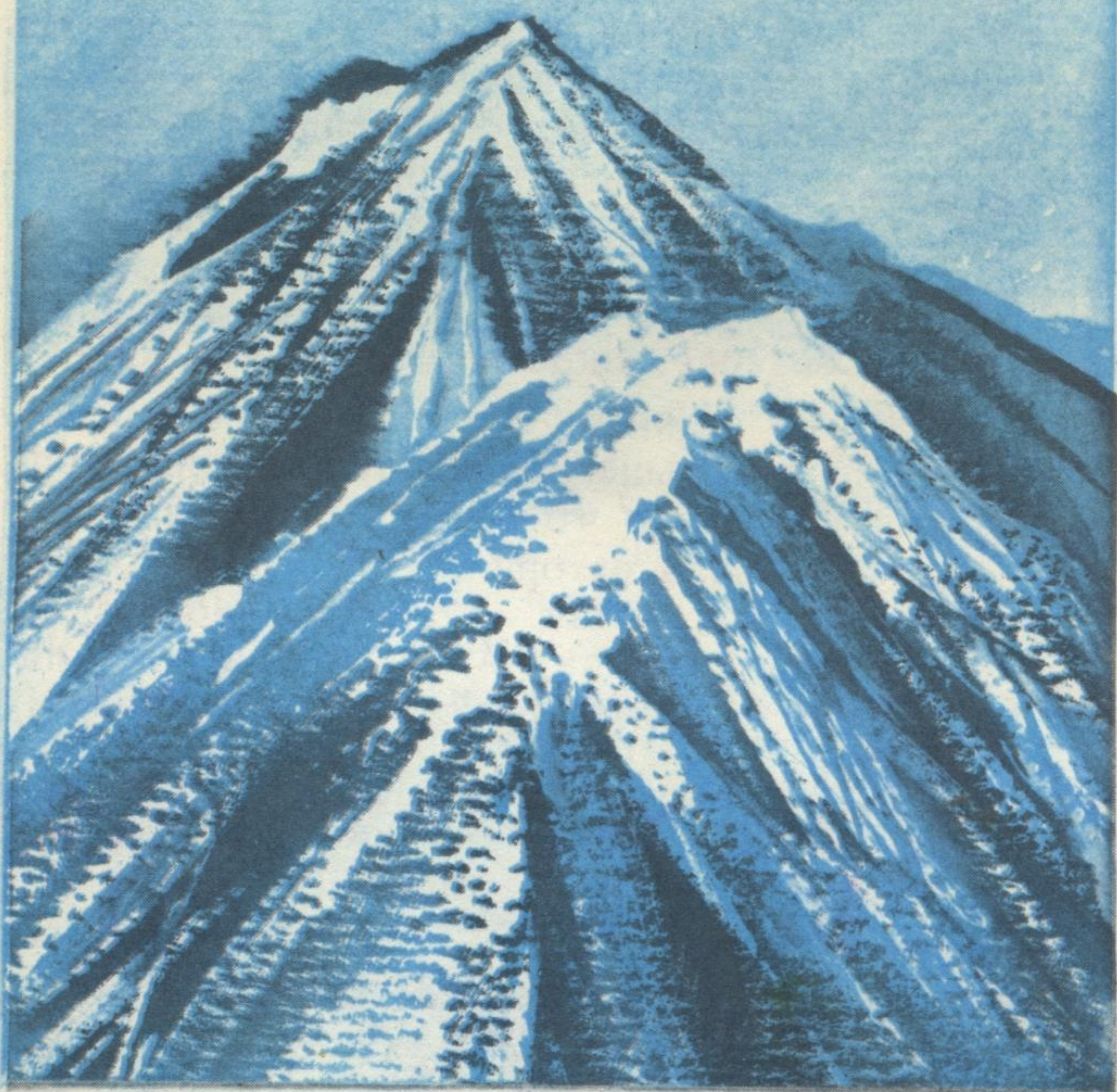
Вот луга. В потоках света
Все готово для букета.
Ждут давно тебя цветы
Небывалой красоты.

Вот ущелья. Как карманы,
В них упрятаны туманы.
Будь внимателен в пути:
Чаще под ноги гляди!

Вот овечки — будто взяли
И на тропку нанизали
Горстку бусинок живых
Полюбуйся ты на них!

А теперь — не стой в сторонке!
Вот мальчишки. Вот девчонки.
Нынче — праздник у друзей!
Приезжай к нам поскорей!

Перевод с адыгейского
К. БИЛИЧ
Рисунок А. Голованова

ЗИМНЕЕ ЦВЕТЕНЬЕ

В. БОЧАРНИКОВ

Есть весеннее цветенье, есть летнее. А вот зимнее цветенье..? Нет в природе такого, кого ни спроси. Нет! Пусть так, а все же...

Зимний денек выдался с оттепелью, но на него нажал мороз и — покори́л. Проснулся я на другой день, вышел на крыльцо: все ново, все необычно, все сияет, светится, играет. Праздник! Солнце, терпимый морозец, и на всем, на всем — иней. Скорее на лыжи и в поле, в лес — там как?

За околицей, к оврагу, лесок: ольха, черемуха, рябина, бузина. Обычная зимняя картина — черный или серый лесок. Непригляден. Неуютен. Хмур. А тут — все белым-бело. Каждое дерево, каждая веточка, каждый кустик — облеплены, обсахарены пушисто-мохнатыми, воздушными, сверкающими блестками инея. Иней нежнее, белее снега, а в тени даже отдает голубизной. Какой дивный наряд! И впрямь подумаешь, что иней — цветенье зимы. Краткое и прекрасное.

Вот знакомая береза у проселка. Гляжу на нее и признать не могу. Вся-то, вся-то она в инее, вся-то она пронизана солнцем, нежная, певучая, чистая, зовущая. Из невест невеста! И то в одном, то в другом, то в третьем месте на ветках горят, переливаются, мерцают искорки-золотинки. Повернешь голову, и эти самоцветы разом потухают, а вспыхивают новые. Словно береза-невеста решила: гляди, гляди, какая я вся.

Солнце через заиндевелые ветви цедится мягко, загадочно, а небо синее-синее.

Деревья разные, а цветут одинаково — белым цветом. Каждая былинка обновлена, мохнатая от инея. Репейники с отростками стали похожи на оленье рога. И на снегу, на каждой шероховатости — блестки, искорки, кажется, земля стала такой же звездной, как небо.

Какое ослепительное сиянье кругом; какая чистота, какой тихий и веселый праздник в природе. И ты вошел в него, и принял в себя, и ликующее настроение безраздельно овладело тобой. Как это славно!

По бугру в сторону соседней деревни прошагали столбы. На столбах уже не провода, их будто бы заменили пеньковыми веревочками, только белыми.

В поле березовый островок. Еду к нему. Он весь охвачен инеем, освещен солнцем. А на снегу путаница теней и россыпь желтых солнечных пятен. Как все чудесно, удивительно, ново! Вдруг подумается: после такой красоты, подаренной тебе и всем, можно ли не любить зиму-волшебницу? И еще подумается: есть оно, есть зимнее цветенье.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Премии журнала «Костер»,
установленные ЦК ВЛКСМ
за лучшие произведения,
напечатанные в журнале в 1981 году,
ПРИСУЖДЕНЫ:

писательнице Зое ПИРОГОВОЙ (поселок Верхний Уймон, Горноалтайская область) — за цикл рассказов о Горном Алтае: «Дети Горного Алтая», «Март», «Солнечный соболь», «Горы поют», опубликованные в №№ 1, 3, 5, 8;

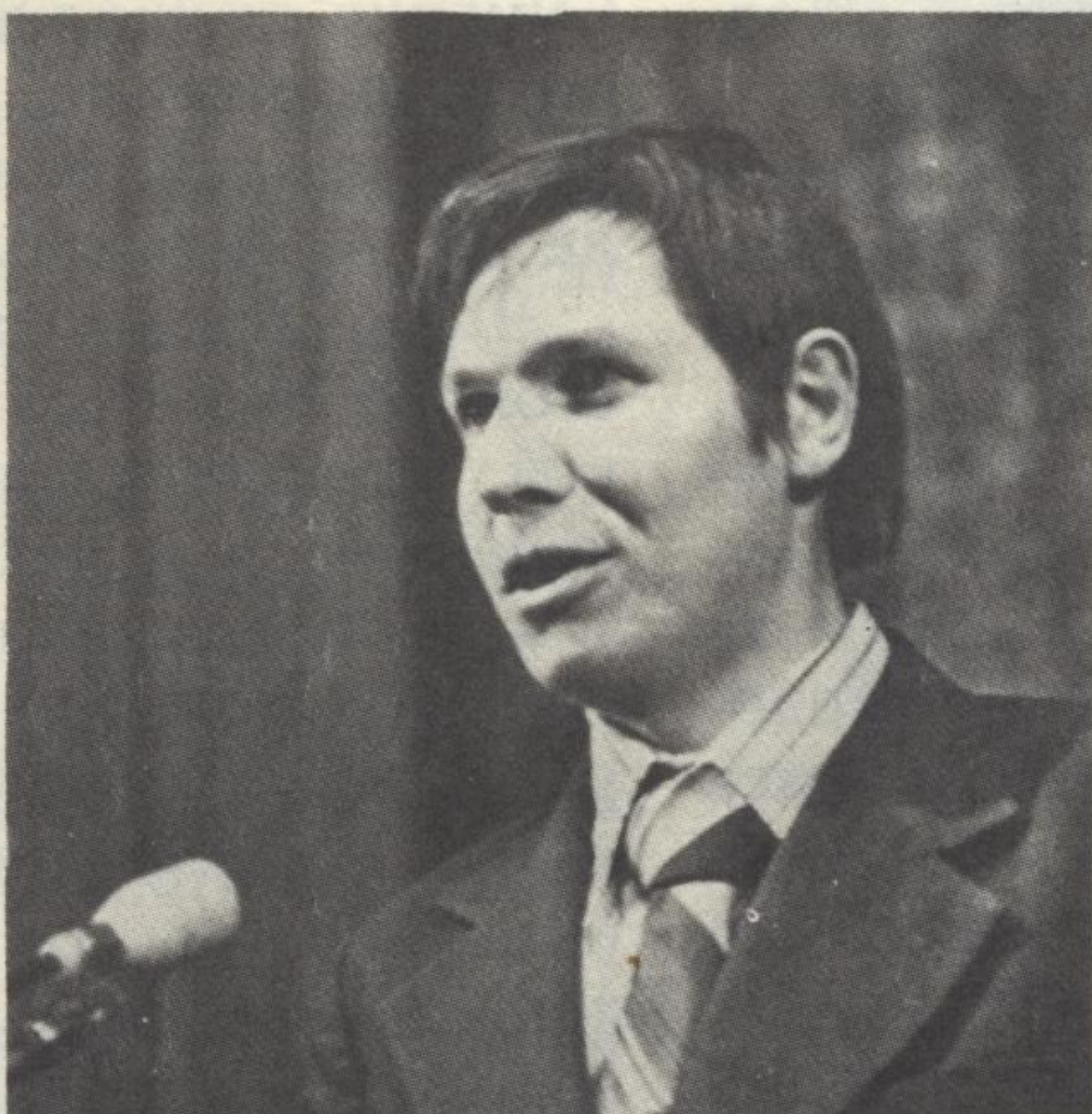
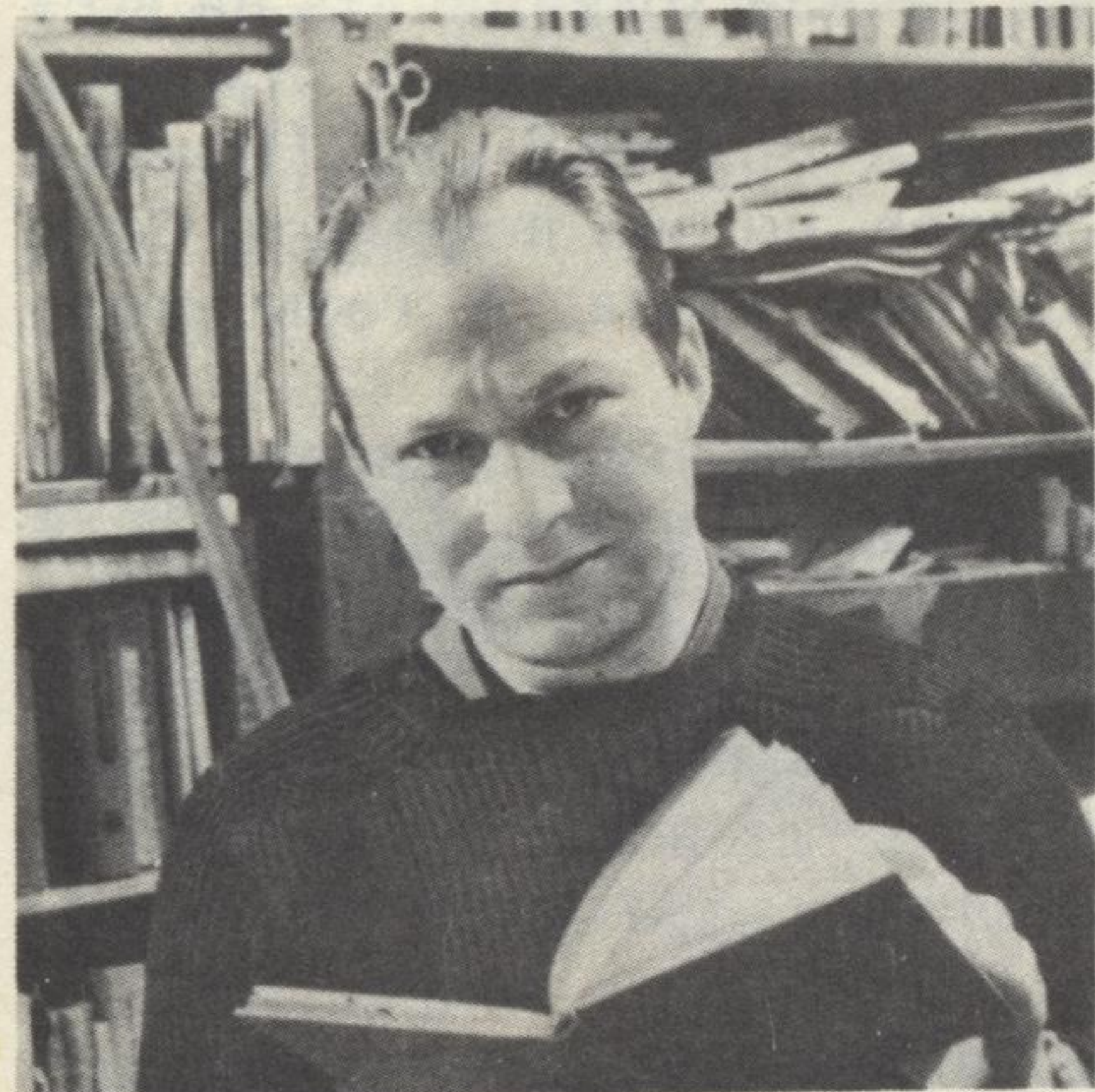
поэту Владимиру СТЕПАНОВУ (город Клязьма Московской области) — за стихи: «Станция Лось», «Не самая лучшая девочка», «Что это за птицы!», «Белые лисы», опубликованные в №№ 9, 11, 12;

художнику Рюрику ПОПОВУ (Ленинград) — за иллюстрации к «Морским газетам», опубликованные в №№ 1—7, 9—12.

ПИРОГОВА Зоя Тимофеевна живет в Горном Алтае. Много путешествует, изучая людей, быт, историю и природу края. Работала библиотекарем в горных поселках, пчеловодом, сборщиком лекарственных трав. Сотрудничает с журналом с 1976 года.

СТЕПАНОВ Владимир Александрович живет в городе Клязьме Московской области. Работает учителем в средней школе. Его стихи печатали «Мурзилка» и «Костер», «Пионер» и «Веселые картинки». Автор книг: «Соломенное лето», «Кони на ладони», «Ехали сани», «Нарисованная вишня». В настоящее время в Москве готовится к печати новая книга.

ПОПОВ Рюрик Борисович — ленинградец. Окончил Академию художеств Латвийской ССР. Участник многих выставок. Иллюстрирует детские книги и журналы, любит и хорошо знает море и корабли.

Рисунки для «Морской газеты» делает с 1970 года.

СТИХИ
ТВОИХ
РОВЕСНИКОВ

КАЧЕЛИ

К небу синему лечу,
Все увидеть я хочу.
Вверх, вниз, ой, ух,
Мне захватывает дух!
Я взлетаю до небес,
Вижу речку, вижу лес.

За рекой пасется стадо,
Мне еще повыше надо!
Еще выше, выше, выше,
Я взлетаю выше крыши.
Выше облака лечу,
Все увидеть я хочу!

Оля Петухова,
станция Исеть

Рисунок
С. Ведерниковой

КОНОПУШКИНА ЗИМОВКА

РАССКАЗ

3. ПИРОГОВА

Жила-была овечка. Беленькая, а на носу рыжеватые пятнышки-веснушки врассыпную. Вот и прозвали ее Конопушкой.

Паслась Конопушка в родной отаре высоко в горах, у самых снежных белков.

Незаметно пришла в горы осень. Пожелтели лиственницы, увяли травы, стали жесткие и невкусные. Вершины оделись снегом. Кедры роняли синие шишки. А небо совсем остыло.

Однажды приковылял к стоянке медведь. Спрятался в мохнатом кедраче, стал приглядываться и принюхиваться. Овечки забеспокоились, отара заколыхалась. Тут проснулись собаки — рыжий Вулкан и черный Полкан. С громким лаем они забегали вокруг отары. В маленькой избушке засветилось окошко. Вышел пастух с большим фонарем, стал махать им и кричать: «Гей, гей, гей!» За горой тоже кто-то крикнул: «Эй, эй, эй!» Медведь сердито рявкнул и повернул обратно. А отара, услыша медведя, дрогнула и рассыпалась в разные стороны. Вулкан и Полкан кинулись сгонять испуганных овец. Пастух снова закричал и тоже побежал. Все смешалось.

Конопушка с кучкой овец катилась с горы прямо в старый корявый кедрач. Луна скакала рядом. Бах! И Конопушка налетела на какое-то косматое чудовище. Оно больно ткнуло Конопушку в бок. Та отлетела в сторону и скатилась в ямку. Да так и осталась лежать там, от страха закрыв глаза и тяжело дыша. А потом незаметно уснула.

Солнышко вышло из-за голубой горы и стало греть землю. Иней на траве таял, радужно переливаясь и поблескивая. Рядом, во впадине, белела гигантская лепешка снега, пролежавшая там все лето.

Конопушка захотела есть, и она выбралась из ямки. Щипнула клочок невысокой травы, щипнула другой. Ну и трава — мягкая, сочная! Давно она не ела такой вкусной зелени. Вдруг слышит — в траве кто-то бормочет. Ключик! Он словно об-

радовался Конопушке и говорил, говорил без умолку.

Днем в отдалении долго лаяли собаки. Конопушка слышала, но ей было хорошо среди свежей травы и в соседстве с разговорчивым ключиком. А солнце грело и ласкало.

Но день кончился. Сразу стало холодно, тоскливо, и Конопушка поспешила к стоянке. Вот, наконец, и знакомая стоянка. Но почему Конопушка стоит в недоумении и озирается, будто не может понять что произошло? Ах да, стоянка-то совсем пуста! И кругом мертвая тишина. Прилетела вездесущая птица-кедровка и что-то насмешливо прокричала Конопушке. Конопушка забегала по оголенной стоянке, ища отару. Потом стала громко и тоскливо звать. Кто-то из-за горы передразнивал ее: «Э... э... э...» И снова глухая тишина. Сумерки сгущались. В знакомой избушке ни шороха, ни огонька, ни дыма над трубой, дверь подперта палкой. Конопушка обошла вокруг и прилегла на остывшую землю.

Днем, бродя за кедрами, она видела, как к стоянке подъехал чужой всадник с чужой собакой. Постоял перед избушкой, сказал: «Вниз откочевали...» и уехал.

А вскоре грянула зима. Она пришла из-за длинной зубчатой гряды и начала хозяйничать на всех окрестных белках. Свирепо бушевали студеные ветры. Валили снега, завесив собой мир. Наконец выползло усталое солнце, но оно почему-то было холодное и лишь слепило глаза. А горы стали совсем неузнаваемыми.

Бедная, бедная Конопушка! Она ничего не понимала и очень страдала. Ведь это была первая зима ее жизни. В первый же буран она заметалась в снежных вихрях, жалобно закричала. И тут же что-то неясное подтолкнуло ее к избушке, подсказало спрятаться за стеной с подветренной стороны. Там сохранилось много сухой травы, высилась куча шелухи от кедровых шишек. Совсем недавно здесь орешничал пастух, а по ночам спа-

ли собаки. Потом голод выгнал Конопушку на поиски пищи. На ветреном склоне снег все время сдувало, и из-под него то торчали кончики горьких полынок, которые так любила Конопушка, то выглядывали жесткие султанчики розги и резные края маральной травы. А однажды Конопушке очень повезло. Под одним кедром у скалы она вдруг нашла целую маленькую копнушку свежего сена, зеленого, мелкого и вкусного. Конопушка так и жила под кедром, пока не съела все сено. Один раз прибежали к кедру юркие серые зверушки. Они так пронзительно свистнули, что Конопушка от неожиданности шарахнулась, но застряла в низких кедровых ветвях, прижатых снегом. Замерла, но тут же успокоилась, разглядев маленьких зверьков, сердито снующих у сена. Да это же знакомые сеноставки. И осмелев, она топнула копытцем. Зверьки тотчас исчезли. Так и отняла Конопушка у грызунов их стожок.

Долгими ночами Конопушке снилась родная отара, теплые кудрявые овечьи бока, круглая зеленая гора — морозными утрами она тоскливо жалась к холодной бревенчатой стене. Сейчас она обрадовалась бы даже злему черному Полкану, которого боялась пуще всего. Виделась ей и знакомая желтая кобылка Коврушка, и ее серый жеребёночек, высокий пастух в лохматой шапке, белая плитка лакомой соли под сухим кедром. Конопушка даже губами пожевала.

Зима была долгая-предолгая...

Наконец что-то изменилось. Непонятно что, но только солнце становилось все теплей и теплей. Оголились проталины. Возле загона Конопушка нашла приоттаявшую охапку сена. И очень кстати — съев вокруг все доступное, она уже начала слабеть. Ей хотелось лежать и лежать. С крыши начали падать золотые капли, пробуждая Конопушку от дремы и чем-то волнуя.

Пятнышки на ее носу потемнели, а шуба отросла, свалялась, стала косматой и грязной. Прямо чучело какое-то!

Однажды под вечер, когда Конопушка, пощипав крошечной молодой травки на солнечном склоне, улеглась за избушкой и задремала, ей почудилось — лают собаки, блеют овцы, кричит пастух. Конопушка закрыла глаза — все это снилось ей бесконечно много раз.

И вдруг перед ней вырос черный Полкан. Залайл, запрыгал, зовя хозяина. Прибежал рыжий Вулкан и тоже стал лаять. Тут подошел пастух в лохматой шапке. Он удивился, засмеялся и сказал: «Ну, чудеса!.. Здорово живешь, зимовница!»

Конопушка вскочила, хрипло баянула и кинулась к отаре.

Рисунки М. Агалакова

Алексей СТАРИКОВ

МАЛЬЧИК ОЙ

Жил на свете мальчик Ой,
Был он вроде нас с тобой,
Но в отличие от нас,
Ойкал чаще в десять раз.

Встанет утром мальчик Ой,
Тронет пол босой ногой.
«Ой! — кричит он. — Подо мной
Пол, ну просто ледяной!»

Умывался мальчик Ой
Только теплою водой,
Но и тут кричал всегда:
«Ой, горячая вода!»

Ойкал также мальчик Ой
Очень часто за едой —
То и дело слышно: «Ой!
Хлеб невкусный! Суп плохой!»

А выходит Ой гулять —
Слышно «ой!» да «ой!» опять:
«Ой, собака! Ой, боюсь!
Лучше я домой вернусь!»

Позовут его домой —
Начинает хныкать Ой.
«Ой! — разносится опять. —
Ой! Хочу еще гулять!»

Вот какой был мальчик Ой!..
Ты, конечно, не такой,
Хоть, наверное, порой
Поступаешь сам, как Ой!

СТРАНИЧКА
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Л. ТИМОФЕЕВА

ЗА РЕКОЙ, ЗА ХОЛМОМ, ЗА КУКУРУЗНЫМ ПОЛЕМ...

РАССКАЗ

По утрам девочка выбегала на влажный от росы порог. Испуганные куры, сердясь, выскакивали из вырытых ими прохладных ямок. «Кыш, недотроги!» — смеялась девочка и ловко взбиралась по гладким ветвям яблони на опасную высоту. Оттуда она наблюдала за прудом. Как только там появлялись знакомые фигурки, она прыгала вниз, и два-три яблока падали следом. Схватив одно яблоко и резиновую грелку, она неслась через лопухи и чужие огороды — купаться, грелку надувала по пути, закрывала ее пробкой и каталась на ней по пруду в свое удовольствие. Потом ложилась на песок и слушала. Плескались крупные окуни в таинственных камышах. Шуршали осторожные болотные черепашки. Девочка знала — там же в воде извиваются черными столбиками липучие, толстые пиявки. А на пыльных камышинных метелках раскачиваются зинчики-мизинчики — прозрачные стрекозы.

Летние дни длинные. Девочка купалась долго. Потом медленно брела домой. С трудом выдерживала из грядки оранжевую морковку и шла к горе из сушеной гороховой ботвы. Поверх ботвы был накинут домашний коврик. Он пах солнцем. Девочка карабкалась на самую вершину — гора конфузилась, опадала. Она грызла морковку и боролась со сном. Сон приходил из темной зелени жерделового дерева и всегда оказывался крепче ее...

Так она спала и не замечала, как возвращалась с огорода бабушка. Бабушка еще и калитку за собой не затворила, а сонный, будто вымерший до этого двор встрепенулся. Громче закудахтали работающие хохлатки, ласково завилал хвостом лобастый с коричневым пятном на спине пес. Захрюкал, заторопился высунуть пяточок из загона поросенок.

Но вот встала и девочка. Побрела по густой горячей пыли в летнюю кухню. Там уже хлоп-

тала бабушка. Цыплята клевали просо и вспрыгивали на края железной площадки, чтобы испить водицы. Но воды не было. Бабушка рубила деревянным ножом мясистые ветки травы-жирнухи для поросенка. На печке закипал ужин. На широких противнях и формах для выпечки хлеба расколотые надвое, словно желтые бабочки, лежали жерделы. На солнце они скоро подсохнут. Будет девочке к зиме ароматный компот из кураги.

Девочка поскущела. Слишком рано проснулась. Пруд в такую жару еще пуст. Подошла к кошке Мурке — хотела поиграть. Но та в ее сторону даже не посмотрела. Бабушка знай стряпает, а Мурка ей песенки поет — помогает. Хотела девочка с Ботиком попрыгать через кукурузный плетень, пес заупрямился, — надо двор сторожить.

Стала звать цыплят, а они ни в какую: у них занятия, учатся у Рябы корм добывать в высокой траве.

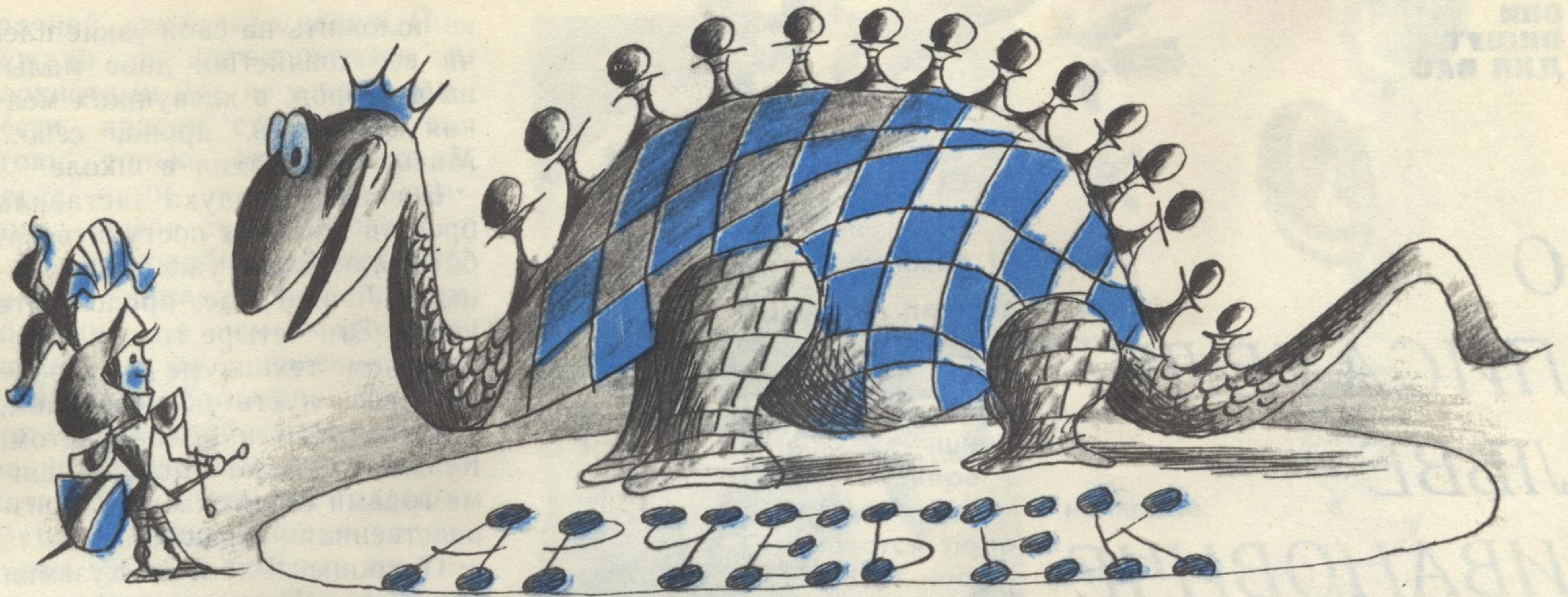
Рассердилась девочка. Никто на нее внимания не обращает. Топнула ногой. Да тут увидела: рельы на ветерке поскрипывают, раскачиваются себе, приглашают покататься. Замечательные качели! Да одной скучно кататься, когда все делом заняты. Взяла крепкую веревку с металлическим крючком и побежала по дорожке к колодцу. Пока ведро плавало во мшистом колодце, зачерпывало понемногу воды — было легко. Но вот наполнилось, никак не идет вверх. А для чего лунки в гладких кирпичках по краям? Вытянет девочка сажень веревки, прижмет в лунке — отдохнет. Потом еще и снова отдых. Обрато идти тяжело. В гору. Но вот уже и калитка из рыжего камыша, белый домик под красной черепичной крышей.

В первую очередь девочка наделила водой цыплят. Потом пошла в хлев. Скоро корова с выпаса придет — ей тоже захочется напиться. Открыла калитку, выглянула на дорогу: не идет ли их Вечорка с белой челкой на лбу? Нет, не видно. За спиной слышен глухой стук. Это падают с дерева крупные, мягкие жерделины. Надо обязательно собрать. Будет к зиме еще и чудесное варенье.

— Ай да молодец! — говорит бабушка и гладит девочку по косицам. Кошка трется у ног и тоже что-то такое поет: то ли «мяу-мяу», то ли «молодец».

А может, девочке это только кажется?

Рисунок А. Ежелина

Сегодня в АРЧЕБЕКЕ (Армия Разведчиков Черно-Белых Клеток) открывается Чемпионат-82.

Ты хочешь сразиться в этом Чемпионате? Одержат победу? Получить диплом и приз? Спортивный разряд? Если да, бери бумагу, пиши: «Прошу принять меня...» и т. д.

Ответа ждать не нужно: приняты будут все. Поэтому — пошлешь заявку (адрес: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК) и сразу вступаешь в борьбу за победу в Чемпионате.

Каковы же условия соревнования?

Турниров будет три: шахматный (ШХМ), русские шашки (РШ), международные шашки (МШ). Желаешь участвовать в одном? Можно! В двух? Тоже разрешается! В трех? Пожалуйста! Только рапорты о выполнении заданий надо присылать отдельно.

Календарь Чемпионата: в «Костре» №№ 1—7 — отборочный этап, в №№ 8—10 — финал.

Приз, диплом, разряд — это удастся завоевать в финале, куда будут допускаться набравшие в отборочном этапе 40 очков из 70-ти (14 задач по 5 очков).

Учет своих очков разведчики должны вести сами. В этом им поможет «Бюро самопроверки».

В финале разведчикам будут высылаться ответы на каждый рапорт; до финала ответы на рапорт будут высылаться только тем, кому требуется срочная помощь.

О новом пополнении АРЧЕБЕКА: умеющих играть зачислят сразу в разведчики, не умеющих — в особый Отряд резерва, где они получают необходимую подготовку.

ЧЕМПИОНАТ-82

Итак, доблестные разведчики АРЧЕБЕКА, перед вами боевые задания первого тура!

ШАХМАТЫ.

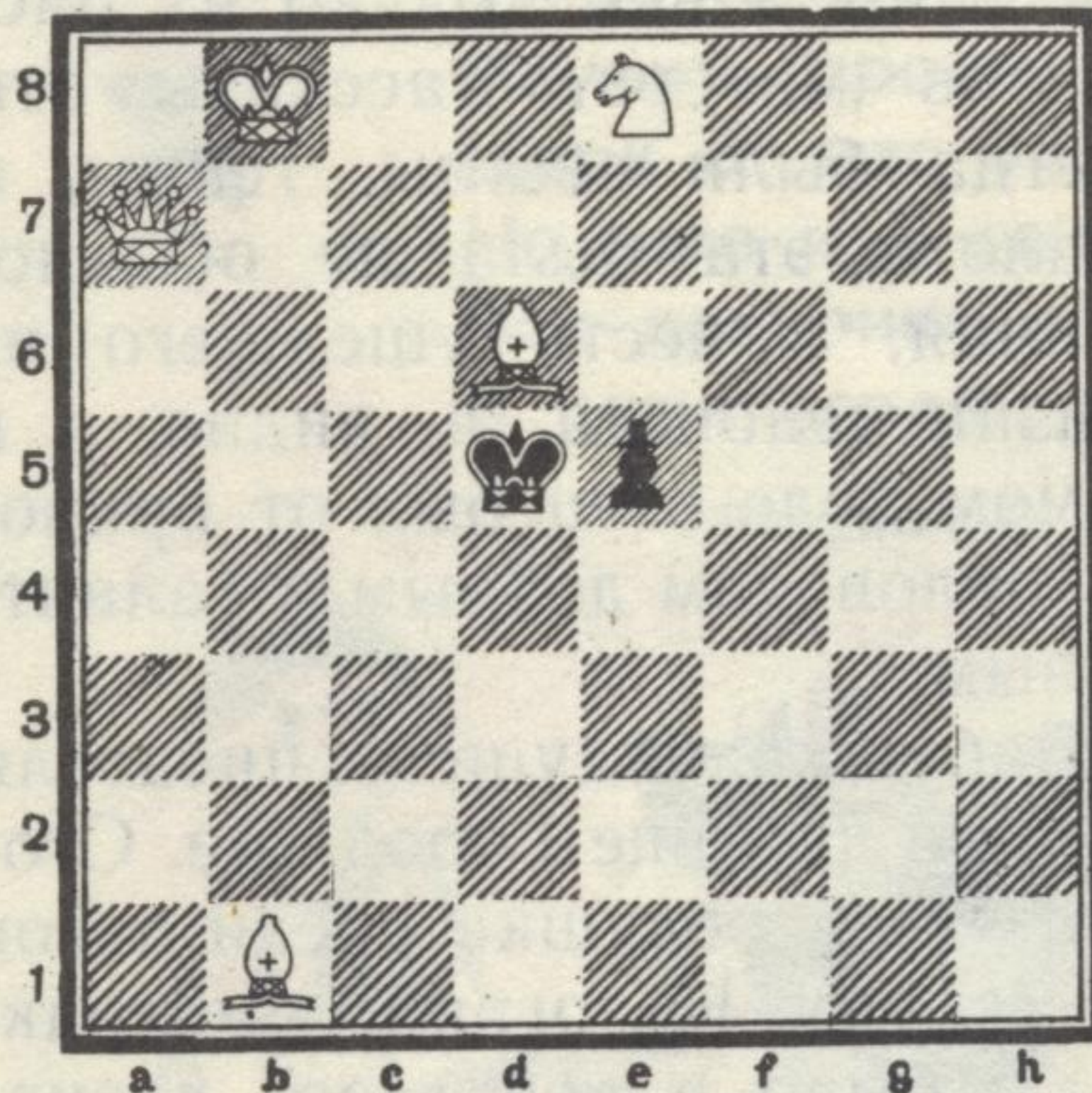
А. Белые: Кра7, Фh3, Лd1; черные: Крс8, Лd8, пп. с7, d7.

Б. Белые: Кра7, Фh2, Лd1; черные: Крс8, Лd8, пп. с7, d7.

Цель разведки: определить, как в этих задачах (авторы обеих И. Ля-

пунов и В. Фишман) белые объявляют мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки. Что значит «объявить мат в 2 хода»? Это значит — найти и сделать за белых такой ход, который обеспечит черным мат при любом их ответе. Вот, например, задача Александра Гришина (с. Ермоловка).

Нужно дать мат в два хода. Как это выполнить? Напрашивается 1. Крс7. Проверяем: 1. Крс7 Креб 2. Фа2X. Или: 1. Крс7 е4. 2. Са2X. Так что? Ход 1. Крс7 решает задачу? Нет! Потому что обнаруживаем: на 1. Крс7 черные могут ответить 1... Крс4!, а тогда мат не дать. Значит, ищем другой первый ход... И вот во время поисков (возможно, что и долгих — опускать руки не надо!) возникает мысль попробовать ход 1. Фh7. Начинаем проверять: 1. Фh7 Креб 2. Са2X; если 1... Крс6, то 2. Фb7X; если 1... е4, то 2. Ф:e4X; если 1... Крс4 (или Крд4), то 2. Фd3X. Других ходов у черных нет... Ура! Задача решена! Разведка показала, что ее решает ход 1. Фh7!

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а7, d2, e1, e5, f4, g1, g3; черные: а5, b2, b8, h2, h6, h8.

Б. Белые: b6, c1, c5, e5, g1, h2, h6; черные: а3, b2, b8, f6, f8, g7, h4.

Цель разведки: отыскать для белых пути к победе в концовках А (Н. Торопов, Александровка) и Б (С. Мальцев, Краснодар).

Разъяснение обстановки. Если в А или Б черная простая b2 станет дамкой, то белым будет не до выигрыша.

Значит, нужно не пропустить ее в дамки. Как же это сделать (и выиграть!)? Подумай!

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 26, 31, 32, 34, 45, 50; черные: 3, 12, 22, 23, 24, 35.

Б. Белые: 29, 40, 48, 49, 50; черные: 28, 35, 38, 39.

Цель разведки: показать и в А (Г. Шилан, Франция) и в Б (В. Монсма, Голландия) победные комбинации за белых.

Разъяснение обстановки. В МШ доска столеточная (10×10), а запись ходов цифровая. Каждому игровому (т. е. темному) полю присвоен номер; счет идет от левого верхнего поля (1) к правому нижнему (50). МШ отличаются от РШ тремя правилами, они будут напечатаны позже. В сегодняшних заданиях эти правила применения не находят.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Эта рубрика для не умеющих играть. Будешь выполнять задания — научишься, тогда тебя переведут в разведчики. А пока, чтобы получить 5 очков, ты должен:

1. Узнать, как называются фигуры и как они ходят.

2. Узнать, что такое шах, мат, пат.

3. Придумать, нарисовать и прислать три позиции — одну с шахом, другую с матом, третью с патом.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

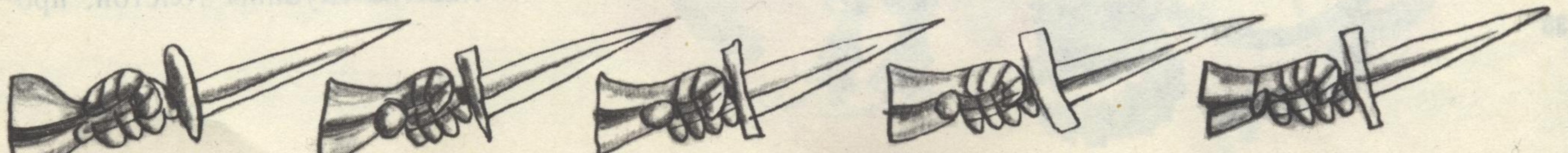
§ 1. Всем новичкам запомнить: а) в боевых заданиях всегда начинают белые, б) белые всегда идут вверх (от 1-й линии к 8-й), а черные — вниз.

§ 2. Рапорты о выполнении заданий писать на открытках или почтовых карточках.

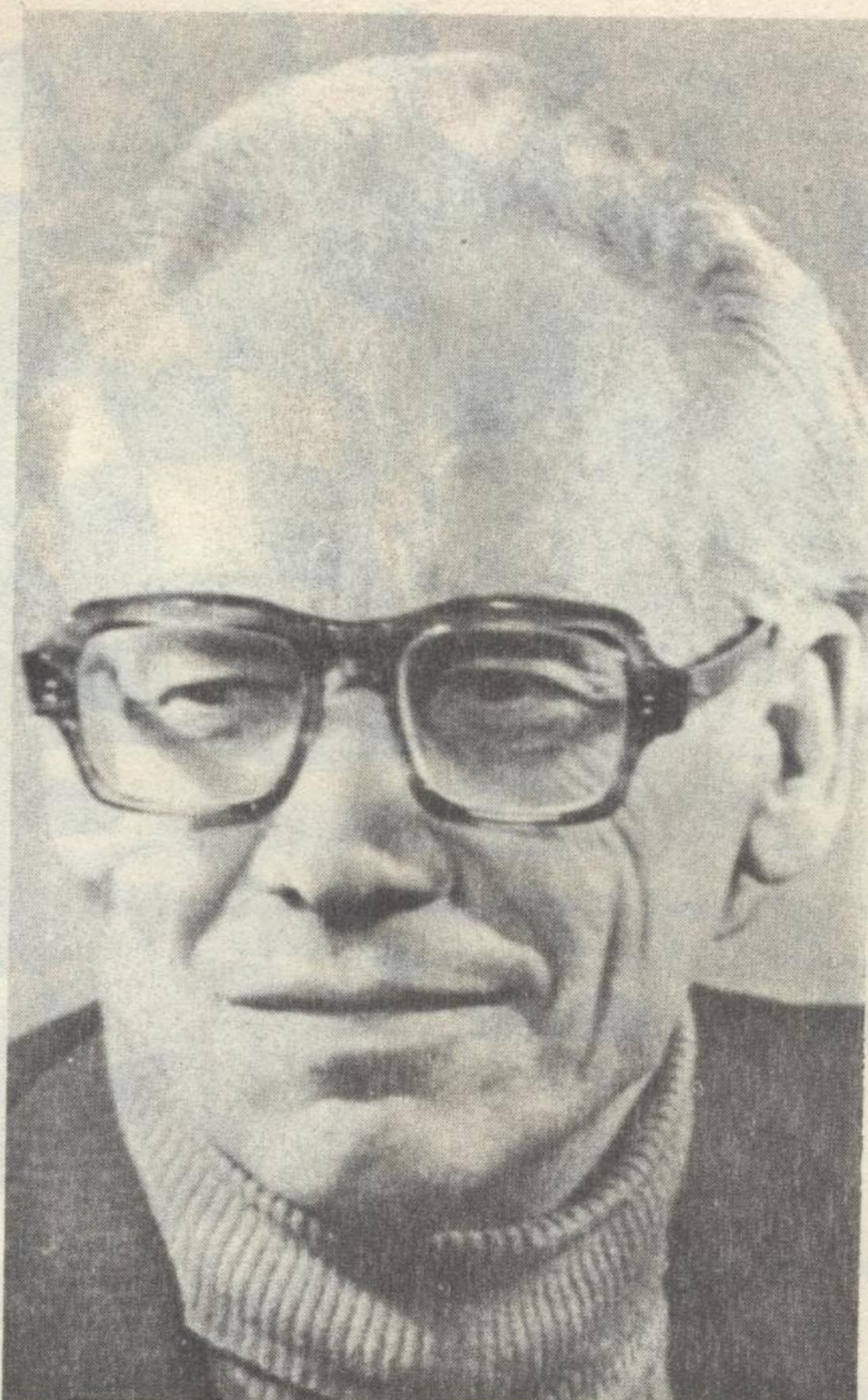
§ 3. Каждый разведчик (и резервист) должен выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его, а также номер тура в левом верхнем углу рапорта.

§ 4. Срок отправки рапортов — 1 апреля.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

О ПИСАТЕЛЕ ЛЬВЕ ИВАНОВИЧЕ КУЗЬМИНЕ

У меня в редакторском кабинете лежит книжка Кузьмина «Олешин гвоздь». Я держу ее в нижнем ящике стола для молодых авторов. После печального разговора (если плохо написано то, что принес автор), я достаю «Олешин гвоздь», открываю на той странице, где лежит закладка, и читаю великолепное описание грозы. Читаю, как маленький Олеша лег в кусты, прикрыв грудью кота, и как «над ним, над согнутыми полынными кустами, над голым полем, понеслись клочья сухой травы, какие-то перья, пыль. Вдруг стало еще чернее, и в этой черноте все чаще, все ужаснее, все ослепительнее стали бить молнии».

— Музыка? — спрашиваю я автора.

— Музыка, — нехотя соглашается он.

— Всем бы так писать...

И рассказываю.

Родился Лев Иванович Кузьмин в 1928 году в Костромской области, в небольшой деревне Задорино, что стоит рядом со станцией Николо-Палома Северной железной дороги. Мать его — Фаина Андреевна — всю жизнь была школьной учительницей. В молодости, да и долго потом — отличная певунья, прекрасная рассказчица. Отец — Иван Иванович Кузьмин — железнодорожный рабочий, выходец из задорин-

ских крестьян, погиб от несчастного случая на охоте, совсем молодым, так что знает Кузьмин о нем только из рассказов матери. Рассказы эти всегда были светлы, теплы, и теплота эта была не обыкновенная, в честь ушедшего из жизни человека, а, видно, и в самом деле отец был от природы человеком добрым и талантливым.

Бабушка будущего писателя жила в деревне Городище. Стояла эта деревушка среди лесов на старом Кологривском тракте, и было в ней всего двенадцать дворов. Мала деревенька, великие леса ее окружали, а все-таки безлюдья и пустоты не было. «Влезешь, бывало, — вспоминает Кузьмин, — у Ефимья на горе под стрижиный визг на старую белую колокольню, глянешь вокруг, и вот тебе — пожалуйста! И любимое Городище рядышком, и Даньково с его пятью домиками видать, и Коробовское, и Попово видать, и на другом холме в соснах стоит с такой же белой, как перышко, колоколенкой над речкой Нендовой сельцо Николо-Ширь... Вот тут и было мое царство-государство, тут я в детстве больше всего и жил и начал писать свои первые стихи».

Потом война... У матери новая семья, но отчима взяли в армию, и пришлось мальчиш-

ке положить на свои узкие плечи все хозяйство: двое малышей, огород, в хлевушках мелкая живность, дрова, сено... Мать — допоздна в школе.

Военная голодуха заставила бросить школу и поступить работать, и только уже после войны, в Ленинграде, продолжить учебу. Эти четыре года в строительном техникуме в городе на Неве, пусть послевоенном, голодноватом и холодноватом, Кузьмин назовет потом лучшими годами своей жизни. Производственная практика была в Пушкине. Работал Кузьмин лепщиком. Помнит, как в пустом, опаленном, испоганенном нерусскими надписями Лицею вдруг стало снова чисто и светло, как открылись комнатки Пушкина и его друзей, как восстановили зал, в котором маленький поэт читал стихи старику Державину.

А кругом в Ленинграде все было интересно, даже работа по вечерам. А для денег выступал паренек... на сцене знаменитого театра оперы и балета. В пропуске было написано гордо «артист миманса», а на самом деле — статист, два раза пробеги по сцене, один раз подними вместе с толпой руки, один раз поклонись...

Но самое главное — стихи. Свои стихи! И наконец — первая публикация — в газете. Встал в шесть утра вместе с воробьями, толкся у газетного киоска, ждал, когда привезут. Привезли, до того растерялся, что купил только одну. Газетка-то маленькая, местная, в пол обычного формата. Пачку бы купить, раздарить, матери послать, бабушке...

Ну, а дальше пошло еще труднее: мастер, строитель, инженер и писатель. Что делать, за что хвататься в первую очередь? Тут работа и там работа. И каждая такая, что весь выложишься.

Когда пришлось выбирать, выбрал — писательство.

...Как-то на палубе траулера в Тихом океане, когда был еще моряком, я видел вытащенную из воды макрель-корифену. Окраска ее была радужной: все семь цветов, смешиваясь, светили из глубины толстой, про-

зрачной, как стекло, чешуи. Побежали за фотоаппаратом и блокнотами. Их не успели принести, краски стали гаснуть, огонь, только что пылавший перед нами, подернулся пеплом — рыба стала серой...

Нечто подобное происходит, когда пытаешься словами объяснить, в чем очарование тонкой, но до удивления простой прозы Кузьмина. Ну, кажется, что особенного: «В городке Батурине живет с мамой пятилетний мальчик Олеша. Мама у Олеси молодая, характером тихая и поэтому все соседи зовут ее просто Аннушкой».

А особенное тут то, что каждое слово на месте и другим его заменить никак невозможно, и то, что за всей фразой слышится негромкая ласковая музыка.

Давайте припомним хорошенько повесть... Живет на свете мальчик Олеша. На целый день остается он один в пустом доме, запертый на замок. Остается с котом, с которым дружит и разговаривает... А не кажется ли вам, что этот кот-котофей уж больно напоминает сказочного?.. Ну, ладно. И есть у Олеси гвоздь. Всего один, но для него это уже почти весь будущий дом. И вот пошел Олеша с котом искать еще гвозди. Встретил плотников, которые ладят на реке мельничное колесо. Ладят, чтобы хлеб для всего города смолоть (так и хочется сказать — для всех людей на свете)... Читаешь и вдруг начинаешь понимать, что это ведь сказка. Сказка о мальчике, у которого главное для счастья — один-единственный гвоздь — уже есть, остается с ним только выйти за порог... Помните: досталась после смерти отца младшему сыну курица. Взял он ее и пошел по белу свету. Обменял курицу на гуся, гуся — на козу, козу — на корову...

Олеша обменял гвоздь на веру в людей, на надежду и любовь.

Вот такая удивительная повесть. Вот такой удивительный писатель.

С. САХАРНОВ

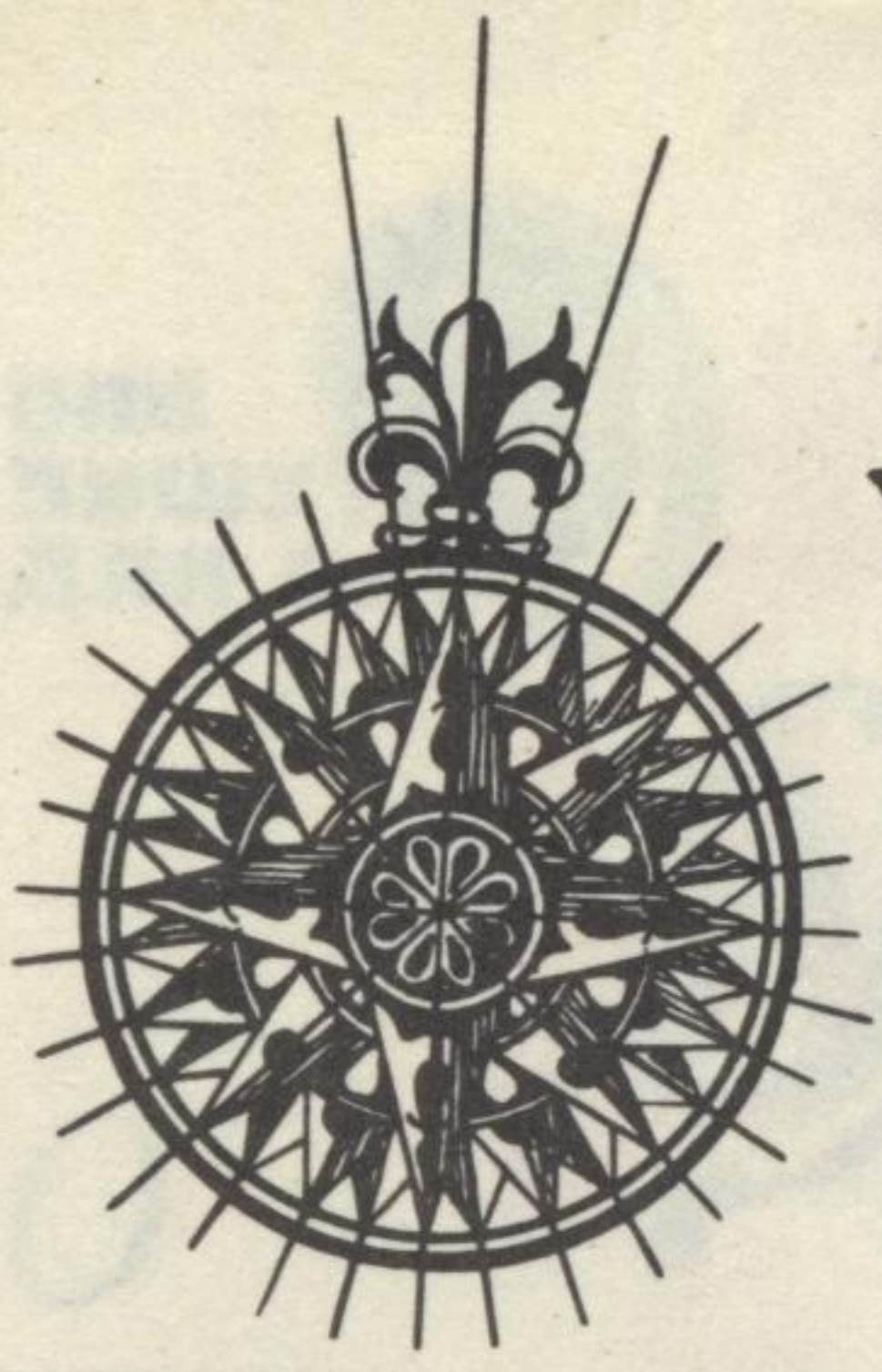
ЦИРК

Владимир ШРАМКО

Здесь, на площади Сенной,
Цирк стоит передвижной.
В цирке крыша из холста,
Стены — из фанеры,
В цирке лучшие места
Около барьера.
Вспыхнул свет — и на арене
Появляются тюлени.
Ловят мяч носами ловко —
Вот что значит тренировка!
Вдоль барьера мчатся быстро
Мишки-велосипедисты.
Едут, едут, едут, едут,
Как не падают, вопрос?
У пяти велосипедов
Насчитал я пять колес.
— Это надо ведь терпенье, —
Раздаются голоса, —
Умноженью и деленью
Научить простого пса!
Цирк от нас уехал летом,
Но еще и в сентябре
Все девчонки и мальчишки
В цирк играли во дворе...

Рисунок Е. Маршак

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 26-й

ЛАМПОЧКИ С ПРОБКАМИ

— Вы хотите написать о моряке? — спросили меня на теплоходе «Инженер Мачульский». — О самом находчивом, смелом, знающем? Да у нас — все такие... Недаром экипаж — комсомольско-молодежный... Впрочем, поговорите с Юрием Васильевичем Дубининым... Нет, он не капитан. Он — электромеханик...

«Ну, думаю, электромеханик... Лампочки ввинчивать, пробки чинить. Что тут морского?..»

Однако же рассказал мне Юрий Васильевич для начала одну историю. Работал он тогда на другом судне, на ледоколе-спасателе... Ледокол получил приказ: срочно идти на помощь теплоходу, который ночью в штормовую погоду налетел на камни...

Юрий Васильевич Дубинин.

С ВЫСТАВКИ
ПИНГВИНА

ПАРОХОД
В ШТОРМОВОМ
МОРЕ.

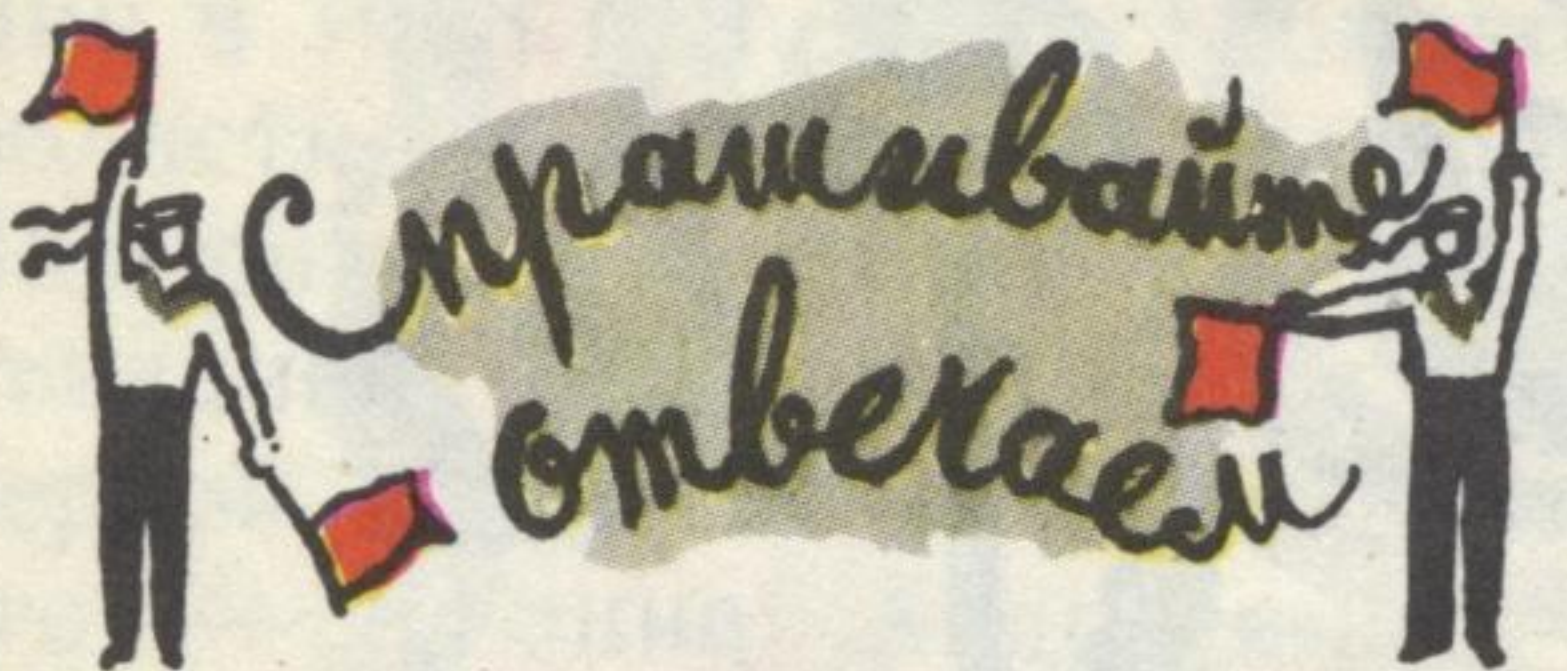
Сережа Олисов,
совхоз Аниховский
Оренбургской
области.

В лодке

Плывут над морем тучи
И волны стали круче,
Но, видя страшную волну,
Я не кричу, что я тону,
И я считаю: не беда,
Что в лодке плещется вода
И что под лодкой, в глубине,
Скат электрический на дне
Лежит и ждет добычу.
Я ко всему привычен.
И я не трушу, не кричу —
Веду себя, как взрослый...

Любой мне подвиг по плечу,
Когда отец на веслах!

А. СТАРИКОВ

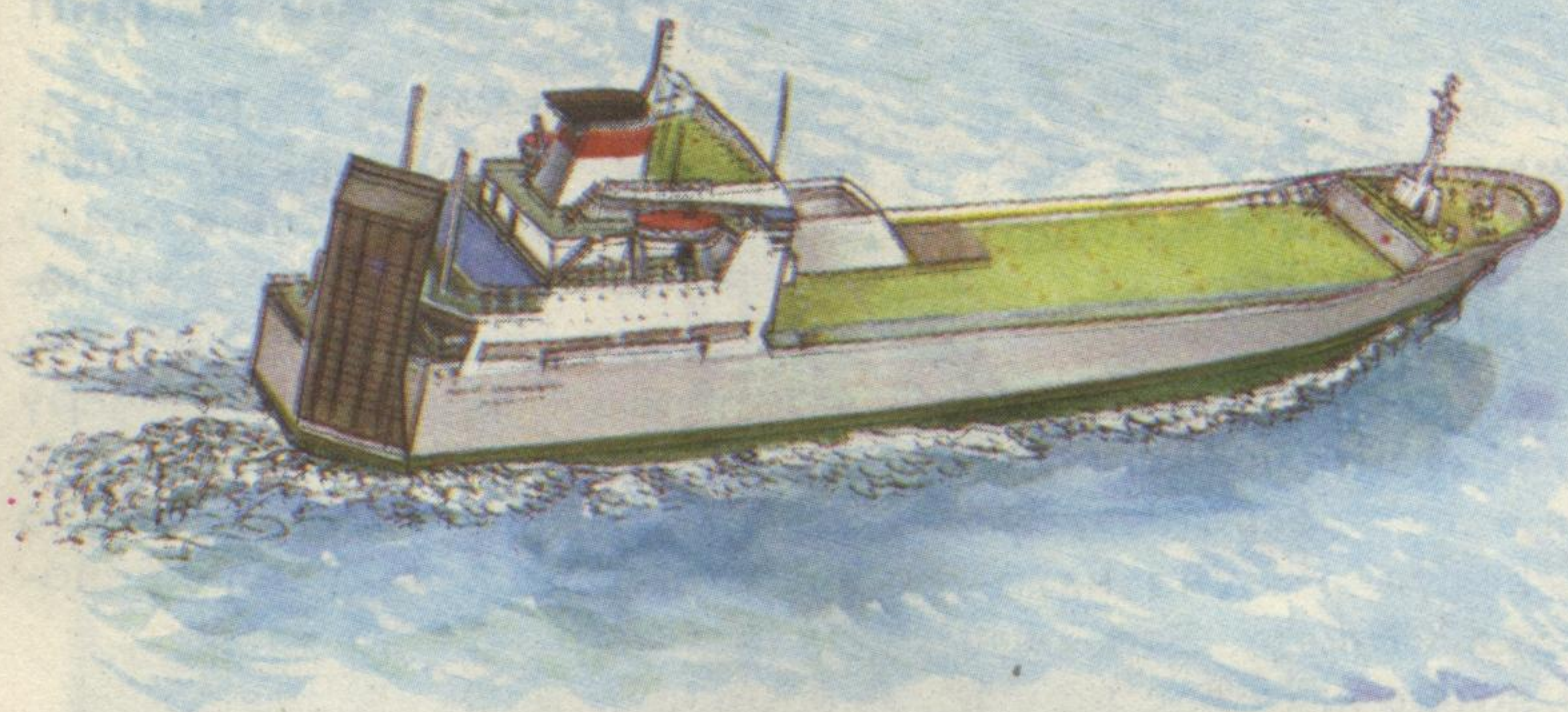

— Я читала в газете, что в Тихом океане люди бросали в воду возле берега старые автомобили. А из них получился новый риф. Как это могло произойти? Ведь рифы — это кораллы...

Марина Федорова,
Одесса

— То, что ты прочитала в газетах, Марина, действительно осуществляется — создается искусственный риф. Старые автобусы, легковые автомашины, резиновые покрышки — бросают в море на небольших глубинах в пять-шесть метров, на песчаное дно. На песчаном дне мало жизни, нет водорослей, редки рыбы. И вот — груда железных переплетений, кучи автомобилей... Проходят месяцы, и начинается заселение. Железо покрыва-

ется водорослями, рыбы в автомобилях находят отличное убежище. Искусственный риф начинает жить по тем же законам, что и настоящий. Селятся здесь и кораллы. Медленно, по полтора сантиметра в год растут кораллы, но пройдут десятилетия — и будет настоящий коралловый риф... Сейчас и советские ученые под Владивостоком собираются создавать под водой такие искусственные рифы...

Теплоход „Инженер Мачульский“.

Подошел ледокол-спасатель. Спустились под воду водолазы, осмотрели судно. Заделали часть пробоин и доложили: теплоход сидит на камнях крепко. И хоть главные машины не затоплены, запустить их невозможно, потому что в воде дизель-генераторы, без которых главные машины завести нельзя...

Без машин — нет хода. Без хода — один ледокол стащить с камней теплоход не сможет. Не хватит сил... Что делать? Того и гляди шторм снова налетит — оставит на камнях груду железного лома вместо красавца-теплохода.

Вот тут-то и надумали электромеханики: подать вместе с буксирным канатом электрокабель. По нему ток дать от генератора ледокола. И запустить главные машины!

Правда, напряжение нужно другое: на ледоколе — 220, а на теплоходе 380... Но на то они и электромеханики.

Как решили, так и сделали, хотя ночь напролет пришлось трудиться. Запустили двигатель теплохода, забурлила вода под винтами, поднатужились оба судна. И сошел теплоход с камней.

Конечно, все это было сделать труднее и дольше, чем прочитать эти строчки, но вот так смекалка, умение и знание электромехаников спасли большой теплоход.

...Потом Юрий Васильевич стал показывать мне свое хозяйство — настоящее царство электроники и автоматики. Скажем, система светофоров. Перегрузили судно на один борт, приборы заметят и зажгут желтый свет. Перегрузка еще больше — зажгут красный: стоп! дальше нельзя! для судна опасно...

А стабилизаторы качки! А автоматические выравнители крена! А еще десятки других точных электронных приборов!

Вот тебе и лампочки с пробками!

Олег ОРЛОВ

ПРО ХУДОЖНИКА ВЕДЕРНИКОВА

Александр Семенович Ведерников жил в Ленинграде. Он любил рисовать пароходы. Рисовал, на первый взгляд, легко и просто. Несколько точных штрихов и, вот, по Неве бежит буксирчик. Над ним клубок пара — незакрашенная бумага. Однако, немало должен потрудиться художник, пока научится этой простоте и легкости исполнения.

Во время Великой Отечественной войны Ведерников вместе с другими художниками осажденного Ленинграда выпускал антифашистские плакаты, а после Победы вернулся к любимой теме и снова поплыли по его листам — пароходы.

Р. ПОПОВ

МУДРОСТЬ В ДВЕ СТРОКИ

*Букашка на соломинке
мнит себя адмиралом в море...
Восточная
пословица*

КАК-ТО ВЫТАЩИЛИ ИЗ ВОДЫ

Из воды вытащили телеграфный кабель, а с ним... мертвого кашалота. Кабель был поврежден зубами животного, которое потом не смогло освободиться. Интересно, что это не единственный случай. Считают, что кашалоты нападают на кабели, лежащие на дне, считая их щупальцами кальмаров — своей обычной добычи.

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Умение ориентироваться на местности необходимо каждому юнармейцу, участвующему во Всесоюзной пионерской военно-спортивной игре «Зарница». Мало того, идете ли в туристский поход, плывете ли в лодке по глухим лесным протокам или бродите с корзиной в поисках грибов — это умение вам очень пригодится.

ОРИЕНТИРОВАНИЕ НА МЕСТНОСТИ

Что же такое ориентирование на местности? Прежде всего это умение правильно определить стороны горизонта — север, юг, запад, восток. Потом следует определить свое местоположение относительно окружающих предметов — холма, озера, стога сена, оврага и т. п., найти нужное направление движения и выдержать его в пути.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОРОН ГОРИЗОНТА

Мы уже рассказывали вам некоторые способы определения сторон горизонта. Вот как определяют стороны горизонта по небесным светилам.

ПО СОЛНЦУ:

В полдень Солнце находится на юге. В это время тени от предметов самые короткие и направлены на север.

В 7 часов утра Солнце бывает на востоке, а тени направлены на запад.

К 19 часам Солнце находится на западе — тени направлены на восток.

Следует помнить, что хотя определить стороны горизонта по Солнцу можно легко и быстро, результат получается приближенный.

ПО ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ:

Полярная звезда всегда находится в направлении на север. Ее легко найти по созвездию Большой Медведицы. Для этого мысленно продолжают прямую, проходящую через две крайние звезды «ковша»

(А, Б) и откладывают на ней расстояние, равное пятикратному видимому расстоянию между этими звездами. В конце этого расстояния и находится Полярная звезда.

ПО ЛУНЕ:

Наиболее просто определить стороны горизонта в полнолуние, когда виден весь диск Луны. В полнолуние Луна находится против Солнца. Это значит, что в полночь (в час ночи) она бывает на юге, в семь часов — на западе, в 19 — на востоке.

Вот еще несколько простых способов определения сторон горизонта:

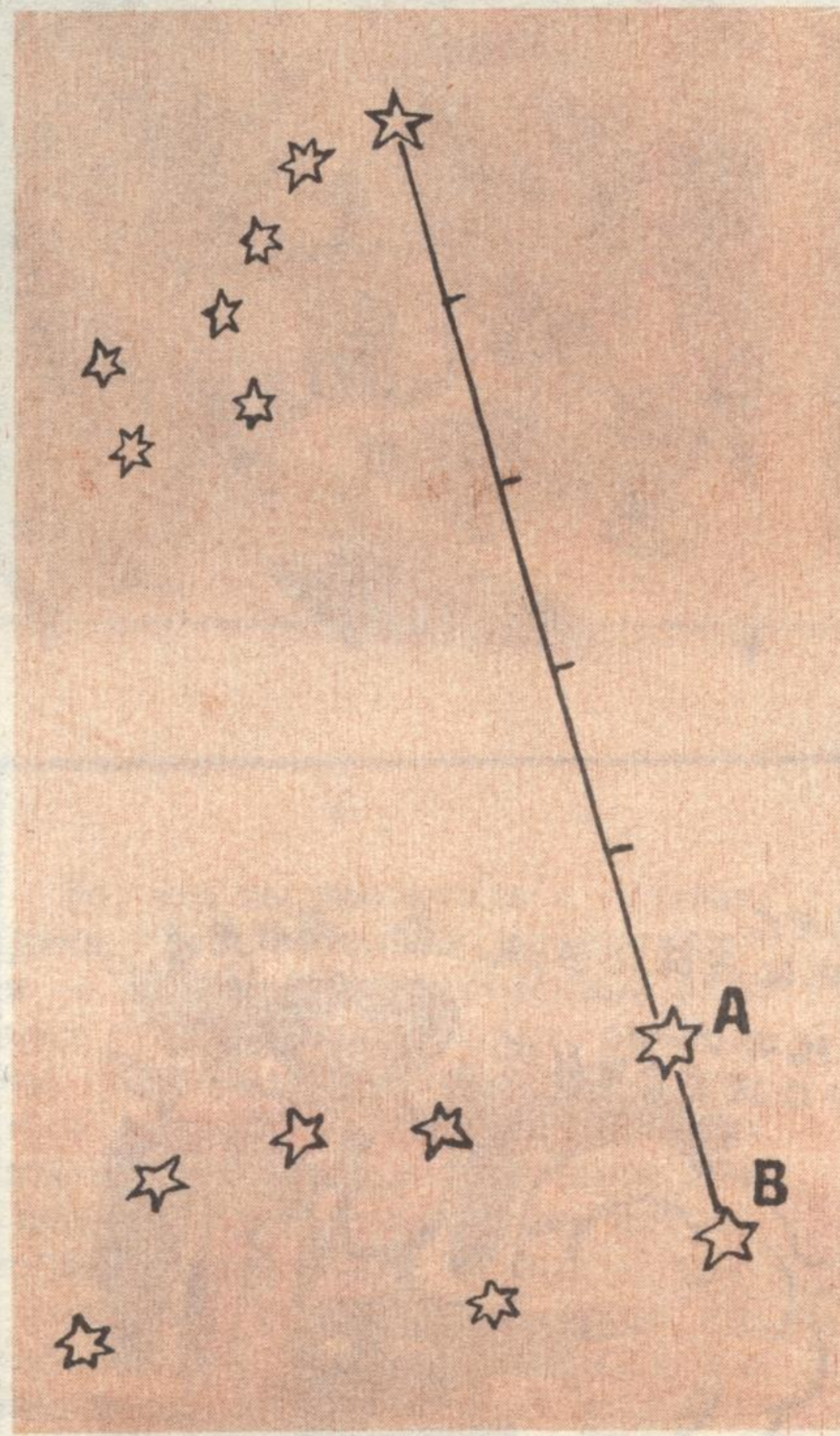
— ягоды и фрукты раньше приобретают окраску зрелости (краснеют, желтеют) с южной стороны;

— снег быстрее подтаивает на склонах и у предметов с южной стороны;

— в горах дуб чаще произрастает на южных склонах;

— просеки в лесу обычно ориентируются в направлении север — юг и запад — восток.

Разумеется, сторону горизонта легче всего и наиболее точно можно узнать по компасу.

ИЗМЕРЕНИЕ РАССТОЯНИЙ

Вот как измеряют расстояние шагами. Во-первых, шаги считают парами. После каждой сотни пар шагов счет начинается снова. Принимая среднюю длину шага за 0,75 м, а пару шагов за 1,5 м, можно считать, что расстояние в метрах равно числу пар шагов, увеличенному в 1,5 раза.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ ОРДЕНОВ

Орден Ленина — высшая награда страны. Орден был утвержден 6 апреля 1930 года. Первыми в Красной Армии кавалерами ордена Ленина стали инженер К. С. Калугин, командир роты В. А. Копылов, командир отделения В. Н. Емельянов, красноармейцы Н. И. Евсиков и В. А. Кипров. Вот как это было.

Советские нефтяники еще не знали такого свирепого пожара, который вспыхнул в мае 1930 года под Майкопом. Земля полыхала в радиусе двух километров. Пламя ревело, накаляя и без того горячее безоблачное небо. Пожар бушевал уже четвертый месяц, и все попытки сотен пожарных, рабочих и добровольцев потушить его были тщетны. И тогда решили обратиться за помощью к Красной Армии. На военных саперов была последняя надежда. Более восьми месяцев красноармейцы боролись с огнем. Это было настоящее сражение. Среди воинов были раненые, обожженные, отравленные газом... Но огонь отступил.

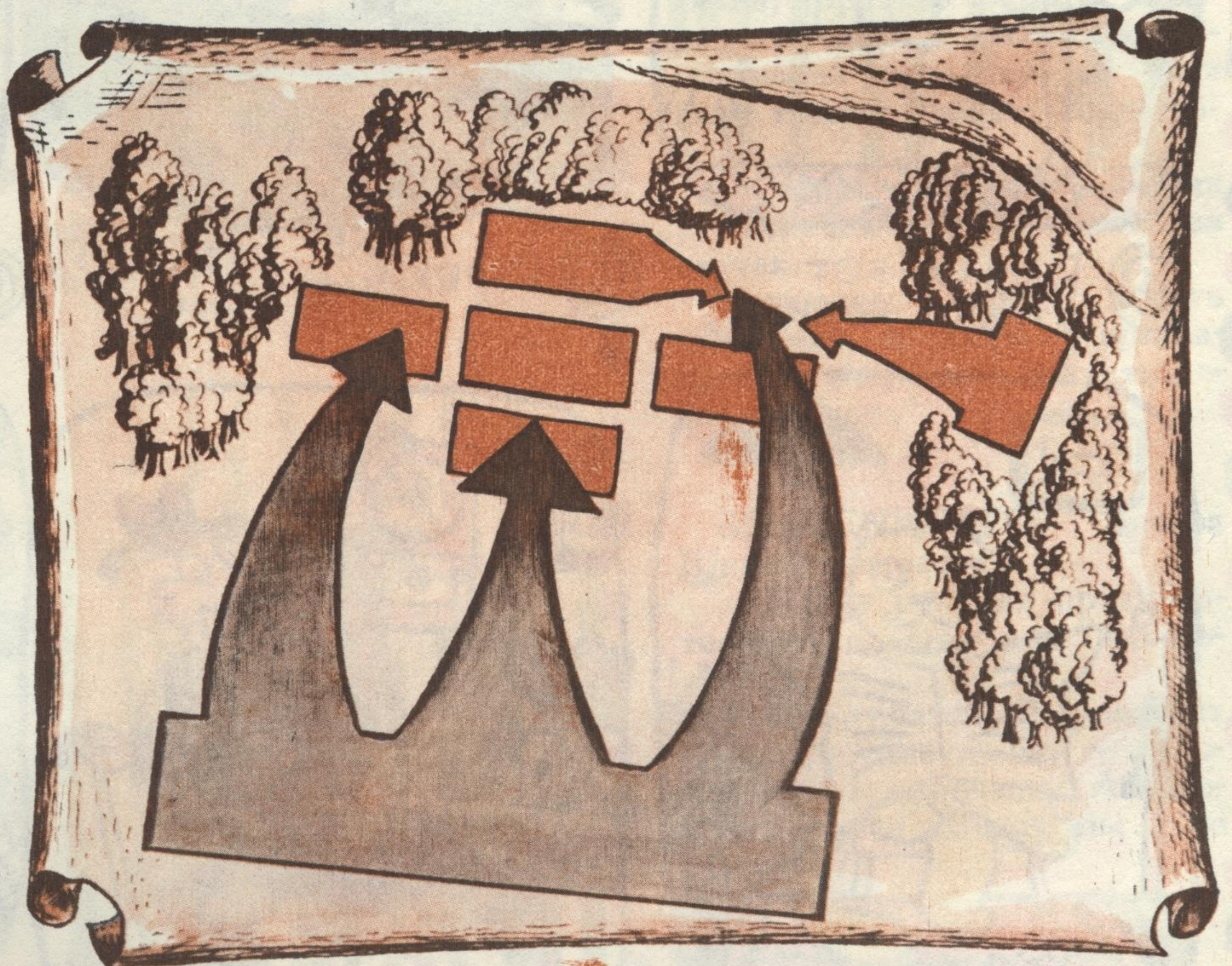
ВЫБОР НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО ПУНКТА

Ты разведчик. Какую позицию для наблюдения ты бы выбрал на местности, показанной на этом рисунке!

Задание № 1

«И пришел восьмой час дня, южный ветер потянул позади нас. И закричал Волынец громким голосом: «Князь Владимир, наше время пришло, и час подходящий пришел!» И сказал: «Братья мои, друзья, дерзайте...» Единомысленные же друзья выехали из дубравы зеленой, точно соколы приученные оторвались от золотых колодок... Точно лютые волки напали на овечьи стада и начали немилостиво поганых убивать...»

Так гласит древняя летопись. Ответьте, о каком сражении идет здесь речь? Какой военный маневр послужил переломом в битве, план которой нарисовал художник.

**ВОЕННЫЙ
СЛОВАРЬ**

ПОДПОЛКОВНИК. Сначала так называлась должность помощника командира полка. Потом это слово стало обозначать воинский чин. Долгое время подполковники занимались только различными хозяйственными делами, являлись штаб-офицерами. В Советской Армии звание подполковник установлено 1 сентября 1939 года.

Про дядю
ГОГУ,
который
всё переу-
таив

Рисунки и текст
Л. КАМИНСКОГО

① Жил художник дядя Гога. Был рассеян он немного. Дали дяде как-то раз иллюстрировать рассказ. Вот что в том рассказе было:

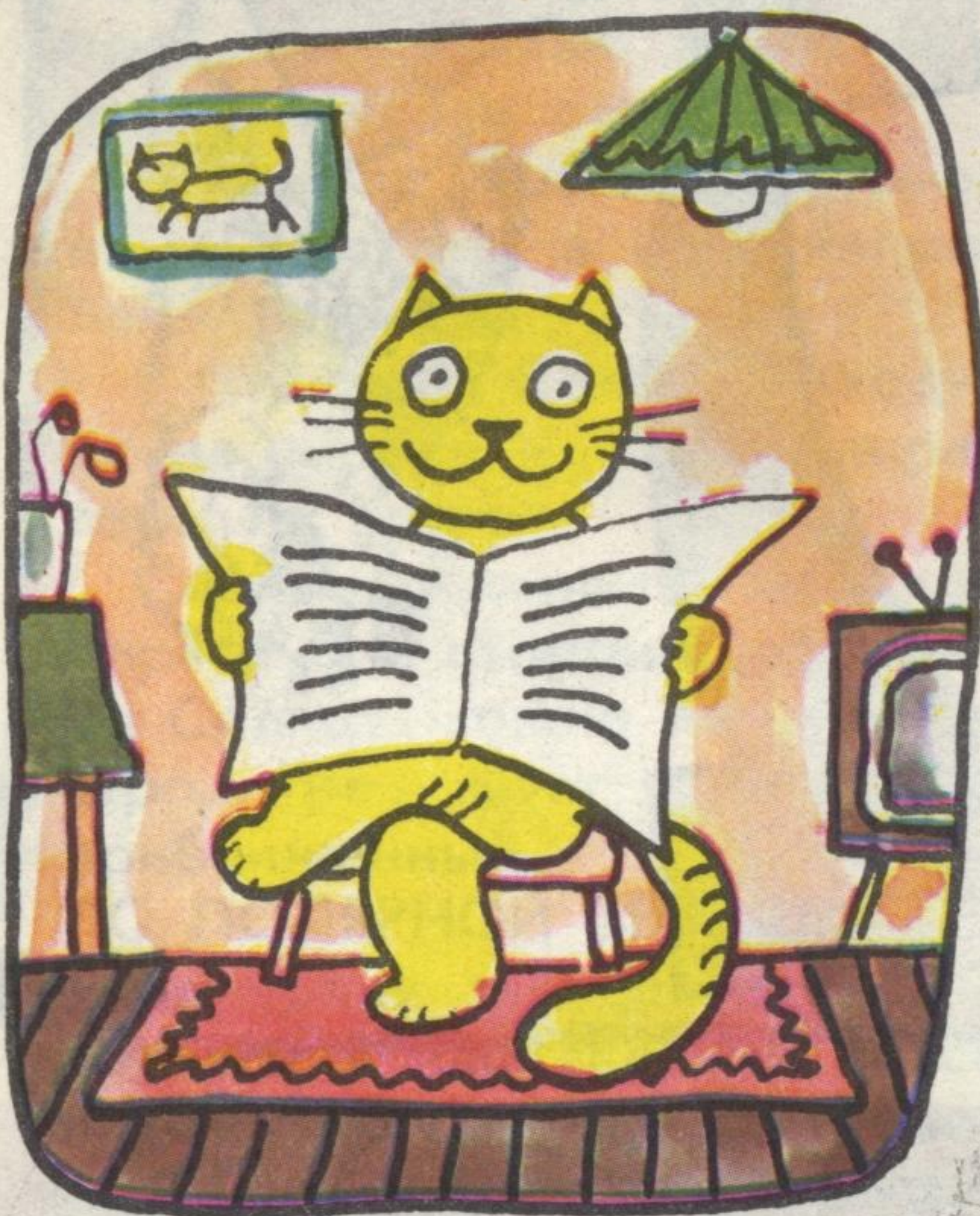
④ Васька-кот стащил котлету,

⑤ Игроки забили мяч,

⑥ Зуб лечил больному врач.

⑨ Васька-кот читал газету,

⑩ Старичок стащил котлету,

⑪ Врач варил с лапшой суп,

② Тетя МАША СУП ВАРИЛА,

③ СТАРИЧОК ЧИТАЛ ГАЗЕТУ,

⑦ Дядя ГОГА Взял рассказ, прочитал ПЯТНАДЦАТЬ РАЗ, сел и тут же, без заминки, сразу сделал все картинки. Что в картинках этих было?

⑧ Тетя МАША ГОЛ ЗАБИЛА,

⑫ ФУТБОЛИСТУ РВАЛИ ЗУБ.

Всё придётся дяде Гоге переделывать в итоге!

Рисунок Ю. Беломлинской

В ЕВРОПЕ дольше всех проявляли безразличие к картофелю французы. Чтобы возбудить к нему интерес, агроном Пармантье нанял взвод солдат, который в полной парадной форме стал охранять грядку. — Вот это должно быть ценностью! — решили соседи, и вся деревня на следующий год уже выращивала картофель.

В НОЧЬ под Новый год Шляпин, торопясь в гости, выбежал из театра и вскочил в проезжавшую пролетку, не сняв даже грим и костюм Мефистофеля.

— Черт! — завопил извозчик и, соскочив с козел, бросился наутек.

Пришлось „черту“ ловить извозчика, и даже... пригласить на очередное представление „Фауста“.

ЗНАМЕНИТОГО актера Щепкина спросили:

— Какие роли вы предпочитаете — большие или маленькие?

— Это, батенька, зависит от пьес, — ответил он, — в плохих — роли поменьше. А в хорошей пьесе почему бы и не поиграть?

ДИОГЕНА спросили:

— Укус какого животного наиболее опасен?

— Клеветника! — ответил философ.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

Это был кумир не только моего детства. Благодаря ему сотни мальчишек и девчонок стали заниматься прыжками в высоту.

Весна 1967 года. Апрель бывает в Сочи дождливый, но той весной погода стояла отличная. В один из ясных дней я вдруг увидел Брумеля. Опираясь на палку, Валерий с трудом поднимался на трибуну стадиона, с грустной улыбкой смотрел на нас — старательно тренирующихся молодых спортсменов. Вечером я услышал в гостинице, как тренер сборной говорил кому-то по телефону: «Какие там прыжки! Сейчас главное, чтобы после автомобильной аварии он не остался инвалидом». Я понял: говорят о Брумеле. Трудно было поверить, что мы больше не увидим его прыжков.

Через два года, разминаясь перед одной из тренировок, я обратил внимание на спортсмена в секторе для прыжков. Уж слишком знакомыми были движения в разбеге и стиль прыжка. Так ведь это Брумель! Только высота непривычно маленькая — 180 см. Прыжок за прыжком

совершал олимпийский чемпион. Было видно, что нога еще болит. Иногда между попытками Брумель делал многоскоки на травмированной ноге, и я, не смея подойти близко, следил за его тренировкой. «Приучаю себя к боли», — объяснил потом Валерий.

В третий раз судьба столкнула нас через год, на всесоюзном первенстве спортивных вузов. Думаю, не стоит объяснять с каким волнением зрители и участники соревнований следили за его прыжками.

Случилось так, что мы разговорились. Когда тень от трибуны упала на прыжковый сектор, я пожаловался, что теперь будет неудобно прыгать. Действительно, когда вбегаешь в тень после солнца, то на мгновение словно слепнешь. Брумель рассмеялся.

— Перед самой Токийской олимпиадой я проиграл на первенстве страны Роберту Шавлакадзе. Перед этим несколько лет я выигрывал все соревнования и в победе не сомневался. Тень также падала на сектор и приспособиться я не сумел. Роберт был отличным бойцом и наказал меня за самоуверенность. Так что нужно готовиться к любым неожиданностям.

Валерий замолчал, затянул шнурки на шиповках, а после добавил:

— Тень — это еще не самое сложное. Вернуться в спорт, когда уже почти никто не верит в тебя, гораздо сложнее.

А. МАТУСОВ

*Здравствуй,
„Кузнечик“!*

Мы получили твое письмо, но с ответом задержались, так как думали, где нам лучше заниматься. Площадку теперь нашли и подготовили. В нашу команду мы взяли двух девочек — Зою Потылицыну и Олю Алехину. Они очень любят спорт, хорошо катаются на лыжах. Будем стараться прыгать все выше и выше.

Натasha Гончаренко,
Советское,
Алтайский край

Тренировки мои проходят успешно. Каждое утро я бегаю на школьном стадионе. Вначале было очень тяжело дышать, уставали ноги.

Теперь усталости почти не чувствую. После кросса натягиваю резинку между стоек и стараюсь прыгнуть как можно выше.

Люда Лысенко,
Краснодар

Когда я была совсем маленькой, мы с товарищами ходили смотреть, как тренируется наш сосед — мастер спорта Сергей Бушманов. Он так высоко прыгал и быстро бегал, что нам тоже захотелось заниматься спортом. Через несколько дней я преодолела планку на скромной высоте — 90 см. Но это был мой первый личный рекорд. Теперь я занимаюсь легкой атлетикой уже шестой год и счастлива, что могу сказать: «Я — «кузнечик»».

Зоя Шерабурова,
село Мельниково,
Томская область

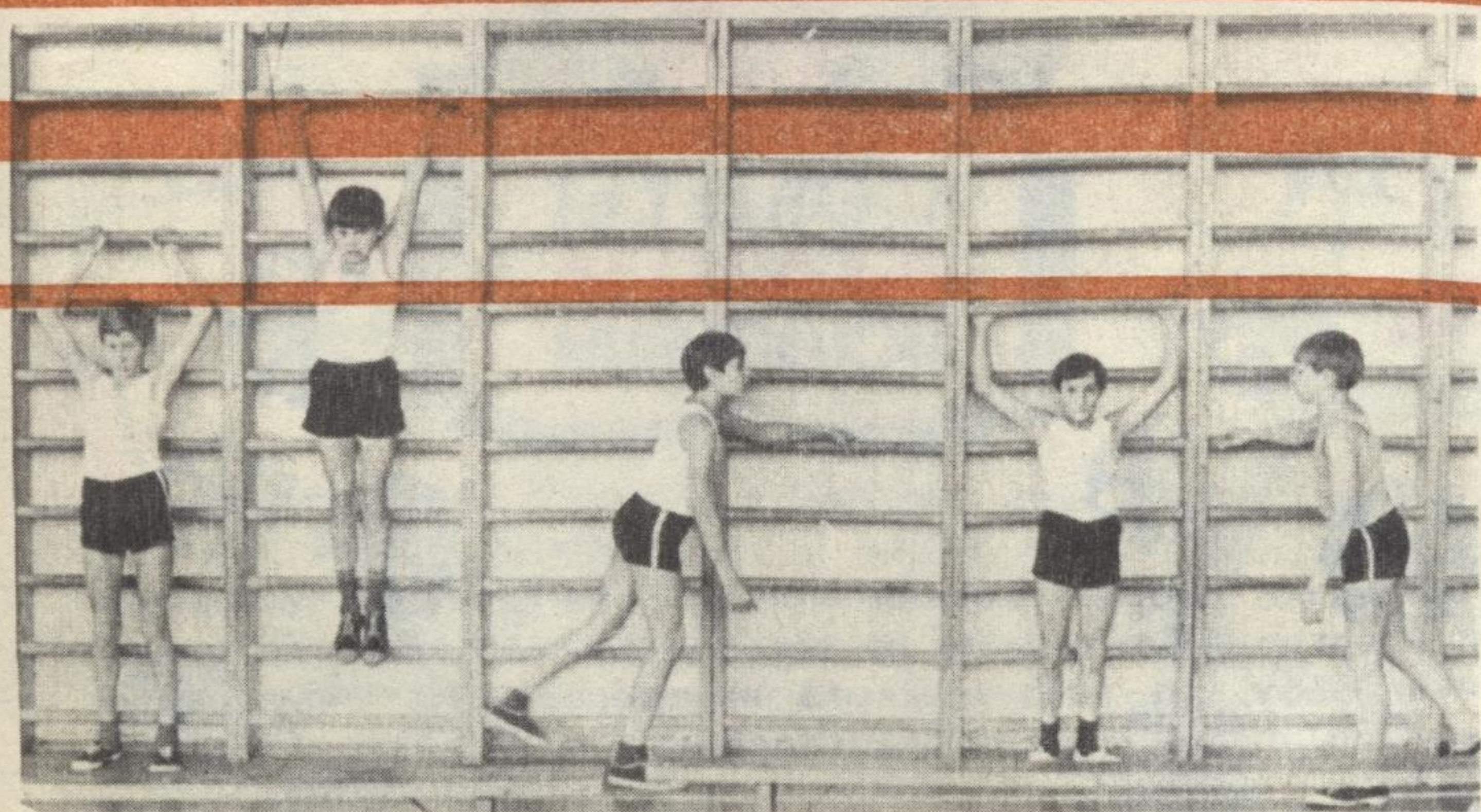
ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Прием в спортклуб продолжается. Для вступления необходимо посоветоваться с родителями, заполнить анкету и прислать ее в редакцию.

АНКЕТА СК «КУЗНЕЧИК»

Имя и фамилия
 Область, город, село
 Год рождения
 Школа, класс
 Рост Вес
 Личный рекорд в прыжках в длину
 в высоту
 в беге на 60 м
 Способ прыжка
 бег на 30 м со старта
 высота, которую удалось зафиксировать рукой
 в прыжке с разбега
 результаты прыжка с места (отталкивание двумя
 ногами) и
 тройного прыжка с места
 в беге на 300 м
 или на 500 м
 и 800 м

ВЫШЕ, ДАЛЬШЕ, БЫСТРЕЕ!

Продолжается всесоюзный конкурс на лучшую школьную команду по прыжкам в высоту и длину и команду в беге на 60 м. Репортаж нашего фотокорреспондента Н. Бондарчука рассказывает о соревнованиях «Кузнечика» школы № 22 города Пскова.

РЕЗУЛЬТАТЫ ФИНАЛОВ
МОСКОВСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
В БЕГЕ НА СТО МЕТРОВ.

Место	Фамилия	Результат
Мужчины		
1.	А. Уэллес (Англия)	10,25 сек.
2.	С. Леонард (Куба)	10,25 сек.
3.	П. Петров (Болгария)	10,39 сек.
4.	А. Аксинин (СССР)	10,42 сек.
5.	О. Лара (Куба)	10,43 сек.
6.	В. Муравьев (СССР)	10,44 сек.
7.	М. Воронин (Польша)	10,46 сек.
8.	Э. Панзо (Франция)	10,49 сек.
Женщины		
1.	Л. Кондратьева (СССР)	11,06 сек.
2.	М. Гёр (ГДР)	11,07 сек.
3.	И. Ауэрсвальд (ГДР)	11,14 сек.
4.	Л. Хаглунд (Швеция)	11,16 сек.
5.	Р. Мюллер (ГДР)	11,16 сек.

ТРЕНИРОВОЧКА

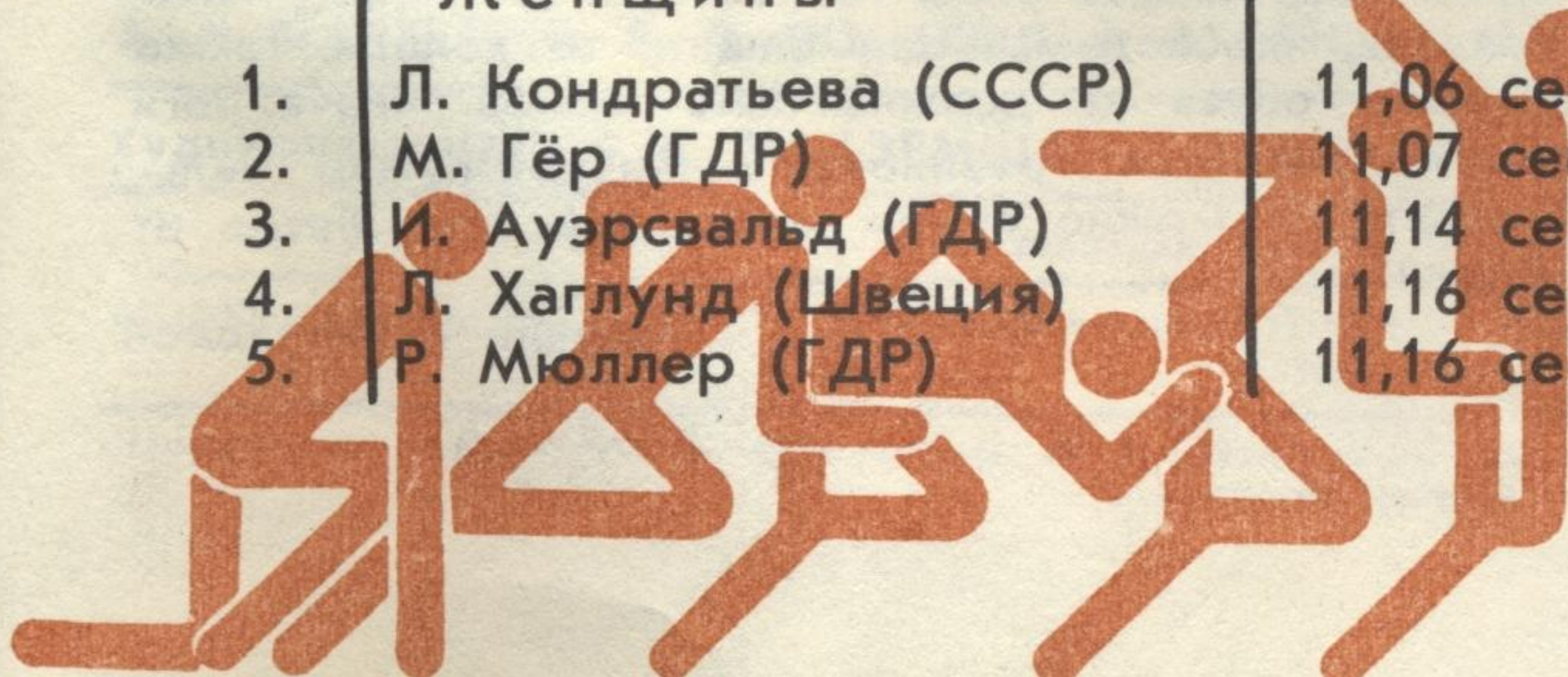
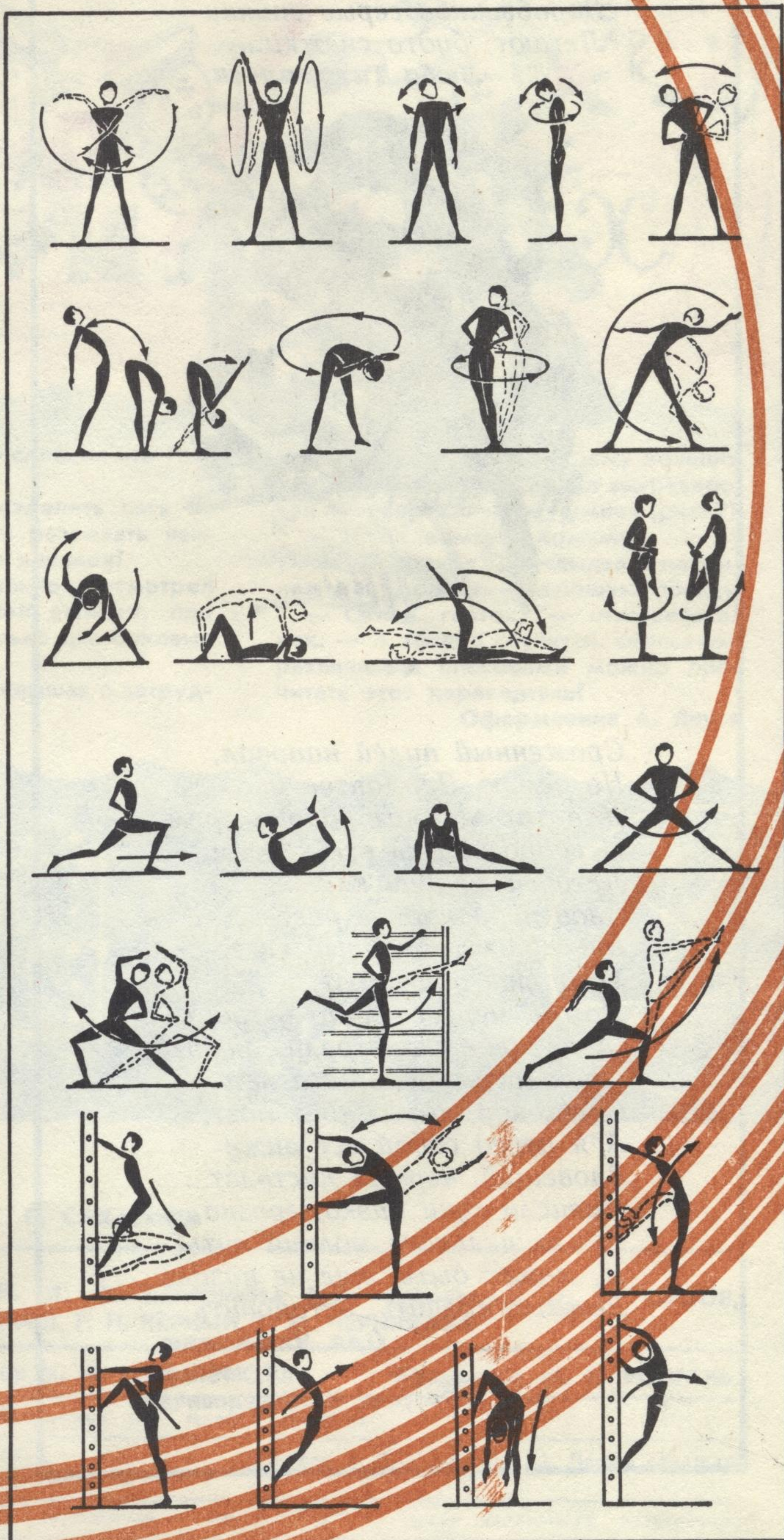
Ведет заслуженный тренер СССР,
заслуженный мастер спорта,
главный тренер СК «Кузнечик»
Эдмунд Исидорович РОХЛИН

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГИБКОСТИ

В легкой атлетике, в том числе и в беге на короткие дистанции, прыжках в длину и высоту для достижения высоких результатов нужны широкие, быстрые движения.

Такие движения возможны при условии, если спортсмен обладает хорошей гибкостью. Зависит гибкость главным образом от подвижности в суставах, способности мышц к растягиванию и умения спортсмена раскрепощать мускулатуру.

Упражнения на гибкость надо выполнять постоянно, включая их в утреннюю зарядку, разминку и выделяя для этих упражнений часть тренировочного занятия.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Кружатся в небе пушинки,
На солнце искрится снежок.
Снегом покрыты тропинки,
Белый от снега лужок.
Капелька с крыши стекает
И, засияв хрусталем,
Словно фонарик слетает
Вниз золотым огоньком.
Белый, молочного цвета,
Домик стоит у дороги,
Шапка на клене надета,
Он седовласый и строгий.
Ягоды на рябинке
Краснеют, как огоньки,
Воробышков серые спинки
Летают, будто снежки...

Люба Тихомирова,
Ташкент

Сраженный пулей наповал,
На землю Лермонтов упал...
И в тот же миг ударил гром,
И содрогнулось все кругом.
Летучей молнии клинок
Свод неба надвое рассек,
Блеснул ее холодный свет,
Убит еще один поэт.
Дождь мертвое лицо остудит,
Куда же вы смотрели, люди?!
Прошло уж более ста лет
С тех пор, когда убит поэт,
А я перед собой все вижу
Зловещий, черный пистолет...
Нависли тучи низко, грозно,
Вдали мелькает молний нить,
И, может быть, еще не поздно
Бежать, кричать, остановить...

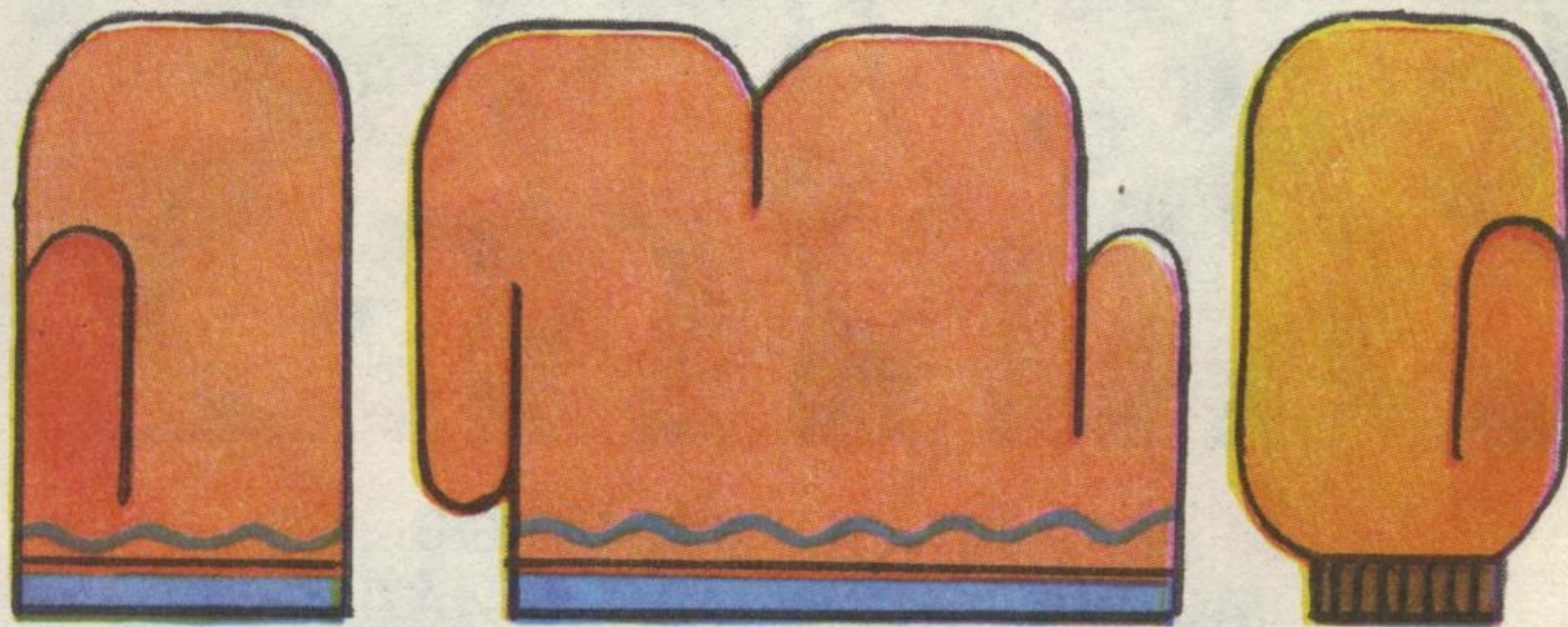
Оля Якимкина,
Куйбышев
Рисунок В. Нефедовича

Мы во дворе провели конкурс на лучшую снежную скульптуру. Слепить ее не так просто, как обычную снежную бабу, но зато намного интереснее. На рисунке ты видишь скульптуры победителей.

В зимние каникулы я вдоволь накаталась на коньках и лыжах, но успела и книжки почитать, и маме помочь. А еще я сшила варежки. По образцу сделай выкройку для своей руки. Проверь правильность выкройки: возьми ненужную тряпочку, вырежи патронку варежки, сметай и примерь. Получилось? Теперь крои одновременно обе варежки, чтобы не вышло ошибки и большие пальцы не оказались скроены на одну руку. Для этого ткань сложи вдвое (лицо с лицом), приколи к ней выкройку и вырезай. Не забудь прибавить один сантиметр на шов! Также выкрой подкладку. Сметай и шей варежки прочным швом, выверни и вложи в них сшитую подкладку. Для лыж хороши варежки из старого плаща «болонья» с фланелевой, байковой или три-

котажной подкладкой. К варежке можно пришить манжет от сношенной шерстяной кофты или верх носка, связанные резинкой. Оторочку варежки можно сделать из искусственного меха. Если меха достаточно, из него хорошо сшить и сами варежки. Их можно носить меховой стороной наружу и вовнутрь. А чтобы шить было легче, ворс по краю выкройки нужно срезать.

МАША ОТВЕЧАЕТ

— Мы поспорили с подругами, что лучше греет ноги — одна пара толстых носков или две пары тонких! (Оля Сухова, город Ермак Павлодарской области).

— Лучше надеть две пары тонких носков: между ними слой воздуха, необходимый для защиты от холода. Также не забудьте: обувь не должна быть тесной, иначе ноги замерзнут. Для обуви с резиновой подошвой нужны стельки. Вырезать их можно самим из войлока или фетра от старой шляпы.

Рисунки Т. Петуховой

Внимание, внимание! Сегодня шхуна «Икс», приписанная к клубу «За семью печатями», отправилась в кругосветное плавание. Команда шхуны: капитан Разгадайка, боцман Дваждыдва, кок Чайнвордыч, юнга Румбик и кот Ангенс.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Сегодня юнга Румбик пугал кота Ангенса своей «кошачьей» метаграммой:

Знай: огромный дикий кот
В жаркой Африке живет.
Он живет, как пилигрим,
И придет, конечно, в Рим,
Коль захочется тебе
Переправить «г» на «б».

ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА

Когда шхуна «Икс» вышла в открытое море, боцман расстелил на палубе старую сеть (рис. 1).

— Займись починкой, пока время есть, — сказал он.

Прошло полчаса, а работа не двигалась.

— В чем дело? — спросил его Разгадайка.

— Думаю: как разделить сеть на две части так, чтобы разрезать наименьшее количество веревок?

Капитан внимательно осмотрел сеть и быстро нашел вариант, при котором режутся только два боковых каната.

Кок Чайнвордыч, услышав о затруд-

нениях боцмана, принес ему волшебную флягу. На фляге был выгравирован перевертыш «Кому умок» (рис. 2).

— Кок, комок, комумок, кому умок, — прочел Дваждыдва и потемнел, как море в нехорошую погоду.

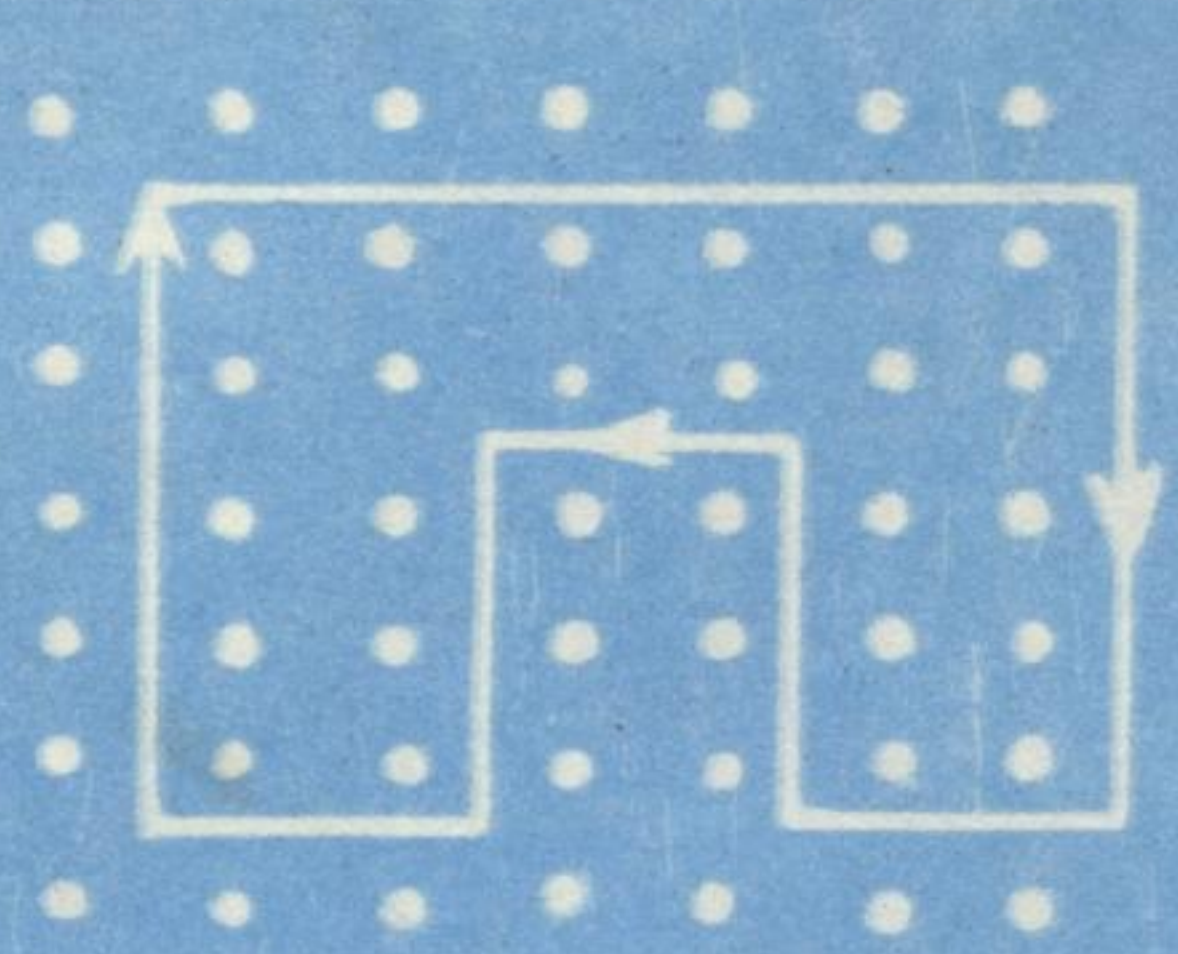
— Отпей глоток, — посоветовал кок. — А заодно сосчитай, сколькими различными способами можно прочитать этот перевертыш?

Оформление А. Януса

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12

Путь Разгадайки и Деда Мороза показан стрелкой.

На елке было 25 игрушек. Закономерность: 1 звезда, 3 кубика, 5 треугольников, 7 шаров, 9 свечей.

$$\begin{array}{r} \times 99 \\ 891 \\ \hline 891 \\ + 9801 \\ \hline 10000 \end{array}$$

Разгадайка разделил пирог так:

Криптарифм.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия: Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА Корректор М. Е. РОШАЛЬ

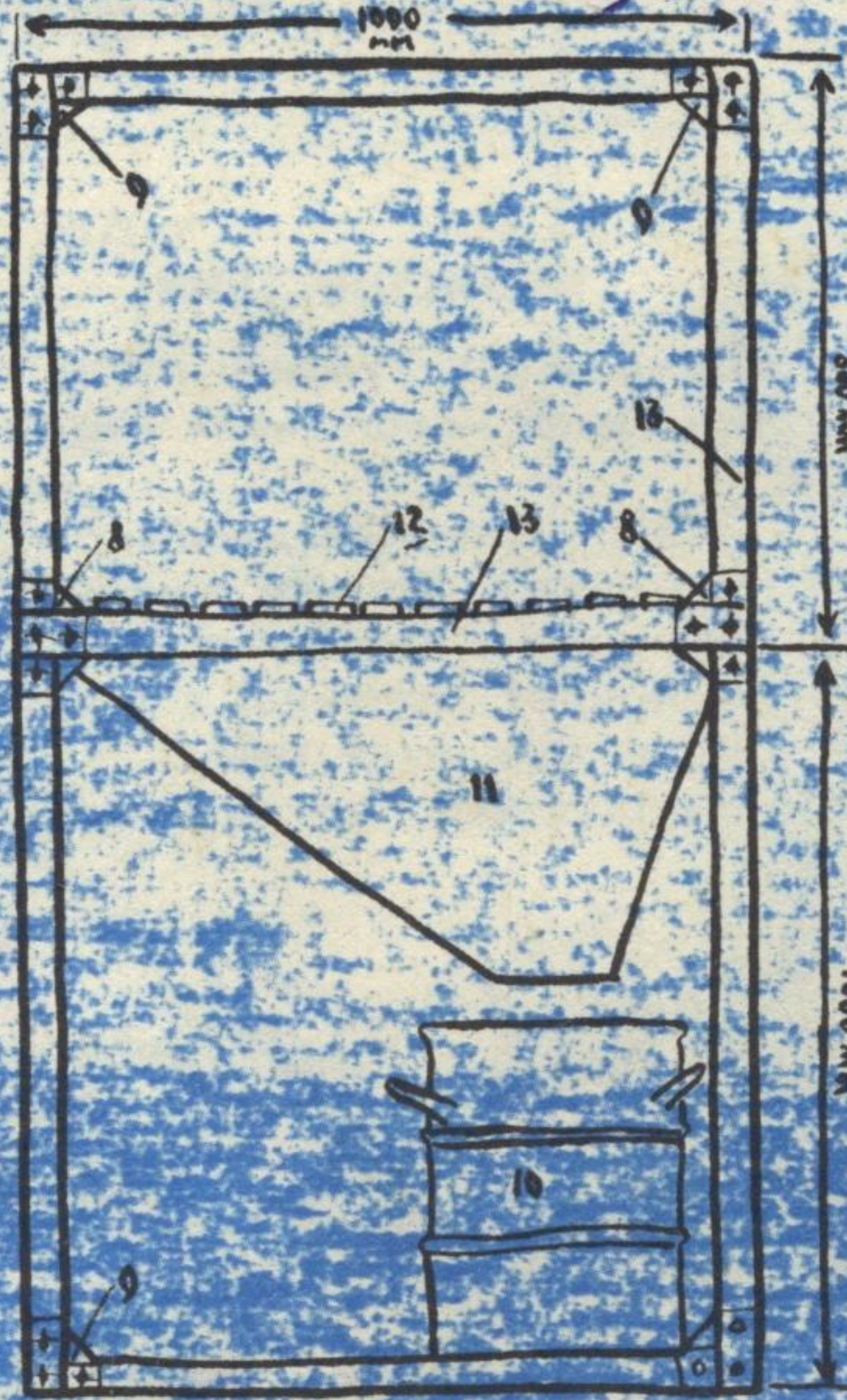
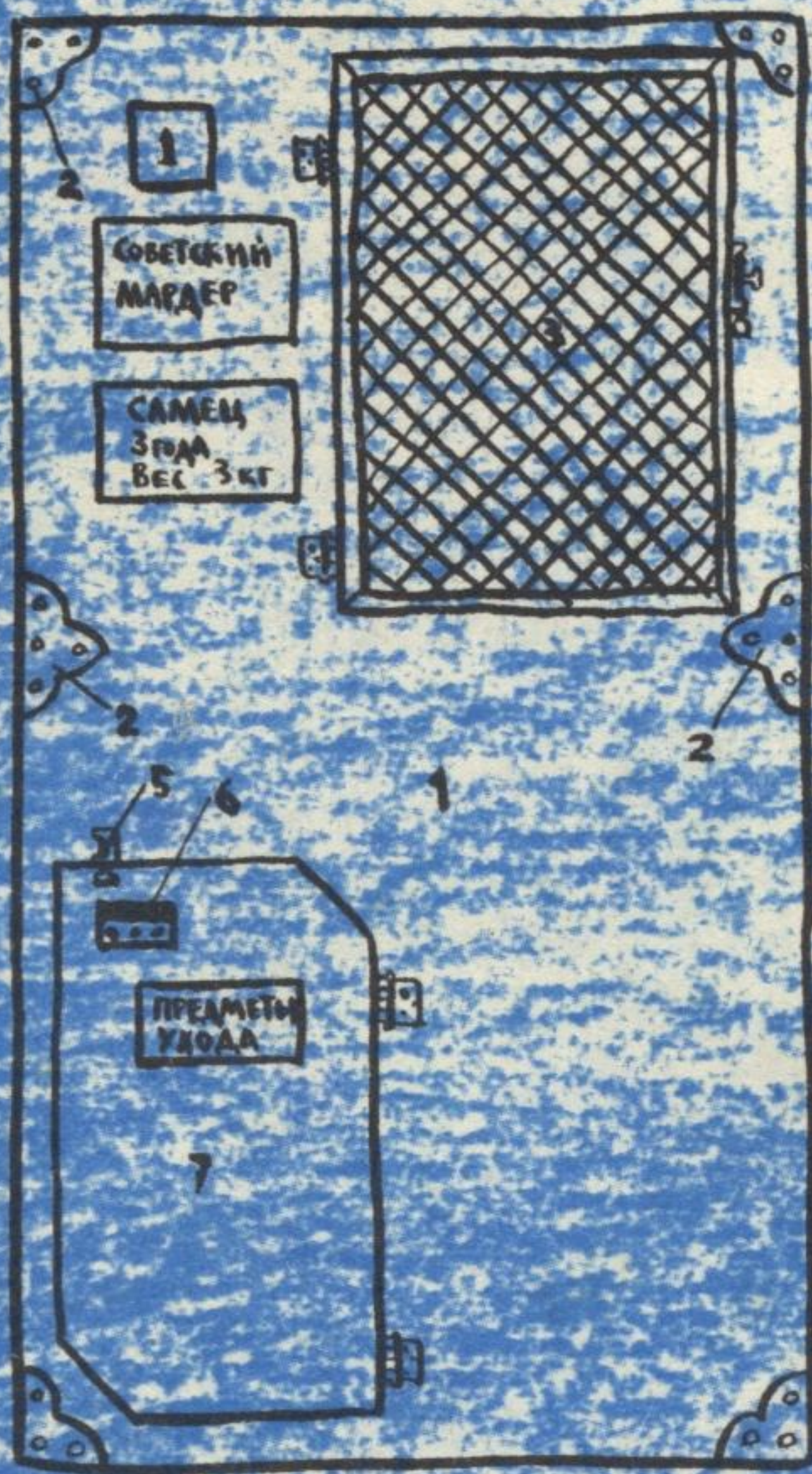
Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-15308. Сдано в набор 08.10.81. Подписано к печати 17.12.81. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,3. Печать офсетная. Тираж 750 000 экз. Заказ 3335. Цена 30 к.

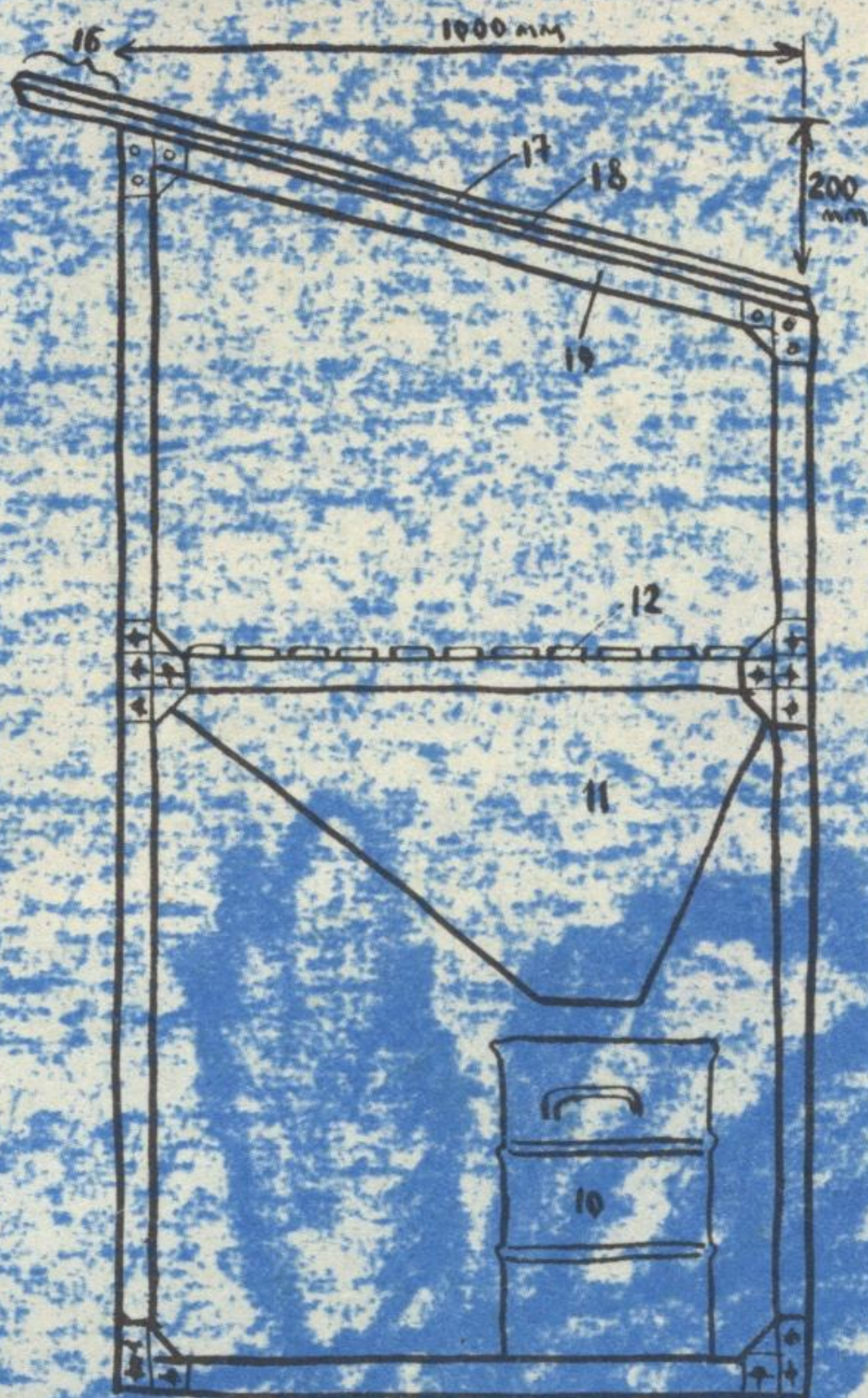
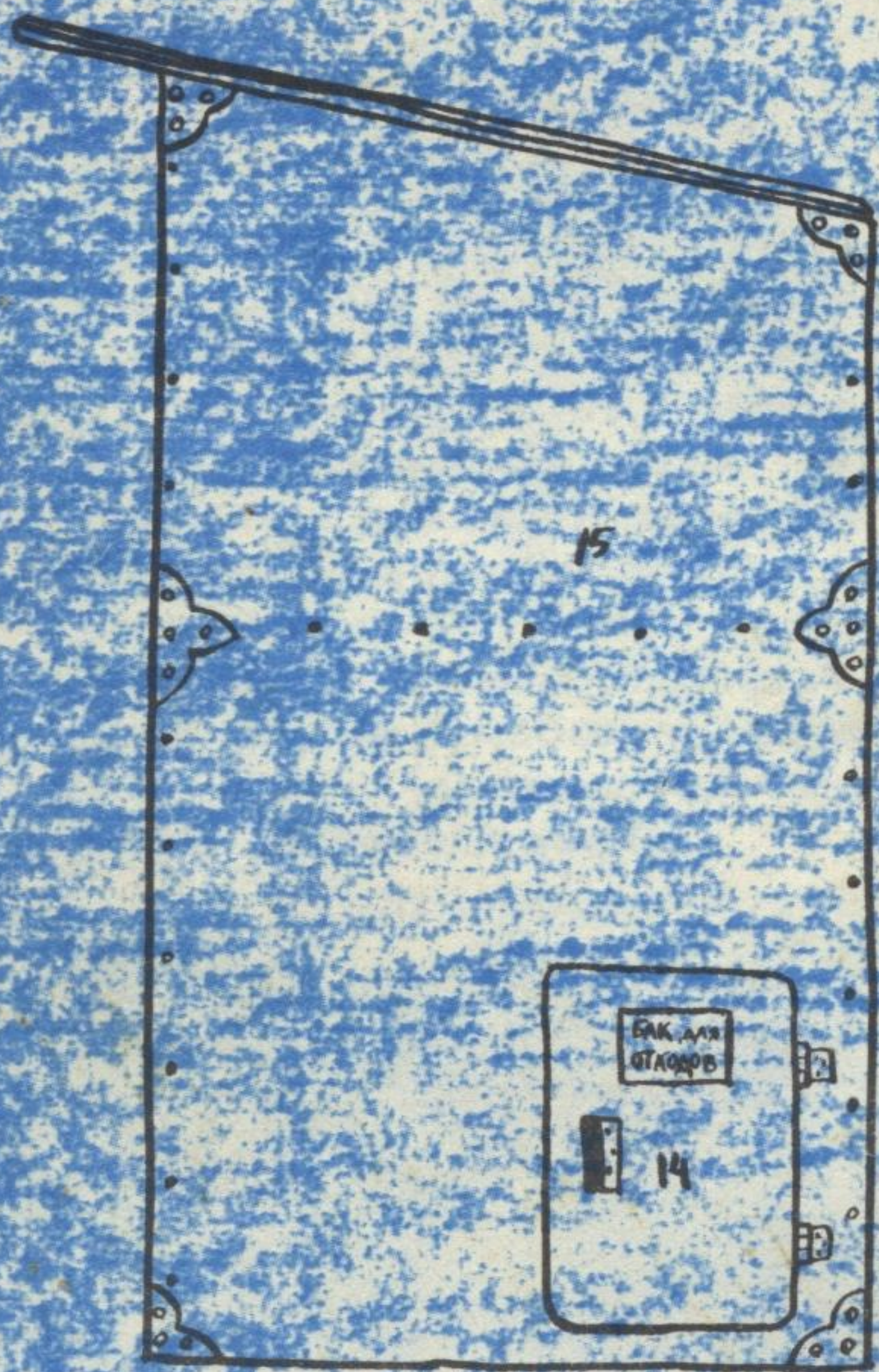
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

КАК СДЕЛАТЬ КЛЕТКУ ДЛЯ КРОЛИКА

100 см ширина
15

- 1) передняя стенка клетки
- 2) декоративные уголки
- 3) сетчатая дверь
- 4) щеколда
- 5) задвижка
- 6) дверная ручка
- 7) дверка в отделение инвентаря
- 8, 9) скрепляющие уголки (фанера)
- 10) бак для отходов
- 11) воронка «мусоропровода»
- 12) решетчатый пол клетки
- 13) опорные брусья
- 14) дверка для постановки бака
- 15) боковая стенка клетки
- 16) козырек
- 17, 18) крыша
- 19) балки крыши

Конструкция пола в клетке.
Рейки расположены по диагонали.
Ширина реек 6 см, промежутки —
2 см.

